№ 16 Августъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТОЯНІЕ

Литтературы и просвѣщенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

(Изъ Писемъ Фенимора Купера о Соединенныхъ Штатахъ).

Вы просите меня описать вамъ подробно состояніе, въ которомъ находятся Искуства и Словесность въ Соединенныхъ Штатахъ. Надобно имѣть большой талантъ, чтобы сдѣлать этотъ предметъ занимательнымъ, ибо матеріялы слишкомъ бѣдны. Впрочемъ, я постараюсь удовлетворить вашему желанію.

Американцы, въ отношеніи къ успѣхамъ ума и просвѣщенія, были совершенно въ особенномъ положеніи нежели другіе народы. Они всегда пользовались благодѣяніями просвѣщенія. Картины, книги, статуи, все что увеличиваетъ наслажденія жизни, все предлагало услуги свои каждому, кто только хотѣлъ дѣлать нѣкоторыя пожертвованія для удовлетворенія своему вкусу. Книги, приобрѣтаемыя за цѣну умѣренную, необходимо

должны были войдти болѣе въ употребленіе, нежели предметы Искуства, и народъ получилъ особенную наклонность къ ученію. Мнѣ кажется, нѣтъ такого бѣднаго жилища въ Сѣверной Америкѣ, въ которомъ не было-бы книгъ. И такъ Словесность, составляя важнѣйшую часть въ предметѣ, о которомъ мы разсуждаемъ, и должна прежде всего занять насъ.

Званія писателей и книгопродавцевъ имѣли разную участь на двухъ полушаріяхъ. Въ Америкѣ книгопродавецъ предупредилъ писателя. Сначала типографіи заняты были тамъ перепечатываніемъ Англійскихъ сочиненій. Альманахи, собранія псалмовъ, разсужденія о религіи, проповѣди, Журналы, сочиненія политическія и даже нѣкоторыя безобразныя произведенія Поэзіи, начали являться одни послѣ другихъ. Таковы были источники Словесности до революціи. Въ Бостонѣ, въ началѣ послѣдняго столѣтія, явился первый Журналъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то-же время напечатаны были нѣкоторыя полемическія сочиненія, замѣчательныя по своему достоинству и оригинальности. Не знаю, гдѣ болѣе было въ то время просвѣщенныхъ людей: въ Новой Англіи, или въ Виргиніи, Мериландѣ и Каролинѣ; но извѣстно то, что въ первой замѣтно было болѣе усилій къ раскрытію талантовъ.

Училища и Университеты (названія, которыя получили сіи заведенія прежде нежели успѣли заслужить ихъ) относятся къ раннимъ временамъ въ Исторіи сей страны. И это еще болѣе подтверждаетъ мнѣніе объ умственной дѣятельности и хорошо направленномъ чувствѣ самолюбія сего народа. *Гарвардъ*, училище, называемое теперь *Кембриджскимъ* Университетомъ и заслуживающее это имя, было основано въ 1638 году, то есть спустя только двадцать лѣтъ послѣ поселенія первыхъ колоній въ Новой Англіи; *Яль* (въ Коннектикутѣ), основано въ 1701; *Колумбія* (въ Нью-Іоркѣ), основано въ 1754; *Нассау-Галль* (въ Нью-Джерзеѣ) и *Вильямъ* и *Мери*, въ Виргиніи, относятся къ 1691 году. Это самыя древнія учебныя заведенія въ Соединенныхъ Штатахъ, и всѣ они, исключая послѣднее, процвѣтаютъ еще до сихъ поръ. Въ *Гарвардѣ* роздано почти пять тысячъ дипломовъ лицамъ, искавшимъ ученыхъ степеней. Тамъ рѣдко было менѣе трехъ или четырехъ сотъ воспитанниковъ; *Яль* считаетъ въ спискахъ своихъ почти столько-же учащихся. Въ другихъ находится отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ, готовящихся къ полученію степеней. Только въ самыхъ новыхъ областяхъ нѣтъ по крайней мѣрѣ по одному или по два училища, въ нѣкоторыхъ-же есть по три.

Образованіе классическое здѣсь не считается

столько важнымъ, сколько въ Европѣ, и такъ какъ курсъ ученія въ училищахъ продолжается только четыре года, то изъ нихъ и не выходитъ людей, слишкомъ замѣчательныхъ по своей учености и знанію древнихъ языковъ. Страна сія не имѣетъ ни народонаселенія, ни средствъ, необходимыхъ для содержанія большаго числа праздныхъ ученыхъ, между которыми одинъ изо ста прибавилъ-бы что нибудь къ общему просвѣщенію. Это роскошь на способности человѣческія, которой Американцы не могутъ еще себѣ позволить. Потеря времени на оную слишкомъ очевидна, а выгоды еще слишкомъ сомнительны, и потому не льзя думать въ Америкѣ о трудахъ чисто литтературныхъ. Я слышалъ, какъ одинъ изъ законодателей Американскихъ ссылался на Горація и Цицерона; но такая ученость не была въ общемъ духѣ и едва-ли не давала повода сомнѣваться въ истинномъ вкусѣ самого оратора.

Рѣдко бываетъ, чтобы подобныя ссылки и указанія въ самомъ дѣлѣ что нибудь доказывали, ибо слишкомъ мало найдется людей столько простыхъ, чтобы они не видали, что приложеніе всякаго правила къ Политикѣ влечетъ за собою множество частныхъ возраженій. И это доказываетъ болѣе бѣдность, нежели богатство ума, доказываетъ отсутствіе ясной послѣдовательности и силы мысли: это представляется

болѣе напряженностію, нежели вдохновеніемъ истиннаго таланта. Когда человѣкъ чувствуетъ, говоритъ, мыслитъ сильно, то онъ старается дать волю собственному своему языку; точно такъ-же какъ онъ предается смѣху въ минуты радости и плачетъ въ минуты печали. Въ Американцахъ много глубокомыслія и остроумія, однакожъ они не видятъ необходимости, въ подкрѣпленіе правилъ нравственности, ссылаться на идолопоклонника потому только, что онъ говорилъ по Латыни.

Но самыя важныя отрасли просвѣщенія сдѣлали быстрые успѣхи въ этой странѣ. До революціи, въ южныхъ и внутреннихъ областяхъ было обыкновеніе, посылать молодыхъ людей хорошихъ фамилій въ Европу, для образованія. Родившіеся во время войны за независимость и вскорѣ послѣ оной, не имѣли сего преимущества. Слѣдующее за симъ поколѣніе не могло также хвалиться просвѣщеніемъ; въ началѣ столѣтія въ училища принимаемы были молодые люди, ничего не читавшіе кромѣ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ Священнаго Писанія по-Гречески, нѣкоторыхъ сочиненій Цицерона и Виргилія и нѣсколькихъ одъ Горація. Но воспитаніе общественное дѣлаетъ большіе успѣхи, и нынѣ надобно быть гораздо лучше приготовленнымъ для вступленія въ Университетъ. Впрочемъ можно смѣло сказать, что до сихъ поръ нѣтъ еще ни одного учебнаго заведенія,

въ которомъ-бы занятія классическія и науки находились на высшей степени. Есть нѣкоторые Профессоры, посвятившіе всю жизнь свою учености (ибо вамъ извѣстно, что вся жизнь, продолжительная жизнь, едва только достаточна для того, чтобы дать человѣку прямое право на названіе ученаго); но число ихъ слишкомъ не велико. Въ 1820 году (по росписямъ) около осьми тысячь награжденныхъ степенями въ двѣнадцати старыхъ училищахъ, находились еще въ живыхъ; изъ нихъ 1406 человѣкъ были духовные. Но какъ многія изъ росписей, употребленныхъ для справокъ, были старыя, то рѣшительно можно сказать, что сихъ людей теперь должно быть гораздо болѣе. Изъ 1792-хъ воспитанниковъ, награжденныхъ степенями отъ 1800 до 1810-го года, 453 посвятили себя духовному званію; это доказываетъ, что религія въ Америкѣ не упадаетъ, и что служители ея не могутъ почитаться необразованными.

Слѣдствія отъ заведеній, учрежденныхъ въ Америкѣ для распространенія успѣховъ Словесности, имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное. Весьма немногіе посвящаютъ себя тамъ Изящному; но познанія, ими пріобрѣтаемыя, вполнѣ достаточны для совершенія самаго дѣятельнаго и самаго полезнаго поприща жизни.

Такъ тысячи молодыхъ людей, которые, чи-

тая самыхъ легкихъ Классиковъ, изучали Математику, чтобы приобрѣсть познаніе въ собственныхъ своихъ силахъ и сообщить болѣе точности своимъ идеямъ, вступили въ общество, и участвуютъ въ общей дѣятельности на поприщѣ жизни. Я готовъ думать, что вообще воспитанники Университетовъ Американскихъ имѣютъ столько-же главныхъ свѣдѣній, сколько и воспитанники вашихъ Университетовъ. Правда, остается еще желать усовершенствованія нѣкоторыхъ предметовъ просвѣщенія; но этотъ недостатокъ и теперь уже болѣе нежели вознагражденъ разнообразіемъ существующихъ познаній. Проведя четыре года въ Университетѣ, многіе изъ молодыхъ людей занимаются въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ изученіемъ законовъ. Въ Америкѣ званіе законоискусника не имѣетъ подраздѣленій. Тамъ Адвокатъ, Прокуроръ, Нотаріусъ заключаются въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ учащійся приобрѣтаетъ общія свѣдѣнія, относительно началъ законовъ и исполненія по нимъ; но онъ не изучаетъ ихъ какъ науку. Онъ не теряется въ лабиринтѣ теорій и не предается слѣпому удивленію ко всѣмъ постановленіямъ Древности. Если встрѣчается ему противникъ болѣе ученый, нежели онъ самъ, то онъ ввѣряется только собственному, природному уму своему и предоставляетъ ссылки на Древнихъ и подобныя странности тому, кто въ этомъ за-

ключилъ и ученость и свои наслажденія. Онъ иногда обманется въ формахъ, но умъ поддержитъ его и научитъ восторжествовать надъ противникомъ. И при сихъ-то спорахъ разрушаются обычаи и мнѣнія, существующіе только на основаніи своей древности, и всѣ феодальныя нелѣпости, столько несообразныя съ вѣкомъ, въ которомъ мы живемъ.

Уроки опытности, бореніе мнѣній, всегдашняя дѣятельность ума, все это ведетъ за собою столько-же свѣдѣній, полезныхъ для молодыхъ должностныхъ людей, сколько можно было-бы пріобрѣсть оныхъ въ самой лучшей школѣ, и что всего важнѣе, такимъ образомъ и самые законы сливаются съ современностію нравовъ. Этотъ самый человѣкъ, о которомъ мы говорили, сдѣлается можетъ быть однимъ изъ законодателей своей страны; если онъ обладаетъ отличными способностями, то онъ дѣятельно обратится къ составленію новыхъ законовъ, которые не основываясь на какой нибудь ученой теоріи, будутъ соотвѣтствовать потребностямъ времени, сдѣлаютъ людей болѣе умными и болѣе благополучными. Такова исторія тысячи молодыхъ людей въ Америкѣ, и она составляетъ важную часть въ Исторіи самой страны.

Но чтобы видѣть ходъ образованности въ Соединенныхъ Штатахъ, должно обратиться къ ея основанію. Публичныя школы, столь мно-

гочисленныя, безъ всякаго сомнѣнія много способствовали къ возвышенію сей страны надъ прочими, и, совершенствуя образъ просвѣщенія, способствуютъ сему и донынѣ. Изученіе законовъ распространяется каждый день болѣе и болѣе и подвергается правиламъ, имѣющимъ большое отношеніе къ духу времени. Медицина совершенствуется, и относительно практики, можетъ теперь стать на-равнѣ съ Европейскою. Большая часть образованныхъ медиковъ въ Америкѣ, получивъ дипломъ, уѣзжаютъ на нѣсколько лѣтъ въ Лондонъ, Эдинбургъ, Парижъ, не рѣдко въ Германію, и возвращаются въ отечество съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, приобрѣтенныхъ въ ученыхъ заведеніяхъ различныхъ земель. Это обыкновеніе столько распространилось и доставляетъ столько рѣшительной пользы, что пренебрегать имъ значило-бы поставлять значительное препятствіе всякому блистательному успѣху. Здѣсь много хорошихъ операторовъ, и какъ одно и тоже лицо есть вмѣстѣ и медикъ и хирургъ, то практика дѣлается отъ этого весьма разнообразною. Жизнь въ Америкѣ есть нѣчто гораздо болѣе значительное нежели въ Европѣ, и я думаю, что вездѣ имѣютъ гораздо менѣе вниманія къ больному, нежели у насъ, особливо если онъ принадлежитъ къ нисшему сословію. Званіе медика здѣсь принадлежитъ къ почетнѣйшимъ; просвѣщенные люди, его составляющіе, счита-

ются на-равнѣ съ особами высшихъ классовъ въ обществѣ, и вы найдете множество медиковъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ Конгреса и отправляющихъ различныя должности по законодательнымъ мѣстамъ.

О духовенствѣ, которое, какъ извѣстно, раздѣляется на множество различныхъ сектъ, говорить не нужно; составляющіе его всегда болѣе или менѣе просвѣщенны, смотря по той важности, которая приписывается наукамъ въ ихъ сектѣ. Вамъ уже извѣстно, сколь велико число посвящающихъ себя религіи воспитанниковъ, изъ исчисленія удостоиваемыхъ степенями въ училищахъ.

Нечего говорить о писателяхъ. Должно признаться, что число книгъ, сочиняемыхъ въ Америкѣ, въ сравненіи съ числомъ книгъ, которыя вообще печатаются и читаются Американцами, весьма не значительно. Главная причина столь видимаго недостатка въ писателяхъ состоитъ въ томъ, что люди не обратились еще здѣсь къ источникамъ собственнаго ума, для поддержанія бытія своего. Соединенные Штаты представляютъ собою первый примѣръ націи, которая имѣя свои учрежденія и слѣдовательно свои мнѣнія, въ отношеніи къ Словесности находится въ зависимости у иностранцевъ. При одномъ языкѣ съ Англичанами, долго имѣвъ обыкновеніе вывозить книги, Американцы и послѣ революціи не измѣ-

нились въ сущности своихъ занятій и удовольствій умственныхъ. Сочиненія перепечатывались изъ видовъ экономическихъ, но все это были сочиненія Англійскія. Если-бы Англичане искусно пользовались столь сильнымъ вліяніемъ, то я думаю что они образовали-бы изъ Американцевъ союзниковъ, способныхъ не только смягчить нынѣшнюю судьбу Англіи, но даже и сдѣлать ее столько-же славною, сколько славно было возвышеніе сего государства.

Много было мнѣній о слѣдствіяхъ, произведенныхъ здѣсь выдумками и клеветами Англичанъ. Мнѣ-же кажется, что подобно всѣмъ нелѣпостямъ, онѣ уничтожали сами себя. Судя по тому, что я слышалъ, кажется, будто Американцы были слишкомъ наклонны слѣдовать мнѣніямъ и предразсудкамъ своихъ союзниковъ; но теперь видно, что они принимаютъ ихъ съ величайшею недовѣрчивостію. Безполезно распространяться объ этомъ направленіи умовъ: я скажу только нѣсколько словъ о вліяніи, которое оно должно имѣть на отечественную Словесность (*). Очевидно, что

(*) Авторъ можетъ здѣсь привести въ подтвержденіе своего мнѣнія слѣдующее: онъ знаетъ, что многія изъ Англійскихъ періодическихъ сочиненій были перепечатываемы и читаемы вообще всѣми въ Соединенныхъ Штатахъ, теперь-же Американцы обращаютъ особенное вниманіе на сочиненія отечествен-

относительно вкуса и формъ, Словесность Англійская и Американская должны имѣть общіе образцы. До революціи, писатели принадлежали обѣимъ націямъ, и нелѣпо думать, чтобы Американцы не имѣли столько-же права на Мильтона, Шекспира и древнѣйшихъ писателей, сколько сами Англичане.

Такъ какъ Американцы продолжали, и послѣ революціи, изучать тщательно писателей Англійскихъ, то очевидно, что и ихъ Литтература должна была подвергаться тѣмъ-же переворотамъ, которымъ подвергалась Англійская. Все различіе, которое только можно надѣяться отыскать въ нихъ, происходитъ единственно отъ мнѣній политическихъ, и Американцы никогда не пренебрегали распространеніемъ оныхъ, въ чемъ можно тотчасъ увѣриться, разсмотрѣвъ ихъ сочиненія. Мы посвятимъ нѣсколько минутъ подробному изложенію настоящаго состоянія Словесности Американской.

Публичные листки составляютъ первую и главнѣйшую часть ея: трудно опредѣлить, сколько

ныя, пренебрегая чужестранными; нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ уже и не перепечатываются болѣе, хотя народонаселеніе умножилось значительно, и слѣдовательно должно было, соотвѣтственно сему, увеличиться и число читающихъ.

Журналовъ печатается въ Соединенныхъ Штатахъ; можно положить *отъ шести сотъ до тысячи.* Въ Нью-Іоркской области болѣе пятидесяти Графствъ, и въ рѣдкомъ изъ Графствъ, въ такой старинной области какова Нью-Іоркская (особенно въ Сѣверной ея части), нѣтъ по крайней мѣрѣ одного Журнала; въ городахъ-же ихъ множество; въ небольшихъ даже получается по три и по четыре Журнала, а во многихъ изъ Графствъ по четыре и по пяти.

Такимъ образомъ, въ области Нью-Іоркской ихъ не менѣе полутораста. Говорятъ, что въ Пенсильваніи считается ихъ до восьмидесяти. Въ сихъ двухъ областяхъ около трехъ милліоновъ жителей. Положимъ, что въ нихъ издается до двухъ сотъ Журналовъ: такъ какъ первая область считается самою просвѣщенною, а вторая менѣе всего достигшею степени общей образованности въ Соединенныхъ Штатахъ, то обѣ онѣ вмѣстѣ и могутъ служить вѣрнымъ показаніемъ умственной дѣятельности цѣлой націи. Посему въ Соединенныхъ Штатахъ можно полагать до восьми сотъ Журналовъ. Впрочемъ, должно признаться, что сей способъ опредѣленія слишкомъ неточенъ, когда дѣло идетъ объ Америкѣ, ибо такой вопросъ основывается преимущественно на успѣхахъ общества въ каждомъ отдѣленіи страны.

Разумѣется, что въ сихъ Журналахъ заключаются всѣ роды достоинствъ; впрочемъ, ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ преимущества пользоваться вспомоществованіемъ людей отличныхъ способностей, что̀, напротивъ, всегда наблюдается относительно важнѣйшихъ Европейскихъ Журналовъ. Здѣсь лучшій Журналъ имѣетъ иногда только одного издателя, но рѣдко случается, чтобы сей послѣдній не имѣлъ довольно опытности въ людяхъ и дѣлахъ и не могъ судить о современныхъ происшествіяхъ. Польза отъ Американскихъ Журналовъ состоитъ не въ томъ, чтобы они имѣли вліяніе на духъ народный, относительно предметовъ политики, или нравственности, но въ томъ, что посредствомъ ихъ раскрываются самыя происшествія. Ясно, что если-бы они были согласны между собою, то могли-бы, соединенными силами, дать рѣшительное направленіе общей волѣ; но ни въ чемъ не сходствуя между собою, исключая только того, что относится непосредственно къ ихъ выгодамъ, они противорѣчатъ одинъ другому, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать одинаково, относительно вопросовъ касающихся политики; истина объясняется послѣ рѣшительныхъ, жестокихъ преній, отъ того происходящихъ. Такимъ образомъ Журналы, вмѣсто того чтобы управлять общимъ мнѣніемъ, должны постоянно покоряться ему; они пишутъ мысль, доставляя ей

средства выражаться, но рѣдко служатъ къ чему нибудь важнѣйшему. Безъ сомнѣнія, вліяніе каждаго листка политической газеты должно соотвѣтствовать твердости и тому искуству, съ которымъ она держится началъ, почитаемыхъ здѣсь лучшими; но должно также, чтобы и начала сіи согласовались съ общимъ мнѣніемъ; иначе всѣ труды будутъ напрасны.

Журналы въ Америкѣ воздержнѣе въ своихъ преніяхъ, нежели Англійскіе, и смѣлѣе Французскихъ. Духъ народа и общее уваженіе къ чувствамъ каждаго лица, слѣдствіе можетъ быть менѣе поддѣльнаго состоянія общества, отличаютъ ихъ отъ Французскихъ Журналовъ. О дѣлахъ частныхъ лицъ рѣдко говорится здѣсь въ Журналахъ; не говорится даже никогда, исключая только тѣ случаи, когда они имѣютъ отношеніе къ дѣламъ общественнымъ, или когда хотятъ быть полезными этому лицу. Впрочемъ, въ Америкѣ начинаетъ вводиться одно обыкновеніе, заимствованное у Англичанъ и принятое уже Французами, обыкновеніе, доказывающее, что чувства самыя непохвальныя общи людямъ при всѣхъ системахъ, и, чтобы обнаружишься, имѣютъ нужду только въ благопріятномъ случаѣ. Я хочу сказать объ обычаѣ, давать отчетъ о судебныхъ засѣданіяхъ, что служитъ только пищею пустому любопытству въ народѣ, жаждущемъ ссоръ.

Говорятъ, что въ обнародованіи актовъ не можетъ быть никакого зла, если зала засѣданій открыта для всѣхъ. Странно, что суды, со всею строгостію поступая по правилу: « Гораздо лучше освободить двѣнадцать виновныхъ, нежели погубить одного невиннаго, » бываютъ причиною величайшихъ несправедливостей, каждый день происходящихъ отъ этого обыкновенія. Въ самомъ дѣлѣ, если судебная зала отворена для каждаго, то она отворена для того, чтобы этотъ каждый входящій могъ увѣриться въ безпристрастіи и справедливости, съ которыми предлагаются дѣла; но свѣтскіе люди, вмѣсто того чтобы присутствовать въ засѣданіяхъ, довольствуются только подтвержденіемъ, что изложеніе дѣла, которое они имѣютъ въ рукахъ, совершенно точно, и что, прочитавъ его, можно судить обвиняемаго. Конечно, Журналистъ легко передастъ каждое собственное выраженіе допрашиваемаго; но возможно-ли описать взглядъ, физіономію, осанку? А между тѣмъ, безъ сихъ признаковъ, не льзя судить о степени достовѣрности показаній неизвѣстнаго свидѣтеля, хотя каждый думаетъ, что имѣетъ предъ собою самыя вѣрныя средства узнать истину. И по сему-то не найдется дюжины рѣшеній, въ которыхъ то или другое опредѣленіе суда не показалось-бы страннымъ. Правда, мысль, что присутствовавшимъ лучше было судить, успо-

конвоемъ. Сверхъ того, обыкновенно не имѣя непосредственнаго отношенія къ симъ дѣламъ, каждый остается удовлетвореннымъ. Но что бываетъ съ несчастнымъ, исторгнутымъ изъ его убѣжища для опроверженія несправедливыхъ обвиненій, падающихъ или на него самого, или на его собственность, или на его образъ мыслей?

Если этотъ человѣкъ добродѣтеленъ, то сколько потерпитъ онъ, чувствуя что не только самъ онъ, но, что всего хуже, и тѣ слабыя существа, которыхъ бытіе заключается въ немъ, каждую минуту, въ продолженіе многихъ недѣль, будутъ страдать отъ жаднаго любопытства читателей? Для правосудія должно быть достаточно, чтобы такія дѣла были обнародованы столько, сколько нужно для отвращенія преступленій; но подобное благодѣяніе обращается въ бичъ народа, когда то, что должно было-бы служить къ нашему защищенію, дѣлается источникомъ бѣдствій каждаго. Правосудіе дѣйствуя въ ходѣ своемъ для общаго блага, необходимо бываетъ причиною и многихъ золъ; но жестоко думать, что самое оправданіе человѣка должно напоминать обществу, что онъ былъ обвиненъ. Есть много доказательствъ, что это обыкновеніе имѣло важныя послѣдствія въ Англіи: каждый день, многіе уступаютъ самымъ низкимъ происканъ для того только, чтобы избѣгнуть объясненій и замѣчаній тѣхъ людей, которые ихъ-же занима-

ютъ за завтракомъ подобными печальными разсказами. Безъ всякаго сомнѣнія есть случаи, требующіе пожертвованія спокойствіемъ чувствъ частнаго лица для общей пользы, но весьма не рѣдко должно бываетъ также уступить и тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаются справедливою и благоразумною любовію къ человѣчеству.

Типографіи пользуются въ Соединенныхъ Штатахъ самою неограниченною свободою книгопечатанія относительно всѣхъ предметовъ, касающихся Политики. Никакой письменный документъ не можетъ быть доказательствомъ измѣны, если онъ только не обнаруживаетъ сообщенія съ непріятелемъ. Человѣкъ должностной не имѣетъ другаго покровительства противъ Журналовъ, кромѣ независимаго суда присяжныхъ, наказывающаго виновнаго соотвѣтственно достоинству и важности обиженной стороны; впрочемъ, вообще, поступки людей, служащихъ государству, разсматриваются сообразно нѣкоторымъ принятымъ правиламъ умѣренности. Слабыя обвиненія уничтожаются сами собою, но важныя требуютъ значительной защиты. Должно признаться, что таковая свобода нарушаетъ иногда спокойствіе гражданъ, но она-же, вмѣстѣ съ тѣмъ, привязываетъ каждаго къ его должности и рѣдко бываетъ причиною продолжительныхъ золъ. Если неосновательно дѣлаются важныя обвиненія противъ человѣка государствен-

наго, то, по нравственному толкованію закона, они обращаются въ преступленіе противъ общества и, слѣдовательно, должны быть наказываемы какъ таковое преступленіе; начала, на которыхъ основываются въ семъ случаѣ, очень просты. Если А обвиняетъ В въ поступкѣ, нарушающемъ законъ, то онъ долженъ представить и свои доказательства; если-же не имѣетъ ихъ, то долженъ пострадать самъ. Но если-бы Издатель Журнала, или кто либо другой, обвинялъ въ преступленіи (сколько-бы оно ни было важно) самого Президента, и могъ доказать это, то онъ дѣйствовалъ-бы съ такою-же увѣренностію въ томъ, что онъ не можетъ быть наказанъ, какъ будто-бы самая власть была въ рукахъ его. Тогда общее мнѣніе, которое не только имѣетъ отношеніе къ закону, но здѣсь даже составляетъ самый законъ, подало-бы ему свою могущественную руку помощи. Обвиненія противъ злоупотребленій книгопечатанія бываютъ чрезвычайно рѣдко, и слѣдовательно, одно это уже ясно показываетъ общій духъ приличія, царствующій въ народѣ. Въ самомъ дѣлѣ, общественное мнѣніе, между прочими своими законами, всегда рѣшительно имѣло въ виду и то, чтобы въ самыхъ жаркихъ спорахъ никто не переступалъ извѣстныхъ предѣловъ; служа постоянно твердою опорою свободы книгопечатанія, оно требуетъ повиновенія въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ.

Оставляя Журналы, мы переходимъ теперь непосредственно къ сочиненіямъ, являющимся также періодически. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются хорошимъ успѣхомъ и многія изъ ученыхъ тетрадокъ, печатаемыхъ каждый мѣсяцъ или каждую недѣлю, имѣютъ свое достоинство.

Англія богата людьми отличными, живущими только въ своихъ сочиненіяхъ для *Магазиновъ*, которые составляютъ родъ литтературныхъ и ученыхъ обозрѣній, издаваемыхъ каждый мѣсяцъ и всегда по плану довольно обширному. Журналы сіи столько хороши, что въ Америкѣ не льзя состязаться съ Англичанами въ этомъ родѣ Словесности. Посему-то теперь издаютъ здѣсь мало подобныхъ періодическихъ сочиненій, но привозятъ и читаютъ много.

Литтература въ Соединенныхъ Штатахъ должна побѣдить много препятствій, прежде нежели она станетъ на ряду съ Литтературою Англійскою. Произведенія геніяльныя могутъ являться отдѣльно, по вдохновенію чувства восторженнаго, ихъ сотворившаго; но едва-ли каждый талантъ не завидуетъ особенно тому успѣху, который обнаруживается въ наградахъ болѣе прочныхъ, денежныхъ; а такъ какъ книгопродавецъ въ Америкѣ можетъ печатать Англійское сочиненіе, не платя за него ничего, то это и будетъ въ продолженіе еще нѣсколькихъ лѣтъ

препятствовать Словесности отечественной, пока покровительство законовъ не распространится на нашихъ писателей. Ни одинъ издатель не купитъ эпической поэмы, трагедіи, сонета, романа, пока онъ такіе-же можетъ имѣть даромъ. Я говорилъ съ людьми, могшими судить объ этомъ, и признаюсь, былъ удивленъ ихъ словами.

Одинъ богатый Американскій книгопродавецъ увѣрялъ меня, что здѣсь нѣтъ двѣнадцати писателей, которыхъ сочиненія спалъ бы онъ охотно печатать, между тѣмъ какъ онъ-же сотни Англійскихъ книгъ перепечатываетъ безпрестанно. Это предпочтеніе происходитъ не столько отъ неравенства ихъ достоинствъ, сколько отъ того, что прибавляя къ цѣнѣ оригинальнаго сочиненія еще неизвѣстность въ успѣхѣ, сопровождающую каждое новое предпріятіе, перевѣсъ всегда на сторонѣ потери. Общій вкусъ читающей здѣсь публики лучше Англійскаго. Доказательство на это представляютъ сотни книгъ, которыя читаютъ и печатаютъ въ Англіи, и которыя здѣсь не имѣли-бы никакого хода. Книгопродавецъ, по-сю сторону Океана, имѣетъ выгоду въ томъ, что можетъ знать мнѣнія о книгахъ, которыя онъ желаетъ напечатать, и можетъ ожидать (исключая тѣ, за которыя ручается имя Автора) суда критиковъ Англійскихъ, прежде нежели сдѣлаетъ свой выборъ. Сказавъ, что

причина, почему цѣняпіся слишкомъ дешево сочиненія отечественныхъ писателей, не заключается въ бѣдности талантовъ, можетъ быть я долженъ-бы былъ лучше объяснить мои мысли. Каждый талантъ слишкомъ увѣренъ въ томъ, что онъ вездѣ сыщетъ вѣрную себѣ дорогу къ богатству и почестямъ, и потому не идетъ по неизвѣстной и опасной тропѣ; онъ лучше вознагражденъ въ обыкновенной жизни, нежели на такомъ поприщѣ, на которомъ подвергается опасности состязанія съ другими.

Второе препятствіе, которое предстоитъ нашей Литтературѣ, заключается въ бѣдности матеріяловъ, находящихся въ ея распоряженіи. Едва есть одинъ источникъ, изъ котораго писатель можетъ почерпнуть что нибудь, между тѣмъ какъ въ Европѣ сихъ источниковъ множество. Здѣсь нѣтъ лѣтописей для историка, странностей для поэта-сатирика; нѣтъ оригинальныхъ характеровъ для драматическаго писателя, таинственныхъ вымысловъ для романиста, важныхъ и дерзкихъ происковъ пропивъ добродѣтели для автора нравственныхъ сочиненій, наконецъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ блистательныхъ вымысловъ, которыми пишется поэзія. Я очень хорошо знаю, что есть теоретики, утверждающіе, что общество и постановленія наши должны особенно благопріятствовать различнымъ произведеніямъ ума. Но опытъ

трехъ, четырехъ-недѣльнаго пребыванія здѣсь достаточенъ для убѣжденія каждаго здравомыслящаго наблюдателя въ ложности такого мнѣнія.

Здѣсь совершенное равенство позволяетъ каждому имѣть одни и тѣже пріемы. Нигдѣ не видалъ я націи, болѣе нежели жители Соединенныхъ Штатовъ похожей на себя. Здѣсь не только одинъ похожъ на другаго, но всѣ явно представляются тѣмъ, чѣмъ здравый смыслъ указываетъ имъ быть. Правда, въ удаленныхъ областяхъ можно отыскать нѣкоторыя черты оригинальныхъ характеровъ, но онѣ не принадлежатъ ни къ разительнымъ, ни къ поэтическимъ, и не всегда составляютъ собою какое нибудь счастливое исключеніе. Наконецъ, невозможно вообразить себѣ состоянія общества, въ которомъ было-бы болѣе настоящаго здраваго смысла и менѣе условныхъ нелѣпостей. Нѣтъ ни особеннаго костюма крестьянъ, ни парика для судьи, ни жезла для Генерала, ни отличія для высшаго правительства; самые темные вѣка здѣшней Исторіи освѣщены пламенникомъ истины. Величайшіе подвиги рыцарства подведены подъ законы божественные, и дѣянія мудрецовъ и героевъ должны воспѣваться на языкѣ, который ни въ чемъ почти не отличается отъ языка десяти заповѣдей. Сколькобы все это ни было полезно, сколько-бы ни было достойно уваженія, относительно жизни дѣйствительной, но человѣкъ геніяльный мало най-

детъ въ этомъ предметовъ для своего вдохновенія.

Правда, Американцы имѣютъ теперь нѣсколько поэтовъ, которые умѣли извлечь сущность изъ сихъ простыхъ и грубыхъ матеріяловъ; но они должны были искать своихъ вдохновеній въ общихъ законахъ природы, и всегда тѣмъ болѣе успѣвали, чѣмъ чаще обращались ко всеобщности сихъ высокихъ задачъ. Посреди молодыхъ людей, счастливо одаренныхъ талантами, особенно замѣчателенъ теперь одинъ (Галлекъ) по своей тонкости, полной ироніи и соединенной съ поэтическимъ, часто возвышеннымъ слогомъ. Писатель сей началъ свое поприще, какъ поэтъ сатирическій, въ одномъ изъ Нью-Іоркскихъ Журналовъ. Матеріялы не были богаты, но гармонія стиховъ, вѣрность и сила сравненій, блистательная веселость духа, вскорѣ отличили его. Люди со вкусомъ усовершенствованнымъ видѣли, что онъ ходилъ еще на помочахъ; но спустя нѣсколько времени, послѣ изданія небольшаго сочиненія, подъ заглавіемъ *Фанни*, онъ посѣтилъ Англію; тамъ быстро возвысился духъ его; онъ сдѣлалъ опытъ въ забавномъ родѣ сочиненія, и произвелъ одно изъ совершеннѣйшихъ полу-героическихъ описаній, какими только могла хвалиться Англія. Это также доказываетъ истину мною сказаннаго; доказываетъ, какое вліяніе имѣютъ на поэта нравы и обстоятельства времени. Я

могъ-бы назвать еще многихъ молодыхъ здѣшнихъ поэтовъ, имѣющихъ рѣдкіе таланты: Бріанъ, Персиваль, Спрегъ (Sprague) должны обратить на себя особенное вниманіе, какъ писатели, которыхъ сочиненія доставили-бы вамъ особенное удовольствіе. Къ сожалѣнію, они неизвѣстны еще на вашемъ языкѣ (*); но я увѣренъ, что вы сами нашли-бы лучшія сочиненія ихъ достойными перевода.

Романы составляютъ вторую отрасль произведеній воображенія, хотя безъ всякаго сомнѣнія низшую. Послѣ всего, мною вамъ уже сказаннаго, вы не должны ожидать очень многаго отъ произведеній романистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Вѣроятно, тѣже самыя причины будутъ препятствовать еще нѣсколько времени и вдохновеніямъ драматическихъ геніевъ. Однакожъ повѣсти и комедіи не новы уже въ Словесности здѣшняго края. Многія явились вскорѣ послѣ революціи и еще множество ихъ издано въ послѣдніе годы. Одинъ изъ романистовъ, менѣе всего покорившійся нравамъ настоящаго общества, отличается силою и свѣтлостію мыслей. Я помню, что въ ранней молодости моей я читалъ одно изъ его сочиненій (Виландъ), и полагаю неоспоримымъ доказательствомъ его генія то, что среди множества сходныхъ между собою картинъ,

(*) Авторъ пишетъ сіе къ Итальянцу. *Прим. Пер.*

одна за другою слѣдовавшихъ, образы, которые онъ пробудилъ въ душѣ моей, навсегда остались въ ней ясными и господствующими. Авторъ сей, Брокденъ Броунъ, пользуется особенною славою между соотечественниками, которыхъ голоса очень безпристрастны, ибо онъ въ сочиненіяхъ своихъ не льстилъ ни одному изъ предразсудковъ націи.

Слава Ирвинга извѣстна вамъ. Писатель сей въ высочайшей степени обладаетъ тѣмъ, что Англичане называютъ *юморъ*, родъ умственной веселости, въ которой было отказано его соотечественникамъ. Достоинство его тѣмъ болѣе важно, что онъ родился посреди такого общества, гдѣ царствовали холодность и принужденіе. Кромѣ сихъ писателей, есть еще множество другихъ, которые на этомъ-же поприщѣ пользуются нѣкоторою благосклонностію въ здѣшнемъ краѣ; сочиненія двухъ или трехъ изъ нихъ были даже переведены на другіе Европейскіе языки и въ большемъ количествѣ перепечатаны въ Англіи. Хотя романисты въ Америкѣ и должны сражаться съ неудобствами, о которыхъ говорено было выше, но при всемъ томъ, они всегда имѣютъ нѣкоторую занимательность въ новости предмета, который не лишенъ бываетъ поэтической прелести. Думаю однакожъ, можно вообще положить, что они всегда были болѣе или менѣе счастливы, смотря потому, какъ близки или

далеки были они отъ истины въ изображеніи оригинальныхъ нравовъ своей земли. Я говорю здѣсь объ ихъ успѣхѣ, въ качествѣ только романистовъ. Каждому Американцу, безъ всякаго сомнѣнія, не трудно представить описаніе нравовъ своего края, въ сочиненіи, которое ему угодно было-бы назвать романомъ, и онъ нашелъ-бы читателей, ибо публика любитъ такія подробности; но безъ сомнѣнія никто не сталъ-бы читать его за эту поэтическую, неопредѣленную прелесть, которая соединяется съ описаніемъ нравовъ, менѣе грубыхъ и менѣе однообразныхъ. Всѣ опыты, дѣланные до сихъ поръ въ родѣ Историческихъ романовъ, не были удачны. Нѣкоторыя изображенія усовершенствованія общества на границахъ имѣли болѣе успѣха потому, что въ нихъ есть нѣчто новое, хотя и не поэтическое; однакожь лучше всего приняты здѣсь такія сочиненія, въ которыхъ писатели старались изображать характеры общіе всѣмъ. Но если допустить это, то очевидно, что писатель въ Америкѣ долженъ основывать славу свою на изображеніи общихъ качествъ; его наблюденія ограничиваются кругомъ общества, въ которомъ все стремится не только къ уничтоженію страстей, но даже къ уравненію самыхъ характеровъ.

Американцы всегда имѣли наклонность къ полемическимъ и политическимъ сочиненіямъ. Ихъ

проповѣди и рѣчи 4-го Іюля (день празднованія независимости Соединенныхъ Штатовъ) многочисленны; ихъ Историки, не будучи ни слишкомъ классическими, ни слишкомъ глубокими, замѣчательны по своему справедливому, превосходному суду. Можетъ быть нѣтъ на нашемъ языкѣ логика, болѣе сжатаго въ метафизическихъ разсужденіяхъ своихъ чѣмъ Эдвардсъ. Американскіе богословы также заслуживаютъ особенное вниманіе.

Театръ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенно Англійскій: пьесы и акшеры, исключая весьма немногихъ, все почти привозные. Путешественникъ найдетъ множество театровъ тамъ, гдѣ онъ и не ожидалъ. Архитектурою и украшеніями они равняются съ Европейскими. Фасадъ главнаго театра въ Филадельфіи (если не ошибаюсь) мраморный, Іоническаго ордена. Въ Нью-Іоркѣ есть театральныя залы, которыя величиною не менѣе Théâtre-Français, и почти поспорятъ съ нимъ въ украшеніяхъ. Кромѣ ихъ есть еще прекрасный маленькій театръ, на которомъ играются пьесы въ легкомъ родѣ, и еще другой, съ преогромною сценою для мелодрамы. Есть также болѣе двухъ или трехъ цирковъ, гдѣ люди и лошади состязаются въ проворствѣ и ловкости, какъ у Франкони.

Американцы хорошо награждаютъ драматическіе таланты. Кукъ, величайшій изъ Англійскихъ трагическихъ акшеровъ нашего вѣка, умеръ въ

Соединенныхъ Штатахъ. Въ Англіи нѣтъ почти ни одного знаменитаго актера, который рано или поздно не пускался-бы за Океанъ. Шекспира также умѣютъ цѣнить здѣсь, какъ и въ его отечествѣ. Вкусъ въ Америкѣ лучше нежели въ Англіи, ибо онъ сходенъ со вкусомъ остальной Европы. Вы можете спросить меня, что̀ образовало вкусъ Американцевъ, и я буду отвѣчать, что народъ, менѣе отличающійся крайностями въ правахъ своихъ, не могъ наслаждаться представленіями, которыя не оправдывались судомъ ума. Я слышалъ, какъ одинъ актеръ жаловался, что онъ никогда не игралъ передъ публикою, болѣе холодною той, которая его иногда видѣла; слышалъ и публику, которая жаловалась, что она никогда не видала такихъ жалкихъ фарсовъ, какъ въ этотъ разъ. Трагедія и высокая комедія, которыя у Англичанъ, какъ вамъ извѣстно, совершенны, всегда имѣютъ здѣсь успѣхъ, если хорошо представляются. Наконецъ, вкусъ народа и образъ мыслей объ Искусствѣ Драматическомъ доказывается числомъ театровъ, которое очень велико въ сравненіи съ населенностію здѣшняго края.

Въ Соединенныхъ Штатахъ нѣтъ, или почти нѣтъ писателей драматическихъ; замѣчанія, сдѣланныя мною на счетъ романовъ, вдвое важнѣе относительно сего рода сочиненій. Остроумная комедія Американская, и притомъ имѣющая боль-

шой успѣхъ, не можетъ быть сотворена талантомъ обыкновеннымъ. Конечно легче было-бы сочинить трагедію, но въ такомъ случаѣ надобно бороться съ иностранцами, между тѣмъ какъ есть другіе пути для генія, слѣдуя которымъ успѣхъ предпріятія не такъ сомнителенъ. Единообразіе жизни въ Америкѣ явно враждуетъ съ Драматическимъ Искуствомъ. Никакое постороннее очарованіе не способствуетъ занимательности пьесы; судья, слуга, шутъ, нотаріусъ, любовница, любовникъ не могутъ выиграть костюмомъ. Что-жъ касается до мелодрамы, ее не льзя представлять иначе, какъ перенося сцену въ лѣса; непремѣнно должно прибѣгнуть къ ближайшей церкви, чтобы на сценѣ услышали звуки ужасной полуночи. Подземные своды назвали-бы здѣсь погребомъ, а появленіе тѣней прекратилось еще тогда какъ открыта была земля. Малѣйшее происшествіе, отступающее отъ общаго хода жизни обыкновенной и противное опыту, не могло-бы понравиться здѣсь, гдѣ, какъ я сказалъ уже, страсти и всѣ случаи жизни должны покоряться анализу здраваго смысла. Впрочемъ, не смотря на могущественное вліяніе Литтературы Англійской, не смотря на всѣ препятствія, о которыхъ я говорилъ, число оригинальныхъ сочиненій въ Соединенныхъ Штатахъ увеличивается, ибо таланты и геній умѣютъ преодолѣвать всѣ препятствія. Конечно, съ каждымъ днемъ они будутъ

дѣлаться болѣе и болѣе извѣстными, и наконецъ у всѣхъ народовъ пріобрѣтутъ славу, на которую имѣютъ право.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ НОВАГО ПЕРЕВОДА ТРАГЕДІИ: МАКБЕТЪ.

(Мѣсто, поросшее дикимъ кустарникомъ; въ срединѣ на огнѣ стоитъ котелъ. Громъ).

ГЕКАТА и ТРИ ВѢДЬМЫ.

1-я Вѣдьма.

Геката! сердишься на насъ?

2-я Вѣдьма.

За что-же твой сердитый гласъ?

Геката.

За то, что не спросясь совѣта,
Вы, вѣдьмы дерзкія, сошлись;
За то, что безъ меня клялись
Опутать чарами Макбета!
Источникъ бѣдъ и корень зла!
Царица ваша, все не я-ли?
Зачѣмъ-же вы меня не звали?
И я-бы славно помогла!. . .
Но вотъ что худо, что строптивый,

Кого взвели вы на престолъ,
Въ душѣ и гордый и сварливый,
Своей дорогою пошелъ! . . .

Поправьше-жь все! . . . исчезну я,
Но вамъ поможетъ власть моя!
Макбетъ, когда заря взойдетъ,
Васъ вопрошать сюда придетъ;
Я вамъ пришлю духовъ толпой,
Примчатъ всѣ чары за собой! . .
Скорѣй! скорѣй! а я спѣшу,
Я много въ эту ночь свершу!
Въ туманѣ капля на лунѣ
Уже повисла: должно мнѣ,
Доколь виситъ, смахнуть перстомъ,
И силой чаръ и колдовствомъ
Она разсѣяться должна:
Родитъ видѣнія она,
И увлеченъ за ними въ слѣдъ,
На гибель поспѣшитъ Макбетъ!
Онъ предъ судьбой не задрожитъ,
Забудетъ страхъ, забудетъ стыдъ!
А вы всѣ знаете давно,
Что тотъ, кому все знать дано,
Изъ нашихъ рукъ не ускользнетъ!

Голосъ:

Пора! скорѣй! пора, скорѣй!
Геката! мчись ко мнѣ быстрѣй!

Ага! меня мой духъ зоветъ!
Узнала я тебя издалека;
Зовешъ меня въ туманы, въ облака!

(Исчезаетъ за котломъ).

СЦЕНА III.

Три вѣдьмы пляшутъ вокругъ огня.

1-я Вѣдьма.

Ну, дружнѣй вокругъ котла!
Вы бросайте жабу, сестры!
День и ночь она спала
Подъ каменьемъ: ядъ въ ней острый!
Собранъ онъ въ сырой землѣ,
Пусть кипитъ она въ котлѣ!

Всѣ вмѣстѣ.

Дружно! дружно! пламень ярче!
Пусть кипитъ котелъ нашъ жарче!

1-я Вѣдьма.

Пусть болотная змѣя
Въ немъ клокочетъ по-немногу;
Влажный пухъ нетопыря,
И туда-жь лягушки ногу.
Изъ эхидны брось языкъ;
Брось туда собачій клыкъ.
Дружно, дружно! пламень ярче!
Пусть котелъ кипитъ нашъ жарче!

Всѣ.

Дружно, дружно! . . . и проч.

3-я Вѣдьма.

Остовъ вѣдьмы, рысій глазъ,
Волчій зубъ и пасть сивуча;

Корень тотъ, что въ темный часъ
Въ полѣ рветъ колдунъ летучій!
Вырви печень изъ Жида;
Сучьевъ ивы брось туда:
Въ часъ затмѣнія луны
Ихъ всегда ломать должны!
Рогъ Тартарина бросай,
И младенца мнѣ подай,
Что задавленъ былъ во рву:
Пальцы съ рукъ его сорву!
Крови тигровой подлей,
И мѣшайте все скорѣй!
Дружно, дружно! пламень ярче!
Пусть кипитъ котелъ нашъ жарче!

Всѣ.

Дружно, дружно!.. и проч.

Первая.

Лей кабанью кровь въ него —
И свершится колдовство!

Геката.

О, хорошо у васъ идутъ дѣла!
Хочу, чтобъ вы добычу раздѣлили!
Пляшите-же дружнѣй вокругъ котла:
Чтобъ пляска ваша помогла
Околдовать все, что въ него вы положили!

Вторая.

Всѣхъ духовъ сюда зову:
Синій, черный, красный, бѣлый!

Помогайте колдовству,
Чтобъ въ котлѣ скорѣй кипѣло!

Третья.

Что мизинецъ мой зудитъ?
Точно! будетъ онъ здѣсь скоро!
Отопритесь всѣ затворы:
Посмотрите, кто стучитъ!

СЦЕНА IV.

МАКБЕТЪ и ТРИ ВѢДЬМЫ *(разныя фантасмагорическія видѣнія).*

Макбетъ.

Ну, мрачныя, таинственныя сестры!
Въ полночный часъ что дѣлаете здѣсь?

Три вѣдьмы.

Безъ имени оканчиваемъ дѣло!

Макбетъ.

Отвѣтствуйте! я заклинаю васъ
Всей силой чаръ таинственныхъ и мрачныхъ!
Хотя-бы вихрь, послышавъ грозный гласъ,
На храмы всталъ, ихъ снесъ съ лица земли;
Хотя-бъ валы покрыли корабли,
Хотя-бы палъ созрѣлый въ полѣ класъ,
И домы на главы стрегущихъ пали,
И на корняхъ, шатнувшись пирамиды,
Хотя-бъ главы къ подошвѣ преклонили;
Сокровища сокрытыя земли
Хотя-бъ въ клубокъ свернулись, чтобъ бѣда

Свирѣпствовать устала, и тогда
Хочу внимать отвѣтъ на вызовъ мой!

1-я Вѣдьма.

Такъ говори!

2-я Вѣдьма.

Спроси! . . .

3-я Вѣдьма.

Дадимъ отвѣтъ!

1-я Вѣдьма.

Но отъ кого отвѣтъ желаешь слышать,
Отъ насъ, или отъ тѣхъ, кто выше насъ?

Макбетъ.

Зовите ихъ, я видѣть ихъ хочу!

1-я Вѣдьма.

Крови изъ свиньи скорѣй,
Что дѣтей своихъ заѣла;
Жиръ изъ шеи той подлей,
Что на площади висѣла!
Дружно, дружно! пламень ярче!
Пусть кипитъ котелъ нашъ жарче!

(Громъ).

(Голова въ шлемѣ появляется).

Макбетъ.

Скажи-же мнѣ, невѣдомая сила. . .

1-я Вѣдьма.

Что задумалъ, ей не ново:
Слушай-же, а самъ ни слова! . . .

Видѣніе.

Макбетъ! Макбетъ! Макдуфа трепещи!
Пусти меня, тебѣ того довольно!

Макбетъ.

Кто-бъ ни былъ ты, тебя благодарю;
Коснулся ты струны моей боязни;
Но отвѣчай. . .

1-я Вѣдьма.

Ему велѣть не льзя. . .
Но вотъ другой: найдешь въ немъ больше силы!
(Громъ. Появляется окровавленный младенецъ).

Младенецъ.

Макбетъ! Макбетъ!

Макбетъ.

Тебѣ я жадно внемлю.

Младенецъ.

Лей всюду кровь! будь твердъ и смѣлъ!
Вся смертныхъ власть ничтожна надъ тобою:
Не повредишь тебѣ рожденный въ свѣтъ женою —
Таковъ тебѣ судьбой положенный удѣлъ!
(Исчезаетъ).

Макбетъ.

Такъ пусть живетъ Макдуфъ, не страшенъ онъ!
Но я хочу спокойнѣй быть, хочу

Взять отъ судьбы залогъ: умретъ Макдуфъ—
Чтобы я могъ въ лжецы поставить страхъ,
Чтобъ вопреки громамъ, я могъ заснуть!

(Громъ. Вѣнчанный младенецъ съ вѣтвію въ рукѣ).

А это кто, какъ сынъ Царя, восходитъ
И на челѣ младенческомъ корона!

Вѣдьмы.

Мысль твоя ему не нова!
Слушай ты, а самъ ни слова!

Видѣніе.

Будь ты львомъ! Спокоенъ будь:
Заговоры и измѣны,
Вѣрь, не могутъ досягнуть,
Но дотоль, пока подъ стѣны
Замка, гдѣ Макбетъ живетъ,
Лѣсъ Бирнамскій не пойдетъ!

(Духъ исчезаетъ).

Макбетъ.

Тому не быть! Кто можетъ двинуть лѣсъ?
Кто повелитъ съ мѣстовъ сойдти кореньямъ?
Счастливое сказанье!.. Бунтъ не можетъ
Взрости такъ высоко, чтобы я видѣлъ
Какъ лѣсъ пойдетъ! Такъ, такъ! и на престолѣ
Мнѣ суждено спокойно жить дотолѣ,
Доколѣ часъ природы не пробьетъ!
Но вотъ еще что я хочу узнать:
Скажи, на тронъ взойдетъ-ли Банковъ родъ?

Вѣдьмы.

Ты болѣе не долженъ вопрошать!

Макбетъ.

Отвѣтствуйте! иль проклинаю васъ!
Что это? что? Котелъ чрезъ край клокочетъ!...
Отвѣтствуйте!... вотъ буря понеслась...
Что значитъ вопль, къ чему сей громъ грохочетъ?
(Громъ трубы).

Первая вѣдьма.

Явись!

Вторая вѣдьма.

Явись!

Третья вѣдьма.

Явись сюда, явись!...
(Всѣ три вмѣстѣ)

Покажитеся всѣ вдругъ;
Въ немъ убейте смѣлый духъ!
(Появляются восемь Королей; они идутъ одинъ за другимъ тихо; послѣдній Банко: онъ держитъ зеркало).

Макбетъ *(между тѣмъ какъ видѣнія проходятъ).*

Твое лицо на Банково похоже!
Прочь! твой вѣнецъ мнѣ очи ослѣпилъ!
И вотъ другой въ коронѣ! о, прочь тоже!
И третій!.. отъ главы все тотъ-же пылъ!

Проклятыя! зачѣмъ призвали ихъ?
Четвертый! прочь! Такъ до скончанья свѣта
Сія черта должна страшить Макбета!...
Еще седьмой!... шакъ сгиньте съ глазъ моихъ!
Но вотъ осьмой!.. онъ съ зеркаломъ стоитъ,
Ихъ множество въ томъ зеркалѣ дрожитъ!..
А у иныхъ три скипетра, двѣ державы...
Ахъ! узнаю, кто призракъ сей кровавый:
То Банко!.. шакъ! то не обманъ очей —
Смѣется онъ и кажетъ мнѣ дѣтей!

Вѣдьмы.

Точно шакъ все! А зачѣмъ
Ты трепещешь? сталъ ты нѣмъ!..
Но веселье будетъ въ немъ...
Воздухъ! ты звени быстрѣй!
Вы-же сестры всѣ дружнѣй,
И пляшите всѣ кругомъ...
Чтобъ сказалъ въ душѣ своей:
Былъ я приняшъ съ торжествомъ!..

(Невидимая музыка. Вѣдьмы пляшутъ и исчезаютъ).

Макбетъ.

Гдѣ вы? ихъ нѣтъ! будь прокляшъ этотъ часъ!
Кто здѣсь? войди сюда скорѣй!

А. Ротчевъ.

БѢДНЫЙ ДИКЪ,

или

НЕКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ.

(Продолженіе).

Пасторъ былъ глубоко опечаленъ. Возвратившись домой, онъ цѣлый день не могъ ни пить, ни ѣсть. Онъ провелъ весь этотъ день и слѣдующую ночь ходя по комнатѣ взадъ и впередъ и не говоря ни слова Дику, который сидѣлъ сложивши руки на груди, устремивъ глаза въ землю. Когда начался день, Пасторъ вышелъ. Дикъ не сомнѣвался, что онъ пошелъ въ замокъ и ждалъ возвращенія Пастора. Увидѣвъ его, онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу и спросилъ: Не умерла-ли она?—Въ ея лѣта—отвѣчалъ Гуттенбергъ—не умираютъ отъ обморока. Ей гораздо лучше.

Услышавъ это, Дикъ удалился въ ту комнату, гдѣ обыкновенно занимался онъ у Пастора, и началъ писать. Было около осьми часовъ утра, когда къ нему вошелъ Дордрекъ, садовникъ Пальмера. «Г. Дикъ!» сказалъ онъ: «вотъ ужь двѣ ночи, какъ вы не ночуете въ замкѣ, и Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится. Но когда я видалъ, какъ наша молодая госпожа хаживала въ

саду, одна, невеселая, опустивши голову, и въ другое время, какъ она вырывала мои гіацинты, кидала ихъ вамъ въ голову и бѣжала подъ березы, чтобы вы стали догонять ее, я думалъ: у кого есть дочки, да нѣтъ ногъ, тотъ по крайней мѣрѣ долженъ имѣть глаза. Потомъ, три дни назадъ, когда я, рабошавши надъ грядою спаржи, увидѣлъ, какъ наша госпожа, закрывая себѣ глаза, дѣлала вамъ знаки изъ окна платкомъ, чтобы вы ушли изъ бесѣдки, гдѣ вы стояли на колѣняхъ, протянувши къ ней руки, я опять сказалъ: это не мѣсто для слуги.»

— Дордрекъ! не нужно-ли тебѣ сказать мнѣ чего нибудь другаго? — «Извините, Г. Дикъ, мнѣ надобно сказать вамъ, что вашъ отецъ былъ мнѣ другъ. Въ послѣдній разъ, когда онъ поѣхалъ въ армію съ нашимъ господиномъ, онъ сказалъ мнѣ: Богъ знаетъ, Дордрекъ, кто останется живъ и кого не будетъ. Вотъ кошелекъ: ворочусь, ты отдашь мнѣ его, а если кости мои останутся въ Силезіи, ты отдашь его моему сыну, когда онъ придетъ въ смыслъ. Тутъ мои золотые часы и трехъ-годовая плата за мою службу. Бѣдняга отецъ вашъ не воротился: возьмите это.»

Дикъ съ бѣшенствомъ отталкиваетъ кошелекъ и облокотившись обѣими руками на столъ закрываетъ себѣ лицо. «Это что значитъ?» спросилъ его Дордрекъ. Дикъ опомнился. Онъ

поспѣшно встаетъ и сжимаетъ Дордрека въ своихъ объятіяхъ :—Ты другъ моего отца! поди сюда . . .—Онъ еще прижимаетъ его къ себѣ и плачетъ. Дордрекъ, самъ не зная для чего, также плачетъ, обнимаетъ Дика отъ искренняго сердца, и они разстаются, крѣпко пожавъ другъ у друга руки.

Между тѣмъ настало время обѣдни и Пасторъ ушелъ въ церковь. Дикъ окончилъ свое письмо, положилъ его на бюро Гуттенберга, и взявъ кошелекъ и нѣсколько томовъ, подаренныхъ ему Пасторомъ, скрылся.

Возвратившись домой, Гуттенбергъ нашелъ письмо, прочиталъ его и явился къ Полковнику, котораго поутру онъ не могъ видѣть потому, что тотъ спалъ, пробывши часть ночи безъ сна, подлѣ постели своей дочери. — Другъ мой! — сказалъ Пальмеръ увидѣвъ Пастора : — на каминѣ золото: оно въ вашемъ распоряженіи. Отправьте Дика въ Университетъ, потому что теперь онъ не можетъ здѣсь оставаться. Не щадите ничего, и . . . — У Гуттенберга было въ рукахъ письмо Дика: онъ отдалъ его Пальмеру, который прочиталъ слѣдующее:

« Скоро удалюсь я на вѣки. Послѣ того, что « вчера случилось передъ глазами Полковника, я « не боюсь, чтобы вы или онъ послали за мною « погоню: вы оба очень хорошо понимаете, что « нога моя никогда не должна быть болѣе въ

« замкѣ. Я долженъ обоимъ вамъ дать отчетъ въ « теперешнихъ моихъ чувствованіяхъ: Полков- « нику, какъ подпорѣ, защитнику моего дѣт- « ства, какъ великодушному покровителю, кото- « рый никогда не забудетъ сына слуги, спасша- « го ему жизнь; вамъ, достойный служитель ал- « таря, я долженъ дать отчетъ, какъ человѣко- « любивому пастырю, просвѣтившему мой разумъ « и посѣявшему въ моемъ сердцѣ сѣмена религіи « и добродѣтели.

« Не знаю, успѣю-ли я заставить себя понять, « потому что въ настоящую минуту я самъ для « себя загадка неразрѣшимая. Должно быть, какъ « я читывалъ много разъ, не понимая этого, что « несчастіе великій учитель. Два дни назадъ я « былъ не иное что какъ дитя, не думалъ и не « загадывалъ ни о чемъ, не помышлялъ о прошед- « шемъ и будущемъ, и вдругъ всѣ мысли, всѣ « движенія души, всѣ страсти, могущія нис- « провергнуть, уничтожить существованіе чело- « вѣка, бунтуютъ въ моемъ сердцѣ и раздира- « ютъ его.

« Почти однихъ лѣтъ съ нею, вмѣстѣ воспи- « танный и почти взлелѣянный на ея колѣняхъ, « я любилъ ее, не зная того, любилъ по инстин- « кту, по привычкѣ, какъ любятъ сестру, какъ « любятъ свѣтъ дневный. Эта братская дружба, « возрастая, измѣнялась, но я не подозрѣвалъ « этого, и вотъ причина моей гибели! Подъ сто-

« ломъ, искавши ножа, который она уронила,
« я поцѣловалъ ногу ея, и на другой день, когда
« она оказалась отъ супружества, въ радости,
« въ безуміи, я прижалъ мои губы къ ея платью:
« она видѣла это и желая поставить вѣчную пре-
« граду между собою и мною, напомнила мнѣ,
« что я слуга, не болѣе. Она сдѣлала то, что
« должна была сдѣлать; но для меня это было
« смертнымъ ударомъ.

« Слуга!.. пораженный, подавленный этою мы-
« слію... О, Г. Гуттенбергъ! Я не достоинъ
« болѣе вашей нѣжности: истребите ее изъ сво-
« его сердца! Да, я проклиналъ жизнь, дарован-
« ную мнѣ Богомъ, потому только, что я сынъ
« слуги. Я отрекался моего отца, и въ какую
« минуту! когда получалъ цѣну трудовъ его, цѣ-
« ну его крови, когда Дордрекъ, старый другъ его,
« отдавалъ мнѣ часы, ввѣренные ему отцомъ моимъ
« при отъѣздѣ въ армію, когда онъ отдавалъ
« мнѣ трехъ-годовую плату, сохраненную отцомъ
« для своего сына. Слово *плата*, снова напо-
« мнило мнѣ всю мою ничтожность и сдѣлало
« меня виновнымъ пропивъ того, кому я обязанъ
« жизнію. О Г. Гуттенбергъ! вы близки къ Богу:
« молите его, да проститъ онъ меня. Въ мои
« лѣта, вокругъ меня слишкомъ много бѣдствій.

« Я иду, Г. Гуттенбергъ! Вы никогда болѣе
« не увидите меня и не услышите обо мнѣ. Не
« заботьтесь о моей участи: у меня теперь есть

« золотые часы и шесть сотъ франковъ, а сверхъ « того, вы знаете что я люблю прудиться.

« Скажите Полковнику, моему драгоцѣнному « благодѣтелю, такъ часто съ мыслію о моемъ « отцѣ прижимавшему меня къ своему сердцу, « скажите ему, что бѣдный Дикъ будетъ любить « его до послѣдняго дыханія. Отъ искренней ду- « ши молю Небо, чтобы Оно прибавило къ его « и къ вашимъ днямъ то, что благости Его угод- « но будетъ взять у моей жизни.

« *Густавъ Геллеръ, прозванный* Дикомъ. »

— Онъ ушелъ—сказалъ Полковникъ выпустивъ изъ рукъ письмо, которое упало на постель.— Онъ ушелъ. Со своими часами и шестью стами франковъ несчастный уйдетъ далеко. Я хотѣлъ помѣстить его въ Академію, заставить путешествовать послѣ этого и наконецъ обезпечить его жребій: по крайней мѣрѣ тогда я расплатился-бы съ его отцомъ. Но пусть идетъ время! Когда я задумаю увидѣть его, то очень знаю какъ его отыскать. Мнѣ стоитъ только послать по его слѣдамъ Блака, и онъ привезетъ мнѣ этого шалуна. Я не хочу умереть не обнявши его хоть еще разъ.

Теперь, кто-же этотъ Г-нъ Блакъ, котораго въ случаѣ нужды надобно послать въ погоню за бѣглецомъ, чтобы привезти его къ Полковнику?

Это главный наставникъ Дика, бывшій фехтовальный учитель въ Пальмеровомъ полку и самая задорливая собака во всемъ Курфиршествѣ; въ существѣ славный малый, съ превосходнымъ сердцемъ, но, какъ называютъ такихъ людей, *забіяка*, сумасбродная голова, который не хотѣлъ терпѣть ни одного двусмысленнаго слова, сказаннаго на его счетъ, и являлся защитникомъ рекрутъ до тѣхъ поръ, покуда не научалъ ихъ владѣть саблею и шпагою. Онъ не хотѣлъ слышать, чтобы надъ новобранцами подшучивали, чтобы имъ говорили грубѣе нежели другимъ; иначе, надобно было развѣдываться съ нимъ.

Когда онъ не былъ на полѣ сраженія, его надобно было держать въ тюрьмѣ, чтобы предупредить забіячества: и онъ надѣлалъ ихъ столько, что въ Военномъ Совѣтѣ рѣшено было выслать его изъ полка. Пальмеръ, въ двадцати сраженіяхъ бывшій свидѣтелемъ неустрашимости и хладнокровія Блака, чувствовалъ къ нему слабость и далъ ему убѣжище въ Броно, сдѣлавши его своимъ лѣсничимъ. Когда онъ занялъ эту должность, въ замкѣ стало столько дичи, что не знали куда дѣться съ ней, потому что Блаку было препоручено приносить ее, и что вмѣсто пива, по приказанію Полковника ему давали бутылку вина.

Проходя черезъ дворы, черезъ садъ, и пивши

указанное ему, Блакъ часто встрѣчался съ Дикомъ и всегда видалъ его съ удовольствіемъ. Онъ бралъ малютку на руки, ласкалъ его, позволялъ ему играть своими усами и давалъ пить по каплѣ вина. «Эта фигурка, кажется, отлита въ хорошую форму,» говорилъ онъ самъ себѣ. «Погоди: я изъ него сдѣлаю славнаго парня.» Гусаръ сдержалъ свое слово.

Дику не было еще осьми лѣтъ, когда Блакъ приучилъ его ходить къ себѣ въ хижину, водилъ его съ собою на охоту, стрѣлялъ у него подлѣ ушей, чтобы окурить его порохомъ, и, доставши небольшое ружье, научилъ Дика заряжать его и стрѣлять въ цѣль. Одиннадцати лѣтъ, Дикъ стрѣлялъ лучше своего учителя. Но Блакъ думалъ, что воспитанникъ его долженъ нападать не на одну дичь. — Когда кто нибудь, проходя мимо — говорилъ онъ—посмотритъ на тебя косо, надвинь шляпу на уши, иди прямо къ нему и заставь его опустить глаза къ землѣ. Коли онъ не сдѣлаетъ этого, шпагу на голо, и убей его. Не то, пропала честь, малютка. — «Но вѣдь шпагою на голо можетъ убить и онъ?»—Вздоръ! никогда. А впрочемъ, это можетъ случиться только одинъ разъ, и все кончено. — «Но,» прибавилъ Дикъ: «бьются на смерть, кажется, не ружьемъ, а саблею, пистолетомъ, шпагою.» Стѣны и каминъ у Блака были унизаны карабинами, мушкетонами, дробовиками, огнивами, патрон-

шашами; комната его была похожа на арсеналъ; въ ней не доставало только пушки.

Онъ научилъ своего воспитанника ѣздить верхомъ безъ сѣдла и вскакивать на коня не ставя ноги въ стремя, не бравшись за гриву. Онъ научилъ его плавать, какъ рыбу; кидалъ его въ воду, когда ребенокъ совсѣмъ не могъ ожидать этого, и замѣчая въ немъ даже малѣйшій испугъ, называлъ *трусомъ*, *гадкимъ трусомъ*, и бранилъ его цѣлую недѣлю.

Онъ научилъ его владѣть оружіемъ по-военному, дѣлать экзерцицію, мѣтко спрѣлять изъ пистолета, и когда увидѣлъ, что руки его воспитанника довольно укрѣпились и могли владѣть рапирой, онъ не отставалъ отъ него до тѣхъ поръ, пока тотъ не сдѣлался столько-же искусенъ, какъ и учитель его. Въ первый разъ, когда Дикъ дотронулся до него, онъ чуть не задушилъ его своими ласками. «Если-бы бѣдняга твой отецъ видѣлъ тебя!» сказалъ онъ ему. «Вотъ была-бы ему радость! Я помню, какъ онъ, за часъ до своей смерти, съ саблею въ рукѣ, былъ подлѣ Полковника, который скакалъ впереди насъ. Онъ принялъ смерть, и славно! Онъ не жаловался: понимаешь? Иди по его слѣдамъ, но, смотри, не вздумай пересказать моихъ словъ этому *небесному жителю* (такъ называлъ онъ Гуттенберга): тотъ мнѣ глаза выцарапаетъ.»

Дикъ боялся говорить о нравственныхъ урокахъ стараго гусара, и часто уходилъ къ нему тихонько, потому что Вильгельмина, нѣжная отъ природы, съ неудовольствіемъ видѣла Дика, когда, по возвращеніи изъ Блакозой хижины, отъ него разило запахомъ трубки и водки, когда платье его было разодрано, лицо черно отъ пороха, а изъ устъ слышались грубыя выраженія. — Откуда это ты пришелъ? — сказала она однажды, раздѣляя ему волосы, въ безпорядкѣ закрывавшіе его лобъ: — откуда ты пришелъ? — Она поссорилась съ нимъ за дружбу Блака и бранила его за грубыя привычки.

Послѣ этого Дикъ не курилъ болѣе, не пилъ можжевеловой водки, не говорилъ грубыхъ словъ, и возвращаясь въ замокъ не забывалъ умывать свое лицо. Онъ отдалъ-бы жизнь свою за Вильгельмину, но она однакожъ не могла уговорить его не видаться съ милымъ другомъ. Удаляясь навсегда, онъ печалился что уходитъ не обнявши его еще разъ. Дорогою ему встрѣтился случай напомнить о себѣ Блаку, и онъ тотчасъ воспользовался имъ.

Блакъ, никогда не разстававшійся со своею трубкою, держалъ табакъ въ кожаномъ кисетѣ, довольно заслуженомъ, то есть сдѣлавшемъ съ нимъ всѣ кампаніи семилѣтней войны. Проходя черезъ Кельнъ, Дикъ увидѣлъ въ одной лавкѣ множество коробочекъ изъ лакированной жести, въ

которыхъ держатъ табакъ и которыя неустрашимые курители носятъ всегда съ собою. Онъ вошелъ въ лавку, осмотрѣлъ коробочки и выбралъ самую красивую, съ крышкою, гдѣ написана была кавалерійская атака. Онъ купилъ ее, и наполнивъ лучшимъ табакомъ, какой только можно было достать въ Кельнѣ, положилъ въ нее бумажку, съ надписью: *Дикъ, своему доброму другу*. Послѣ этого онъ завернулъ ее въ холстъ, обвязалъ веревочкою и пришелъ на почту, гдѣ спросилъ, можетъ-ли это, за извѣстныя пошлины, дойдти по адресу. Ему сказали, что если адресъ будетъ вѣрно выставленъ, то коробочка дойдетъ въ назначенное мѣсто, хотя-бы то было на краю свѣта. Ему подали перо и онъ надписалъ: *Господину Блаку, смотрителю надъ лѣсами Полковника Пальмера, въ замокъ Броно, черезъ Вемдингенъ, въ Баваріи*. Онъ оставался въ конторѣ, покуда посылку его не положили въ пюкъ съ письмами, и послѣ этого отправился далѣе.

Удаляясь, бѣдный Дикъ имѣлъ одну цѣль: уйдти далеко, столь далеко, чтобы въ Броно о немъ болѣе не было слышно, и чтобы онъ самъ ничего не слыхалъ о Броно. Онъ шелъ впередъ, самъ не зная куда.

Бѣдный Геллеръ никогда не оставлялъ маленькой деревушки, гдѣ онъ родился, и не зналъ въ

мірѣ ничего величественнѣе очень скромнаго замка Полковника. Если-бы печаль не поглощала всѣхъ его мыслей, онъ былъ-бы пораженъ великолѣпіемъ многихъ Имперскихъ городовъ, памятниками ихъ, народонаселеніемъ, берегами Рейна, столь романическими, величіемъ сей рѣки, ея лѣсами, наклонившимися съ береговъ, и суровостью дикихъ горъ, носящихъ на верхушкахъ своихъ укрѣпленные замки, теряющіеся въ облакахъ и какъ будто построенные орлами, вмѣсто гнѣздъ. Всѣ эти предметы поразили-бы его, но онъ не видалъ ихъ.

Рѣдко останавливался онъ въ гостинницахъ для отдыха или для подкрѣпленія себя пищею; онъ шелъ машинально, углублялся въ темноту ночи, не безпокоясь о ней, и часто утренняя заря заставала его на той-же дорогѣ, по которой онъ шелъ вечеромъ.

Одно утѣшеніе оставалось у него: отлученный отъ всего на землѣ, онъ успокоивалъ свою горесть воспоминая о чувствахъ любви и нѣжности къ нему тѣхъ, которые уже не существовали. Печальное, но сладостное прибѣжище несчастныхъ, покидаемыхъ міромъ! Онъ останавливался, вынималъ изъ кармана кошелекъ, отданный ему Дордрекомъ отъ имени его отца, и, прижимая его къ своему сердцу, къ своимъ губамъ, орошалъ слезами раскаянія и покрывалъ поцѣлуями.

Такъ бродилъ онъ болѣе трехъ недѣль, когда однажды, при восхожденіи солнца, онъ почувствовалъ, что ноги его едва двигаются и подгибаются. Онъ сѣлъ на правѣ, подлѣ дороги. Не видя ни путешественниковъ, ни проѣзжихъ, которые помогли-бы ему дотащиться до первой деревни, онъ осмотрѣлся вокругъ, увидѣлъ въ отдаленіи ферму и попытался дойдти до нея.

Оставивъ дорогу, онъ пошелъ въ долину; но дорога къ фермѣ, замѣченная имъ, была гораздо длиннѣе нежели онъ думалъ. Послѣ получаса тягостной ходьбы, все слѣдуя извилинами небольшой рѣки, онъ едва успѣлъ прислониться къ яблоновому дереву и потомъ лечь у корня его, какъ вдругъ палъ въ обморокъ.

Онъ былъ еще безъ чувствъ, когда одинъ человѣкъ, работавшій въ полѣ со своимъ семействомъ, подошелъ къ дереву, чтобы собрать съ него плоды, и увидѣлъ Густава. Незнакомецъ старался привести его въ чувство, но не успѣлъ въ этомъ; положивъ руку на сердце Геллера, и замѣтивъ что онъ дышитъ, незнакомецъ положилъ его, какъ на носилки, на лѣстницу, служившую при собираніи плодовъ, и съ помощію сыновей своихъ отнесъ на ферму.

Когда Густавъ опомнился, онъ лежалъ въ постели. Подлѣ него была старушка, Г-жа Гутманъ, съ младшею изъ своихъ дочерей и старшимъ сыномъ. Женщины сидѣли, а сынъ стоялъ

подлѣ Густава, держалъ его руку и наблюдалъ пульсъ, ожидая что путешественникъ откроетъ глаза.

Гутманъ былъ арендаторъ значительнаго участка земли. У него было много дѣтей; миръ и довольство царствовали въ его домѣ; самъ онъ былъ человѣкъ прямодушный и семейство его напоминало собою семейства патріарховъ.

Г-жа Гутманъ спросила у Густава, чѣмъ онъ боленъ, и узнала, что онъ не ѣлъ три дни. Она поспѣшила дать ему укрѣпляющихъ напитковъ и позволила ѣсть съ большою осторожностью. —Успокойтесь — сказала она ему — у васъ нѣтъ горячки, а силы въ ваши лѣта скоро возвращаются.

Силы Густава не совсѣмъ еще возвратились, когда черезъ нѣсколько дней, оставшись наединѣ съ Г-жею Гутманъ, онъ схватилъ ея руки, крѣпко пожалъ ихъ, и, благодаря ее за попеченія, сказалъ, глядя на нее полными слезъ глазами: «Не могу-ли я жить у васъ? Нѣтъ-ли у васъ для меня какой-нибудь работы? Деньги у меня есть, но мнѣ нужно работать!» — Какъ не быть работы на арендѣ, дитя мое! Если для жизни твоей нужна работа, то насъ ты никогда не оставишь.

Г-жа Гутманъ, сказавши сіи слова, тотчасъ пошла къ своему мужу и пересказала ему просьбу

Гуспава и свое согласіе на оную.—Языкъ, обращеніе и одежда этого молодаго человѣка — сказалъ Гуппманъ—не показываютъ, чтобы онъ былъ рожденъ для деревенской работы, и мы не знаемъ, кто онъ такovъ. Однакожь ты хорошо сдѣлала; я тотчасъ займу его работою, а послѣ увидимъ.

Эта рѣчка, скрывающаяся между ольхами и тополями, Тирнау; эта ферма, лежащая при берегахъ Тирнау, находится въ самой плодоносной сторонѣ Венгріи, въ трехъ миляхъ отъ Леопольдштадта, и въ девяти отъ Пресбурга. Она такъ окружена холмами, виноградниками, лугами и рощами, что вдыхая свѣжесть ея воздуха, находясь среди глубокой тишины, царствующей кругомъ ея, можно подумать что это самое уединенное, самое пустынное мѣсто изъ жилищъ человѣческихъ.

Гуспавъ восхищенъ этою пустынею: онъ сравниваетъ ее съ большимъ садомъ и съ земнымъ раемъ. Очарованіе этого прелестнаго убѣжища увеличивается въ глазахъ его трогательною простотою семейства, въ которомъ онъ принятъ, и особенно сладостнымъ равенствомъ между всѣми окружающими Гуппмана. Нѣтъ различія между жителями фермы: хозяева и всѣ работники ихъ садятся за одинъ столъ. Послѣ обѣда, отдыхъ,

веселье, и каждый вечеръ общая молитва. Кто не знаетъ ея, тотъ долженъ выучить, потому что каждый обязанъ сказывать ее въ свою очередь.

Чужеземецъ, начавшій работать на фермѣ, рѣдко оставляетъ ее. Одна изъ дочерей Гутмана вышла за-мужъ за молодца, десять лѣтъ раздѣлявшаго съ нею сельскіе труды; старшій сынъ Гутмана женился на сиротѣ, воспитанной въ домѣ его отца, столь-же хорошей хозяйкѣ какъ сама Г-жа Гутманъ, радовавшаяся этому браку и благословлявшая его въ глубинѣ души своей.

Въ одно прекрасное утро Іюня мѣсяца, пожилой человѣкъ, скромно одѣтый, благородный, простой, но важный наружностью, шелъ по берегу рѣки, къ фермѣ. Густавъ, сидѣвшій на берегу, былъ углубленъ въ чтеніе книги, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ, и не замѣтилъ что къ нему подошелъ кто-то.—Позвольте мнѣ вопросъ нескромный—сказалъ старикъ, подошедши къ нему: — какую книгу читаете вы съ такимъ вниманіемъ? — Удивленный Густавъ всталъ и почтительно подалъ свою книгу незнакомцу; тотъ взялъ ее и увидѣлъ что это Греческій подлинникъ *Отступленія десяти тысячъ*. Въ свою очередь старикъ снялъ шляпу, вѣжливо отдалъ книгу Густаву и, не сказавъ ни слова, продолжалъ свой путь на мызу. Густавъ снова сѣлъ и началъ читать.—Не знаете-ли вы—сказалъ при-

шедши къ Гупману, своему арендатору, Графъ Спадіонъ, или, что все равно, любопытный старикъ—не знаете-ли вы этого молодаго человѣка, что сидитъ вонъ тамъ, на берегу, и читаетъ? — «Такой пріятный видомъ?» — Да. — «Одѣтъ вотъ такъ-то?» Гупманъ описалъ его одежду. — Да. — «Полтора года назадъ, я нашелъ его, лежавшаго безъ чувствъ подъ деревомъ, на берегу рѣки. Я и дѣти мои перенесли его сюда; онъ умиралъ отъ того что долго не ѣлъ. Когда силы возвратились къ нему, онъ просилъ мою жену оставить его у себя и дать ему работу на нашей фермѣ. Знаете-ли, М. Г., что его наружность изумила меня. Мнѣ казалось, что такія бѣлыя руки не сотворены копать землю, что такая привлекательная наружность слишкомъ опасна для дочерей моихъ, и, если-бы моя жена не обѣщала, еще не посовѣтовавшись со мною, принять его, думаю что я отказался-бы отъ его услугъ; однакожъ, слава Богу, теперь я не раскаяваюсь что принялъ его. Этому юношѣ все сносно: онъ не уклоняется ни отъ чего, всегда готовъ къ своей работѣ, уменъ такъ, что рѣдкость, и въ послѣднюю зиму, въ городѣ Тирнау, куда посылалъ я его для продажи своего хлѣба, онъ оказалъ мнѣ большую услугу. Ну, вотъ такъ какъ вы его видѣли, М. Г., съ его пріятною улыбкою и нѣжнымъ видомъ, онъ не дастъ себѣ наступить на ногу. Старшій сынъ

мой ѣздилъ съ нимъ въ Тирнау и былъ обиженъ двумя фурманщиками, которымъ онъ продалъ хлѣбъ. — Ты, братъ, теперь отойди — сказалъ Густавъ Іоанну:—ты человѣкъ женатый, и я долженъ заступиться за тебя. — Одинъ добрый человѣкъ, бывшій свидѣтелемъ этой ссоры, отдалъ свое оружіе Густаву, и тотъ, меньше чѣмъ въ двѣ минуты отдѣлалъ солдатъ. Право, это прехорошій малый; но въ немъ есть маленькіе недостатки. Онъ всегда говоритъ, что я даю ему слишкомъ много денегъ, и однакожь не копитъ ихъ, а всякой разъ, какъ пошлю его въ городъ, ворочится съ пустымъ кошелькомъ, и только карманы набьетъ книгами, отъ которыхъ пользы-то немного, какъ вамъ извѣстно. Еще молодъ, не знаетъ цѣны деньгамъ, но честенъ и богобоязливъ. Ежели-бы не такъ былъ печаленъ, то былъ-бы еще лучше .Но, каковъ, сударь, ни есть онъ, а насъ любитъ и мы также его любимъ.»

— Но отнуда онъ? кто онъ? Неужели вы никогда не старались узнать объ этомъ? — « Я старался, сударь, узнать, но всякой разъ, какъ скоро жена моя или я доводили рѣчь до этого, онъ молчалъ и слезы текли изъ глазъ его. Чтобы не опечаливать такого молодца, мы рѣшились не дотрогиваться до этой струны, и знаемъ только то, что его зовутъ Густавъ Геллеръ. »

Графъ Стадіонъ, знаменитый родомъ, наслѣдовавшій большое имѣніе и любимый Маріею Терезіею, служилъ своей Государынѣ шпагою противъ Франціи, и перомъ въ главнѣйшихъ Европейскихъ посольствахъ. Съ великимъ трудомъ испросилъ онъ у своей Императрицы позволеніе оставить Вѣну, Дворъ, и окончить славную и полезную для отечества жизнь въ одномъ изъ своихъ помѣстьевъ.

Онъ любилъ и уважалъ Гутмана, арендатора его земли близъ Люцена. Онъ рѣдко видалъ его, потому что до сихъ поръ рѣдко и не надолго посѣщалъ свое Люценское помѣстье. Поселившись въ немъ навсегда и осматривая свои обширныя владѣнія, онъ оставилъ недалеко свою карету, желая пройдти по лугу и посѣтить доброе семейство мызника.

Возвращаясь прежнею дорогою, онъ увидѣлъ Геллера на прежнемъ мѣстѣ и сказалъ, подошедши къ нему: — Г-нъ Густавъ! Кто читаетъ Ксенофонта на его языкѣ и истрачиваетъ весь доходъ свой на книги, тотъ, кажется мнѣ, не предназначенъ быть работникомъ у арендатора.— «М. Г., я счастливъ.» —Г-нъ Густавъ, я не вѣрю этому. Сердечныя страданія миновались для меня, а для васъ они, можетъ быть, только начинаются. Я прошу у васъ не откровенія вашей тайны, а нѣкоторой откровенности. Я неспособенъ употребить во зло ваши слова; мы одни, Богъ

свидѣтель вамъ, отвѣчайте мнѣ: не можете-ли вы укорять себя въ чемъ нибудь постыдномъ? — «Нѣтъ; въ этомъ свидѣтельствуюсь Богомъ.» — И такъ, Г-нъ Густавъ, силою участія, которое вы мнѣ внушаете, и властію моихъ старыхъ лѣтъ, я приказываю вамъ слѣдовать за мною.

Изумленный Густавъ глядитъ на незнакомца. Онъ пораженъ его словами, тронутъ его участіемъ, увлеченъ непобѣдимою силою чувства, въ которомъ не льзя дать себѣ отчета. Онъ слѣдуетъ за старцемъ, но говоритъ ему: — Не долженъ-ли я предупредить Г-на Гутмана...—«Это мое дѣло.» — Его благодѣянія ко мнѣ...—«Вы будете имѣть время отблагодарить за нихъ.» И, перемѣняя разговоръ, Графъ прибавилъ: «На этихъ лугахъ, подлѣ этихъ ручьевъ и цвѣтущихъ деревъ, я думаю вамъ пріятно также читать Ѳеокрита?» — Я мало знаю его—отвѣчалъ Густавъ. — Однажды, когда я просилъ добродѣтельнаго человѣка, учившаго меня, объяснить мнѣ одно мѣсто въ Ѳеокритѣ, онъ, вмѣсто отвѣта, отнялъ у меня книгу. — «Кого изъ древнихъ Грековъ, исключая Сократа, любите вы болѣе всѣхъ?» — Эпаминонда. — «Я также избралъ его. А изъ Римлянъ?» — Катона Утическаго. — «Это не мой герой,» сказалъ Графъ: «Регулъ для меня выше его. А кого изъ древнихъ законодателей почитаете вы мудрѣйшимъ?» — Мнѣ извѣстны Зороастръ, Ликургъ, Солонъ,

Конфуцій ; но я не смѣю оцѣнивать ихъ.—«Это мнѣ нравится.

Такъ разговаривая , они удалялись отъ береговъ Тирнау. Взошедши по дорожкѣ , пролегавшей чрезъ виноградники, и послѣ этого спустившись по отлогости холма, Густавъ увидѣлъ при входѣ въ лѣсъ карету и людей Графа , которые тотчасъ засуетились , замѣтивши своего господина , и поспѣшили къ нему на встрѣчу.

Это была не почтовая тѣлежка Полковника , не развалившаяся колымага Судьи или Каноницы изъ окрестностей Бропо , но прекрасный экипажъ , заложенный въ четыре превосходныя лошади , управляемый двумя проводниками , окруженный конюшимъ , жокеями , скороходомъ , егеремъ и высокими слугами въ богатой ливреѣ. — Входите—сказалъ Графъ Густаву, который не смѣлъ заставить его повторить это , вошелъ въ карету и очутился подлѣ Графа , потому что карета была двумѣстная.

Лошади летятъ какъ стрѣла ; дорога, по которой бѣгутъ они въ лѣсу , усыпана пескомъ , выпрямлена и болѣе похожа на аллею сада, нежели на проѣзжую дорогу. При выѣздѣ изъ лѣсу , три ряда цвѣтущихъ каштановыхъ деревьевъ ведутъ къ огромному замку , построенному въ новомъ вкусѣ. Рѣшетка воротъ отворена; карета,

прокатившись черезъ нѣсколько переднихъ дворовъ, въѣзжаетъ на парадный дворъ, останавливается передъ перистилемъ, и конюшій, такъже какъ Графу, подаетъ руку Густаву и помогаетъ выйдти изъ кареты.

Графъ удалился на минуту въ кабинетъ. Густавъ, оставшись одинъ въ гостиной, не занимается ни картинами, ни вазами, ни другими предметами роскоши, украшающими оную. Густавъ ясно видитъ, что онъ въ домѣ знатнаго барина, но не знаетъ, чего хочетъ отъ него этотъ знатный баринъ, и что все это значитъ. Замѣшательство его увеличивается, когда черезъ нѣсколько минутъ приходитъ слуга и говоритъ ему, что Графъ за столомъ.

— Для чего сказывать мнѣ, что Графъ за столомъ? — говоритъ самъ себѣ Густавъ.—Развѣ... О, лучше воротиться на ферму! Но, нѣтъ; если-бы онъ хотѣлъ помѣстить меня въ число своихъ слугъ, онъ не заставилъ-бы меня войдти въ карету и сѣсть подлѣ него. — Густавъ идетъ за слугою.

Графъ уже сидѣлъ за столомъ, на которомъ было только два прибора: онъ дѣлаетъ знакъ Густаву, что другой приборъ для него. Густавъ оробѣлъ, но, зная приличія, не смѣшался и не сдѣлалъ никакой неловкости, неучтивости. А Графъ замѣчалъ это съ большимъ вниманіемъ, хотя и не показывалъ вида, что онъ занимается своимъ собесѣдникомъ.

Когда Графъ бывалъ одинъ, онъ не оставался долго за столомъ. Во все время обѣда онъ сказалъ только: — Вы не кушаете. — И Густавъ усиливался ѣсть.

Послѣ обѣда Графъ увелъ его въ свой рабочій кабинетъ, находившійся въ концѣ длинной галлереи. — Я думалъ—сказалъ Графъ—что послѣ пятидесяти лѣтъ дѣятельной жизни, для меня всего приличнѣе спокойствіе, деревня и книги. Я обманывалъ себя. Кто долго занимался головоломною работой, тому, какъ я вижу, невозможно отвыкнуть отъ нея, и я рѣшительно отказываюсь отъ лѣности, о которой прежде вздыхалъ. Бывши гораздо моложе, я началъ одно сочиненіе, безпрестанно прерывавшееся занятіями, болѣе значительными. Я отчаялся окончить его, и отказался отъ него уже много лѣтъ тому назадъ; но удалившись въ это помѣстье, гдѣ ничто не отвлекаетъ меня отъ моихъ размышленій, я рѣшился окончить мое сочиненіе и посвятить ему свои досуги. Оно совершенно политическое, и, объясняя выгоды и невыгоды одного правительственнаго мѣста, не можетъ быть понятно для васъ. Но мнѣ нужны доказательства для подтвержденія моихъ сужденій, а съ книгами подъ рукой вы очень въ состояніи заняться этимъ. Чтобы знать, чего я требую, прочитайте оконченную уже часть сочиненія, и послѣ сдѣлайте изъ нея извлеченіе. У меня былъ человѣкъ, спо-

собный для этого; онъ былъ при мнѣ сорокъ лѣтъ; я хотѣлъ, чтобы онъ послѣдовалъ за мною въ мое уединеніе, но онъ предпочелъ удалиться къ своему семейству. Это былъ мой старый другъ: я потерялъ его, и желаю чтобы въ васъ была его скромность. Вы займете комнаты подлѣ меня, потому что я сплю мало, и если ночью мнѣ придутъ на умъ новыя мысли, вы позволите разбудить васъ, чтобы положить ихъ на бумагу, когда онѣ стоятъ того. Черезъ мѣсяцъ дочь моя оставитъ Вѣну и пріѣдетъ сюда на житье. Угождайте ей, старайтесь заслужить ея благоволеніе: этимъ вы угодите мнѣ. Завтра камердинеръ мой проводитъ васъ въ Леопольдштадтъ: я хочу, чтобъ вы были одѣты хорошо, и ему приказано заняться вашимъ гардеробомъ. Густавъ! умѣете-ли вы владѣть шпагой?

« Да, Графъ. »

— Занимаетесь-ли вы охотой?

« Да, Графъ!

— Ѣздите-ли вы верхомъ?

« Да, Графъ. »

— Возьмите этотъ свертокъ золота: его достаточно вамъ на издержки. Вотъ сочиненіе, которымъ прошу васъ заняться. Не спѣшите работою, однакожъ занимайтесь. Когда я не буду призывать васъ къ себѣ въ кабинетъ, работайте въ галлереѣ, чтобы не переносить книгъ

въ другое мѣсто, и особенно чтобы не разбивать драгоцѣнныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ Государственныхъ архивовъ и доставляемыхъ ко мнѣ изъ Вѣны. Слуги мои будутъ вамъ повиноваться; одинъ изъ нихъ будетъ особенно служить вамъ. Завтра выберите для себя коня въ моихъ конюшняхъ. Я послалъ сказать Гуппману, чтобы онъ не безпокоился, когда увидитъ что вы не возвращаетесь къ нему, и зналъ, что я оставилъ васъ у себя.

« Чѣмъ могу заслужить я вашу необыкновенную благосклонность? »

— Стараніемъ быть достойнымъ ея.

« Я употреблю всѣ силы свои. »

— Я увѣренъ въ этомъ.

« Чего онъ требовалъ отъ меня?» говоритъ Густавъ самъ себѣ. « Прочитать его сочиненіе? » И онъ прочиталъ его внимательно, прочиталъ въ другой, въ третій разъ; онъ зналъ его наизустъ.

« Сдѣлать изъ этого извлеченіе? » Онъ сдѣлалъ его съ памяти.

« Наконецъ, сыскать и означить доказательства его сужденій? Это не трудно, потому что на поляхъ своей тетради онъ выставилъ, противъ каждаго сужденія: *заглянуть въ такого-то Автора, пересмотрѣть такую-*

то рукопись.» И Густавъ принялся пересматривать различныхъ авторовъ и пробѣгать рукописи.

Онъ находитъ доказательство, событіе, переписываетъ его, и дѣлаетъ ссылку на авторитетъ, на страницу, изъ которой оно заимствовано. Онъ доволенъ и продолжаетъ свой трудъ.

Вдругъ, какой переворотъ въ его умѣ! Какъ растутъ его идеи, и, въ тоже время, какое измѣненіе, какой хаосъ въ его головѣ! Одно событіе, одно дѣйствіе, одна причина приводитъ его къ другой причинѣ, другая къ третьей. Войны, договоры, перемѣны, все соединяется, все связывается. Онъ не знаетъ еще ничего, если не знаетъ что̀ предшествовало и что̀ слѣдовало. Одни властители исчезаютъ, другіе возвышаются; на сценѣ великіе люди, достойные совмѣстники Древнихъ; расколъ въ Нѣмецкой Имперіи, Курфирсты, вооруженные одинъ противъ другаго, Баварія, мѣсто его рожденія, играющая важную роль. Среди сихъ раздоровъ и пожаровъ, среди выгодъ Испаніи, Франціи и Италіи, Домъ Австрійскій, иногда идущій на встрѣчу, иногда уступающій бурѣ, уклоняющійся или гордый, поддающійся или господствующій, но упорный и можетъ быть обязанный своему Высшему Совѣту, своей олигархіи невидимымъ вліяніемъ на остальную Европу.

Это было предметомъ сочиненія Графа, но теперь дѣло шло уже не о немъ. Густавъ ужасается своего невѣдѣнія. Воспитаніе юношей обыкновенно начинаютъ пѣмъ, чѣмъ надлежало-бы его оканчивать. Голова Густава, такъ-же какъ и всѣхъ молодыхъ людей его лѣтъ, была набита Египтянами, Греками, Римлянами, Іудеями, Карѳагеномъ и Вавилономъ. Онъ безъ труда понялъ, что ближайшія происшествія должны были занимать его болѣе, нежели случившіяся за три, за четыре тысячи лѣтъ, и что Нѣмцу осьмнадцатаго столѣтія гораздо важнѣе было знать Исторію Реформаціи и Вестфальскій договоръ, нежели происхожденіе Пирамидъ, переходъ черезъ Чермное море и ошибки Аннибала послѣ битвы при Каннахъ.

И вотъ, онъ непремѣнно хочетъ знать Исторію своей страны; источники у него есть. До сихъ поръ онъ думалъ, что *Классики*, и нѣсколько томовъ Древней Исторіи, духовныхъ споровъ и Медицины, занимавшіе дюжину полокъ въ кабинетѣ Гутѣнберга, составляли полное собраніе всего, что явилось въ свѣтъ со времени изобрѣтенія книгопечатанія; теперь, онъ не могъ безъ радостнаго трепета и восторга видѣть галлереи, или лучше сказать, богатой библіотеки Графа Спадіона, гдѣ собрано было все полезное и любопытное.

Густавъ пожираетъ книги; все время его посвящено чтенію, размышленію, сравненію одного Историка съ другимъ, записыванію примѣчаній и письменному изложенію своихъ размышленій. Онъ совсѣмъ не занимается частными замѣтками, о которыхъ просилъ его Графъ. — Я сдѣлаю ихъ гораздо лучше, говоритъ онъ, когда узнаю нѣсколько то, что хочу узнать.

Онъ проводитъ дни и ночи въ галлереѣ, едва даетъ себѣ время отобѣдать, и такъ прилежно занимается, что цѣлыя три недѣли семейство Гутмановъ, нѣжно любимое имъ, не приходитъ ему на память. Онъ не съѣздилъ даже повидаться съ ними и поблагодарить ихъ; но вдругъ, Богъ знаетъ почему, онъ вспомнилъ объ этомъ, вскричалъ, бросился на коня и во весь духъ прискакалъ на ферму.

Его осыпаютъ поздравленіями, вопросами, а онъ уже залетѣлъ далеко и не слышитъ ничего: работа, занимающая его, поглощаетъ всѣ его умственныя способности. Сидя на концѣ скамьи, съ карандашемъ въ рукѣ, онъ чертитъ что-то на углу стола. Его оставляютъ одного; наконецъ, подлѣ него тихонько ставятъ зажженную лампу и вскорѣ принуждены уже дергать его за платье, чтобы заставить понять, что наступила ночь и что время ему воротиться въ замокъ. Онъ садится на коня, не видитъ что все

семейство окружаетъ его, онъ ѣдетъ не простившись ни съ кѣмъ. «Если Геллеръ не сошелъ съ ума,» говоритъ Гутманъ, «то не будь я слуга моего Государя!»

Густавъ желалъ-бы, чтобъ у него оставалось еще два или три мѣсяца времени, прежде нежели онъ представитъ Графу свою работу. Тогда, къ выписаннымъ ссылкамъ онъ присовокупилъ-бы особенную статью, гдѣ показалъ-бы ошибки въ сочиненіи Графа, происшедшія вѣроятно отъ поспѣшности и отъ того что Графъ вначалѣ трудился въ разное время, урывками. Густавъ также исправилъ-бы невѣрно показанныя событія, заимствованныя, правда, изъ утвержденныхъ подписями договоровъ между Державами, однакожъ опровергаемыя дополнительными, тайными актами. Но прошло уже шесть недѣль какъ Графъ отдалъ ему свою рукопись: мѣшкать долѣе было невозможно. Это заставило его ограничиться тѣмъ, что онъ прибавилъ къ тетради, заключавшей въ себѣ требованныя ссылки, краткое изложеніе замѣчаній, которыя онъ развилъ-бы, когда-бы имѣлъ время. Къ этому особенному труду, или, лучше сказать, къ этой критикѣ, Густавъ приложилъ записку, гдѣ просилъ Графа простить его дерзость. Онъ прибавилъ, что съ трепетомъ ожидаетъ на все это отвѣта.

Событія и числа, находившіеся въ заказномъ трудѣ Густава, были не что иное какъ компиляція и не показывали никакой побѣжденной трудности; но когда Графъ вдругъ прочиталъ присовокупленное тутъ-же начертаніе, онъ долго не могъ придти въ себя отъ изумленія.

Конечно это не былъ трудъ опытнаго, искуснаго дипломата, но въ немъ видна была такая смѣлливость и точность, столь быстрый и вѣрный взглядъ, что Графъ, человѣкъ спокойный и безстрастный, не могъ удержать своего перваго движенія и велѣлъ позвать къ себѣ Густава, желая поздравить его.

Густава не было дома: онъ поѣхалъ обѣдать къ своимъ друзьямъ, на ферму, и былъ на этотъ разъ меньше разсѣянъ и больше говорливъ; но Гутманъ, все еще предубѣжденный, не переставалъ вѣрить что онъ не въ полномъ умѣ.

Густавъ еще ни разу не отлучался во время обѣда и всегда былъ вѣрнымъ собесѣдникомъ за столомъ Графа, который сначала удивился его невѣжливости, но вспомнивъ о запискѣ, гдѣ Густавъ сказалъ, что съ трепетомъ ожидаетъ его отвѣта, онъ написалъ и велѣлъ положить на бюро своего секретаря слѣдующую записку:

« Я прочиталъ присланное, и хотѣлъ-бы сдѣ-
« лать что нибудь пріятное Г-ну Геллеру: чего
« желаетъ онъ всего болѣе? »

Никогда не оставлять васъ, подписалъ Густавъ внизу записки и послалъ сей отвѣтъ къ Графу.

Въ это время Графъ былъ со своимъ камердинеромъ. «Годфруа!» сказалъ онъ ему: «замѣтилъ-ли ты, какъ похожъ Густавъ на моего сына (онъ потерялъ единственнаго сына, однихъ лѣтъ съ Густавомъ, подававшаго большія надежды)?» — Я замѣтилъ это сходство — отвѣчалъ Годфруа — но боялся опечалить Ваше Сіятельство, сказавъ вамъ о немъ. — «А что думаешь ты о Густавѣ?» — До сихъ поръ думаю о немъ не иначе какъ о человѣкѣ весьма хорошемъ. — «Что говоришь о немъ слуга, который служитъ ему?» — Что это сама добродѣтель, что душа его такова-же какъ и наружность. — «Не говорилъ-ли онъ съ тобою когда нибудь обо мнѣ?» — Однажды говорилъ. — «Что?» — Онъ спросилъ у меня, любитъ-ли васъ Герцогиня, дочь ваша, и счастливый-ли вы отецъ. Ваше Сіятельство угадаете отвѣтъ мой. *Тѣмъ лучше*, сказалъ Г. Геллеръ. *А сколько ему лѣтъ?* прибавилъ онъ. Семьдесятъ одинъ годъ. *Ахъ, это много*, примолвилъ онъ. *Такіе люди никогда не должны-бъ были умирать!*»

Графъ не хотѣлъ чтобы замѣтили его чувствительность и приказалъ Годфруа удалиться.

Ему нетерпѣливо хотѣлось призвать Густава

проникнуть таинственность, окружавшую его, и спросить у него, кто онъ; но вспомнивъ о томъ, что̀ сказалъ ему Гутманъ, о томъ что онъ самъ сказалъ молодому человѣку: *я не требую отъ васъ вашей тайны*, онъ побоялся, чтобы невольное повиновеніе не заставило Густава открыться противъ своего желанія, или подумать, что любопытство, которое было внушаемо однимъ участіемъ къ нему, происходитъ отъ недовѣрчивости. Графъ перемѣнилъ свое намѣреніе, но въ тоже время перемѣнилъ и свое обращеніе съ Густавомъ, то есть сталъ болѣе приближать его къ себѣ.

Графъ Стадіонъ долго жилъ, долго наблюдалъ людей въ дѣйствіи и видѣлъ Дворъ вблизи. Разговоръ его былъ равно поучителенъ и занимателенъ, разсказъ весьма складенъ; но онъ отъ природы былъ молчаливъ и больше размышлялъ нежели говорилъ. Живя въ Люценѣ, онъ привыкъ прогуливаться одинъ. Шедши по берегу Тирнау онъ обо многомъ говорилъ съ Густавомъ для того, чтобы судить о его познаніяхъ; но послѣ этого разговора, и послѣ разговора въ кабинетѣ, онъ рѣдко обращалъ къ нему рѣчь.

Теперь, напротивъ, онъ разговаривалъ съ нимъ часто и выходя прогуливаться бралъ его съ собою. Онъ зналъ, что сѣтъ на землѣ не безплодной, и въ разговорахъ объяснялъ Густаву многое, чему не льзя научиться изъ книгъ.

Недѣль пять уже въ замкѣ ожидали прибытія Герцогини Арбергъ. Она оставалась въ Вѣнѣ и медлила пріѣздомъ къ отцу единственно потому, что съ нею долженъ былъ ѣхать Министръ, назначенный Императрицею сопровождать ее до Люцена и изъявить благоволеніе Графу. Наконецъ она извѣстила въ какой день пріѣдетъ съ Министромъ, и Графъ, желая достойнымъ образомъ принять посланнаго своей Государыни, пригласилъ въ этотъ день значительнѣйшихъ особъ изъ Пресбурга и Леопольдштадта.

Герцогиня Арбергъ была послѣднее дитя Графа Спадіона и изъ всѣхъ дѣтей оставалась у него одна. Ей было тридцать лѣтъ и уже полтора года она вдовѣла. Дворъ удивлялся ея красотѣ и пріятнымъ свойствамъ; добродѣтели ея внушали къ себѣ почтеніе.

Когда она пріѣхала, почти всѣ приглашенные къ Графу уже собрались въ залахъ. Облобызавъ свою дочь, Графъ повелъ Министра къ себѣ въ кабинетъ и получилъ отъ него посланный Императрицею драгоцѣнный ящичекъ, гдѣ находилось слѣдующее письмо:

« Наконецъ мы разстались съ вами, любезный « Графъ, и я не раскаяваюсь что согласилась на « это; однакожь мнѣ не съ кѣмъ совѣтоваться. « Послѣднее происшествіе, на Сѣверѣ случившее- « ся, безпокоитъ меня. Я желала-бы вмѣшаться

« въ это дѣло и поручила Шпарембергу перего-
« ворить съ вами о немъ. Посылаю вамъ пор-
« третъ моего состарѣвшагося лица и желаю что-
« бы вы всегда любили оригиналъ его. »

Переговоривши съ Министромъ о главномъ предметѣ его посольства, Графъ велѣлъ сыскать Гуспава и привелъ его къ своей дочери.

« Представляю тебѣ моего юнаго любимца. Онъ навѣрное заслужитъ твое вниманіе. Теперь я не имѣю времени, но послѣ мы поговоримъ о немъ. »

Герцогинѣ убирали волосы. Она велѣла Гуспаву сѣсть, сказала ему нѣсколько словъ, была довольна его отвѣтами и наградила его улыбкою. « Войдите въ ближнюю комнату, » сказала она. « Когда я окончу мой туалетъ, вы проводите меня въ гостиную. »

Не одинъ Министръ сопровождалъ Герцогиню Арбергъ изъ Вѣны до Люцена: многія особы пріѣхали съ нею, одни по приверженности къ Графу Спадіону, уважаемому ими, другіе потому что надѣялись угодить Императрицѣ посѣтивъ человѣка, котораго она любила.

Видя эти наряды, блестящіе шитьемъ, эти фельдмаршальскіе мундиры, эти ленты, кресты, звѣзды и драгоцѣнные камни; находясь между такимъ множествомъ знатныхъ людей, Гуспавъ болѣе нежели когда либо чувствовалъ, какъ онъ

былъ не на своемъ мѣстѣ. Когда, сидя за однимъ столомъ, гости обращаются къ нему, говорятъ вѣжливо и предупреждаютъ его желанія, онъ въ смущеніи, онъ желалъ-бы провалиться сквозь землю. Онъ чувствуетъ, что скрывая отъ Графа свое происхожденіе, онъ виновенъ, ибо насильно пользуется отличіями и принимаетъ вѣжливости, которыя не принадлежатъ ему. Стыдъ, раскаяніе мучатъ его.

Какъ скоро можно было, не нарушая приличій, скрыться, онъ убѣжалъ въ садъ, бросился въ паркъ, и, прислонивъ голову къ дереву, предался самымъ ужаснымъ размышленіямъ о своемъ жребіи, о судьбѣ, привязывающей его къ такимъ мѣстамъ, которыхъ онъ долженъ бѣжать, гдѣ окружаютъ его люди, слишкомъ высокаго для него круга, слѣдственно не могущіе платить ему за любовь любовью, за привязанность привязанностью. — Ну, что-же? я убѣгу изъ Люцена, такъ-же какъ убѣжалъ изъ Броно. Небо не вѣчно будетъ неумолимо; другой Гутманъ снова приметъ меня въ свои объятія. Я сыщу его, и умру подъ чуждымъ небомъ.

Въ это время были самые большіе лѣтніе жары. Графъ имѣлъ привычку, каждый вечеръ выходить въ садъ и дышать свѣжимъ воздухомъ подъ купою кленовъ и сикоморовъ, непроницаемыхъ для солнечнаго свѣта и насажденныхъ соб-

ственными его руками. Пришедши туда, онъ очутился подлѣ Густава, и, пораженный его положеніемъ, сказалъ: — Что съ вами сдѣлалось? Отъ чего вы такъ разстроены?

Густавъ не знаетъ что говорить: онъ хотѣлъ-бы бѣжать, но не смѣетъ тронуться съ мѣста.

— Густавъ! Вы ужасаете меня! Я не понимаю, что это значитъ?

« Графъ!... »

— Ну! Что-же?

Густавъ не могъ говорить далѣе. Сердце его трепещетъ, грудь подымается, онъ взглядываетъ на небо и снова опускаетъ голову. Взявъ Графа за руку, онъ ведетъ его въ чащу деревъ. Эта короткость во всякое другое время изумила-бы Графа, но теперь онъ идетъ за Густавомъ и поддерживаетъ его, видя что онъ шатается. Они подъ сикоморами; Густавъ говоритъ:

— Графъ... вы... ваша дочь... эти знатные... я съ ними!... я, принятый въ вашъ кругъ, за вашимъ столомъ... вы думаете, что по своему рожденію я могу.... Графъ... я... (упадая къ его ногамъ) я сынъ слуги!... »

— И вы желали-бы имѣть другаго отца?

« О, нѣтъ, Графъ! Никогда! хотя-бы черезъ это я долженъ былъ лишиться вашей дружбы. »

— Если-бы вы сказали не это . . . Вспаньше. Послѣ этого признанія мѣсто ваше не у ногъ моихъ, а въ моихъ объятіяхъ.

Слезы облегчили спѣсненное сердце юноши. Онъ схватываетъ руки Графа, орошаетъ ихъ своими слезами и снова глядитъ на небо, но уже съ любовію, съ признательностью.

Въ свою очередь Графъ беретъ Густава за руку, спѣшитъ подойдти къ скамьѣ, помогаетъ ему сѣсть и говоритъ:

— Отдыхайте, отдыхайте, не сходите съ этого мѣста. Вамъ слишкомъ нужно говорить со мною, а мнѣ слушать васъ. Отдыхайте.

Когда Густавъ могъ говорить, онъ разсказалъ Графу, что онъ родился въ Броно, въ Баваріи, въ домѣ Полковника Пальмера, что отецъ его, служивши Полковнику, умеръ на полѣ битвы, спасая жизнь своего господина; что онъ самъ, Густавъ, былъ любимъ Полковникомъ, воспитанъ вмѣстѣ съ его дочерью, и что благороднѣйшій изъ людей, Пастеръ Гуттенбергъ, также заботился о немъ. Онъ прибавилъ, поникнувъ взорами, что воспитываясь съ Вильгельминою, онъ влюбился въ нее и что эта безумная страсть заставила его бѣжать изъ Броно.

— Не скрывайтесь: были-ль вы взаимно любимы?

« Думаю. »

— Зналъ-ли Полковникъ о вашихъ чувствахъ и чувствахъ своей дочери?

« Зналъ. »

— Онъ-ли выслалъ васъ изъ Броно?

« Я ушелъ оттуда по собственной своей волѣ. »

— Для чего-же, покуда вамъ не сказали чтобы вы шли?

« Это я долженъ былъ сдѣлать для Полковника и для его дочери. »

— Знаетъ-ли онъ, гдѣ вы?

« Онъ никогда не узнаетъ этого. »

— Развѣ вы спрашивались его по чему нибудь?

« Напротивъ: его благодѣянія сыскали-бы меня вездѣ. Онъ усыновилъ меня. »

— Я любилъ васъ, Густавъ, теперь уважаю. Могу-ли, въ случаѣ нужды, располагать вашею тайною?

« Моею тайною и моею жизнію. »

— Теперь разстанемся; но никто не долженъ замѣтить вашего состоянія.

Онъ оставилъ Густава, пожавъ ему руку.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Constantinople et le Bosphore de Thrace, pendant les années 1812, 1813 et 1814, et pendant l'année 1826, avec un atlas, par M. le Comte Andreossy. Paris. 1828 (*Константинополь и Босфоръ Оракійскій*, въ 1812, 1813, 1814 годахъ, и въ 1826 году. Съ атласомъ. Сочиненіе Графа Андреосси. Парижъ. 1828. XLIV и 525 стр. in 8).

Itinéraire de Tiflis à Constantinople; par le Colonel Rottiers. Bruxelles. 1829 (*Описаніе пути отъ Тифлиса до Константинополя.* Бриссель. 1829. 373 стр. in 8).

Можетъ быть ни одинъ предметъ не обращаетъ на себя, въ настоящее время, столько вниманія, какъ нынѣшнее состояніе Турціи. На Русскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ еще полнаго изображенія сего любопытнаго предмета. Въ означенныхъ выше книгахъ находятся хорошіе матеріялы для подобнаго труда, но они должны быть подвергнуты суду здравой критики. Желая показать читателямъ нашимъ достоинство сихъ книгъ и представить очеркъ нынѣшней Турціи, особенно-же мѣстъ, служащихъ театромъ дивныхъ подвиговъ Русскихъ войскъ, мы извлечемъ изъ сочиненій Гг. Андреосси и Роттье любопытнѣйшія указанія и присовокупимъ къ нимъ наши объясненія.

Въ то время, когда Греческая Имперія клонилась къ своему паденію, Турки, кочевой народъ, пришедшій отъ береговъ Каспійскаго моря, ушвер-

дились въ срединѣ Малой Азіи. Османъ, ихъ первый предводитель, сначала помогавшій Алла-Эддину, овладѣлъ въ 1289 году всѣмъ государствомъ Сельджусидовъ. Ожившяясь духомъ завоеванія, властители Османлисовъ вскорѣ увеличили свои владѣнія. Они подвинулись къ Бруссѣ, главному городу Виѳиніи, овладѣли ею и сдѣлали изъ нея свою вторую столицу. Оттуда они легко могли обратиться къ Босфору и напасть на Константинополь, или завладѣть Дарданеллами и перейдти въ Европу. Но они оставляли еще Константинополь. Не имѣвши флота, они на плотахъ переплыли Дарданеллы, проникли во Ѳракію и основали третію столицу свою въ Адріанополѣ. Тамъ-то созрѣлъ въ головѣ Магомета II планъ, уничтожить Греческую Имперію и взять Константинополь. Волнуемый страстью завоеванія, онъ окружаетъ наконецъ столицу и мѣстопребываніе Греческихъ Императоровъ. Слабые числомъ, осажденные геройски противятся могущественнымъ усиліямъ Магомета, но наконецъ, 29 Мая 1453 года, городъ Константиновъ падаетъ подъ власть Турковъ, черезъ 1123 года послѣ его основанія. Событіе всемірное! Оно имѣло великое вліяніе на судьбу и образованность Востока и Запада.

Сдѣлавшись обладателемъ Константинополя, Магометъ II простеръ далѣе свои завоеванія; преемники его подражали ему, и во время продолжительнаго періода своихъ успѣховъ стали ужасомъ Европы. Владѣнія ихъ распространились въ трехъ частяхъ стараго Свѣта; они два раза доходили до воротъ Вѣны (въ 1529 и 1689 годахъ)

и угрожали игомъ всему Христіанству. Но наконецъ Христіане научились побѣждать сихъ варваровъ: ученый Монтекукули, Принцъ Евгеній и наши герои, Румянцевъ и Суворовъ, показали, что дикія толпы не могутъ выдерживать правильныхъ войнъ съ образованными войсками. Неудачи Турковъ въ послѣднемъ столѣтіи, и, еще болѣе, постепенное истощеніе силъ, внутренніе безпорядки и наконецъ несообразное съ вѣкомъ и обстоятельствами правленіе, склоняютъ гордую выю Султановъ. Достояніе наслѣдниковъ Магомета представляетъ въ наше время поучительную картину государства, сокрушаемаго внѣшними и внутренними ударами.

Нынѣшній Султанъ Магмудъ II-й, сынъ Султана Абдулъ-Гамида и младшій братъ Султана Мустафы IV-го, родился 20 Іюля 1785 года и вступилъ на престолъ 28 Іюля 1808 года, вслѣдствіе заговора, сдѣланнаго Таіяръ-Пашею, съ помощію Байрактара-Мустафы-Паши, гдѣ первою жертвою былъ сверженный прежде Султанъ Селимъ, а впослѣдствіи и Султанъ Мустафа. Въ какомъ состояніи находится нынѣ Турція?

Султанъ есть высшій властитель своего государства. Онъ соединяетъ въ себѣ неограниченную власть свѣтскую и духовную, будучи первосвященникомъ Исламизма въ качествѣ Халифа, или наслѣдника Магометова (*). Названіе *Султана* озна-

(*) Оттоманскій Домъ облекся симъ высшимъ достоинствомъ со времени завоеванія Египта Селимомъ I-мъ, въ 1517 году.

чаетъ болѣе власть свѣтскую, *Имама* духовную. Какъ Халифъ, онъ раздаетъ власти Мусульманскимъ государямъ, независимымъ отъ него, напримѣръ Императору Марокскому и всѣмъ властителямъ, разсѣяннымъ въ Индіи и другихъ частяхъ Востока. *Падишахъ* есть почетный титулъ его.

Пагубный для Оттоманскихъ повелителей обычай издавна передалъ исполнительную власть въ руки Верховнаго Визиря. Онъ есть глава Дивана или Совѣта Министерскаго. Члены, составляющіе оный, управляютъ каждый своею частію и собираются въ видѣ Государственнаго Совѣта, какъ скоро требуютъ того обстоятельства.

Подлѣ административной и военной власти Визиря находится власть законодательная, или сословіе *Улемовъ*, начальствуемыхъ *Муфтіемъ (Шейхъ-уль Исламъ)*, главою Мусульманскаго закона, разсылающимъ *фетвы*, или юридическіе приговоры, которые должны исполняться даже надъ Султаномъ, если судомъ сего рода признано низложить его.

Существовала третья власть, болѣе страшная, нежели обѣ упомянутыя, составившаяся сама собою при Серальскихъ несогласіяхъ, перевѣшивавшая дѣйствіе двухъ другихъ властей и даже могущество Султана: это Янычары, буйный, непокорный корпусъ войска. Неудовольствіе ихъ начинало обнаруживаться пожарами и потомъ они самовластно требовали головы кого либо изъ своихъ начальниковъ, министровъ, высшихъ чиновниковъ и даже обагряли свои руки въ крови Султановъ.

Ихъ старались смирять многими мѣрами, но безъ успѣха, и потому-то нынѣшній Султанъ рѣшился уничтожить сіе зло достойнымъ варвара средствомъ то есть истребленіемъ Янычаровъ на голову, что и было приведено въ исполненіе въ 1826 году.

Слѣдуя давнему обычаю, каждый годъ, въ четвертый день Луны Шевала, въ десятый мѣсяцъ луннаго года Мусульманъ, всѣ назначаемые Султаномъ правители и чиновники избираются вновь, или прежніе утверждаются въ исполненіи ихъ должностей. Но гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ подобныя установленія существуютъ только въ обрядахъ, ибо Султанъ безпрестанно перемѣняетъ и даже казнитъ своихъ министровъ и правителей, недожидаясь срочнаго времени.

Верховный Визирь (*Везири-ацемъ* или *Садри-ацемъ*), первенствуя надъ *Портою* или *Диваномъ*, то есть собраніемъ всѣхъ чиновниковъ, составляющихъ Министерство Оттоманское, начальствуетъ и всѣми властями, принадлежащими Султану, который ввѣряетъ ихъ ему *Хатти-Шерифомъ*. Съ тѣхъ временъ, какъ Султаны не выѣзжаютъ изъ Константинополя, Верховный Визирь предводительствуетъ арміями. Когда ему ввѣряется начальство надъ Султанскими войсками, онъ принимаетъ титулъ *Векили Мутлака*, или неограниченнаго представителя Его Величества, и получаетъ знамя Пророка или Санджакъ Шерифъ. Блистательная Порта находится тамъ, гдѣ ея Верховный Визирь; безъ него столица именуется *Императорскимъ стременемъ* (Рикіабп-Гумаюнъ). Всѣ высшіе

чиновники уѣзжаютъ съ Верховнымъ Визиремъ и мѣста ихъ занимаютъ чиновники запасные, второстепенные. Напримѣръ, *Кіаія-Бей* Константинопольскій только занимаетъ мѣсто отсутствующаго Кіаія-Бея и оставляетъ сію должность, какъ скоро сей послѣдній возвращается изъ арміи. Такъ и всѣ другіе министры. *Каймакамъ-Паша* есть намѣстникъ Верховнаго Визиря и обыкновенно назначается Султаномъ.

Послѣ Верховнаго Визиря важнѣе всѣхъ *Кіаія-Бей* или Министръ внутреннихъ дѣлъ. *Рейсъ-Эффенди*, Государственный Канцлеръ, есть Министръ иностранныхъ дѣлъ. *Чаушъ-Баши*, Великій Маршалъ Двора, исполняетъ всѣ повелѣнія Султана, Верховнаго Визиря и приговоры гражданскаго или уголовнаго правосудія. Эта должность у Туркокъ въ великомъ уваженіи. *Дефтердарь-Эффенди* тоже что Министръ Финансовъ. *Капитанъ* или *Капуданъ-Паша* начальствуетъ всѣмъ Турецкимъ флотомъ.

Исчисливъ главнѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ Оттоманскаго Правительства, прибавимъ, что всѣ они болѣе носятъ названіе того чина, коимъ облечены, но не имѣютъ дѣйствительной власти, ибо система Турецкаго правленія основана на деспотизмѣ. Вся власть соединяется въ Верховномъ Визирѣ, такъ сказать, представителѣ Султана, и всѣ другіе сановники суть не иное что какъ его твари. Посему-то каждый изъ нихъ, не будучи увѣренъ даже въ слѣдующемъ днѣ, старается пользоваться выгодами своей должности и позволяетъ себѣ всѣ роды злоупотребленій,

дабы послѣ, если удастся сохранить голову, наслаждаться выгодами богатства.

Шейхъ-уль Исламъ, или *Муфти*, есть намѣстникъ Султана по духовной части, такъ-же какъ Верховный Визирь по административной и военной. Уважаемый народомъ, какъ первосвященникъ или начальникъ всего сословія Улемовъ, онъ, въ семъ отношеніи, послѣ своего повелителя есть первое лицо въ Государствѣ. Муфти пользуется столькоже почестями, сколько Верховный Визирь могуществомъ и властью.

Улемы раздѣляются на три разряда: 1-е, отправляющіе службу въ мечетяхъ и занимающіеся управленіемъ храмовъ, училищъ и больницъ; 2-е, судьи всѣхъ классовъ, Моллы, Кадіи, Наибы; 3-е, Муфти въ областяхъ, учители и изъяснители законовъ, разрѣшающіе предлагаемые имъ вопросы касательно сихъ законовъ. Сіе могущественное сословіе, состоящее изъ духовенства и судей, находится въ непосредственномъ вѣдѣніи Муфти, блюстителя законовъ.

Управленіе областями ввѣрено Пашамъ, Беямъ и Агамъ. Чтобы получить яснѣйшее понятіе о политическомъ составѣ и раздѣленіи власти Турецкаго Государства, мы должны обозрѣть управленіе областей при нынѣшнемъ Султанѣ, котораго многіе почитаютъ преобразователемъ своей Имперіи.

Въ Египтѣ видимъ Магеммеда-Али Пашу, управляющаго симъ знаменитымъ участкомъ земли въ качествѣ Вице-Короля или намѣстника Султанова, но въ существѣ самовластнаго деспота. Сей Ви-

зирь (ибо каждый трехъ-бунчужный Паша есть Визирь) приобрѣлъ несмѣтныя богатства, сдѣлавшись монополистомъ всей торговли благословенной страны, управляемой имъ. Онъ платитъ ежегодную дань Султану и сохраняетъ видъ покорности къ своему повелителю, помогая ему въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Мегеммедъ-Али извѣстенъ завоеваніемъ Мекки, истребленіемъ Вехабисовъ и покореніемъ острова Кандіи. Онъ посылалъ значительныя силы, морскія и сухопутныя, для усмиренія Грековъ, но, ко благу человѣчества, безуспѣшно. Многіе изъ молодыхъ Египтянъ воспитываются на счетъ Мегеммеда въ Европѣ, и вообще онъ, побуждаясь корыстными видами, вводитъ въ свои области просвѣщеніе, хотя и варварскимъ образомъ.

Акра, Сеидъ и Триполи Сирійскій долго были подъ властію Сулеймана; по смерти его Акра была ввѣрена Абдуллагу-Пашѣ, который возмущался противъ Порты въ 1822 — 1823 годахъ, но за огромную плату и при посредничествѣ Мегеммеда-Али примирился съ Султаномъ.

Алеппо, бывшее гнѣздомъ непокорныхъ Янычаровъ, не въ давнемъ времени находилось подъ властію Рагиба-Паши, одного изъ первыхъ истребителей буйной толпы Янычарской.

Города Орфа, Діарбекиръ, Мердинъ, Моссулъ состоятъ подъ управленіемъ Пашей, часто воюющихъ, или между собою, или съ Туркоманскими и Курдскими народами, живущими вблизи ихъ Пашалыковъ.. Воинственное состояніе приучило сихъ Пашей къ независимости и потому они худо по-

винуются Султану, который принужденъ ссорить ихъ, дабы не дать ни одному усилиться.

Багдадъ и Бассора, при владычествѣ надъ оными корыстолюбиваго Сулеймана-Паши, стали страшны Султану, и онъ послалъ извѣстнаго Галетъ-Эффенди погубить Сулеймана. Послѣ него сдѣланъ былъ Пашею Абдулла, не наслѣдовавшій власти своего предшественника, потому что Пашалыкъ его нынѣ ослабленъ непокорными сосѣдственными Пашами и Курдами и Арабами.

Въ остальной части Азіи, Пашалыки Ванскій, Арзерумскій, Трепизондскій и проч., были подъ управленіемъ Пашей, коихъ семейства издавна властвовали надъ сими областями. Они имѣли большія богатства и пользовались даже нѣкоторымъ уваженіемъ, но тѣмъ не менѣе Порта смотрѣла на нихъ подозрительными глазами. Въ настоящее время отношенія сіи исчезли, ибо Русское оружіе разогнало многихъ изъ этихъ мѣлкихъ деспотовъ Турецкихъ; Паша Арзерумскій въ плѣну; Трепизондъ ожидаетъ своего часа. Далѣе мы упомянемъ съ бо̀льшею подробностію о занятыхъ Русскими войсками мѣстахъ. Но вообще, говоря о Турціи, надобно употреблять прошедшее время, ибо сія нестройная масса волнуется безпрерывными междоусобіями, и, вѣроятно, самъ Султанъ не знаетъ состоянія многихъ изъ своихъ областей, потому что власть его на оныя простирается только по наружности.

Беи, правители Караманіи, Пайаса и Бейлана, при началѣ государствованія Магмуда II были въ

совершенномъ возстаніи, не повиновались Портѣ, грабили караваны, проходившіе по ихъ землямъ, и стѣсняли торговыя сношенія. Султанъ принужденъ былъ употребить военную силу противъ могущественнѣйшаго изъ сихъ Беевъ, Аги Саталійскаго, и привелъ въ повиновеніе сіи области, успѣвъ смѣнить Чапана-Оглу и Кара-Османа-Оглу, изъ коихъ первый жилъ близъ Ангоры, а другой въ крѣпости между Магнезіею и Пергамомъ, близъ Смирны. Правитель Смирнскій былъ неожиданно схваченъ и умерщвленъ на островѣ Метелинѣ. Нынѣ Смирна состоитъ подъ желѣзною властію Гассана-Паши, преданнаго Султану.

Управленіе Европейскихъ владѣній Султана представляетъ картину еще болѣе нестройную.

Дарданеллы состоятъ подъ смотрѣніемъ Мугафиза, военнаго чиновника, покорнаго власти Порты. Для сбора пошлинъ съ кораблей, ежегодно присылается особенный смотритель.

Острова Архипелага были по бо̀льшей части подъ управленіемъ Капудана-Паши, ввѣрявшаго судъ и расправу ежегодно избиравшимся старшинамъ.

Островъ Хіо былъ удѣломъ одной Султанши и носилъ тѣнь свободнаго управленія. Бѣдствіе, постигшее въ послѣднее время Хіосцевъ, извѣстно цѣлому міру. Кипръ былъ раздираемъ варварствами всѣхъ родовъ. Метелинъ, Родосъ, Лемносъ и Станхо состояли подъ властію Турецкихъ чиновниковъ, назначавшихся Капуданомъ-Пашею. Сира, Тино и Андросъ были въ завѣдываніи Монетнаго

Пристава. Кандія была раздѣлена между тремя Пашами. Островъ Негропонтъ имѣлъ особеннаго Пашу.

Древній Пелопоннезъ или нынѣшняя Морея стенала подъ игомъ Вели-Паши, сына злодѣя Яннинскаго, Али-Паши, который повелѣвалъ Эпиромъ, Ливадіею, Ѳессалією и всею Нижнею Албаніею. Сынъ его Вели былъ смѣненъ и сдѣланъ Пашею въ Трикали. Другой сынъ Али, Мухтаръ, также Паша, управлялъ Пашалыкомъ Элбассанскимъ и Берашскимъ. Хотя Али выдалъ дочь своего сына Вели за Мустафу, Пашу Септарійскаго (въ Верхней Албаніи), но Султанъ зналъ, что это не помѣшаетъ Али завладѣть и Верхнею Албаніею. Али приписывали даже намѣреніе низвергнуть своего зятя, котораго Пашалыкъ, по малолѣтству Паши, управлялся Совѣтомъ. Рѣшившись погубить Али, Султанъ видѣлъ въ немъ не ожесточеннаго злодѣя, а только непокорнаго слугу. Онъ послалъ противъ него значительное войско, въ то время, когда уже свобода Греціи загоралась. Съ Али вступили въ переговоры и, нечаянно окруживъ его жилище, избавили Султана отъ опаснаго врага, а Грековъ отъ коварнаго и ужаснаго сосѣда. Семейство Али было также истреблено.

Сересъ и столица Македоніи, Салоники, были ввѣрены двумъ человѣкамъ, преданнымъ Султану. Бей Сересскій, отецъ Паши Салоникскаго, никогда не хотѣлъ принять названія Паши и могъ выставить до шестидесяти тысячь войска.

Боснія донынѣ находится подъ управленіемъ Па-

ши, живущаго въ главномъ городѣ сей области, Травникѣ. Въ ней есть нѣкоторыя особенныя установленія и права, но деспотизмъ Паши часто ниспровергаетъ ихъ.

Сербія спокойна съ 1821-го года, потому что она поставила себя почти въ независимость отъ Порты.

Черногорія или Монтенегро населена Христіанами Греческаго исповѣданія, коихъ число простираетсл до сорока тысячь душъ. Они Славянскаго племени, повинуются своему Епископу (Владыкѣ) и сохраняютъ независимость.

Румелія, нынѣшній театръ войны Забалканской, состояла подъ управленіемъ Паши, покорнаго Султану. Двадцать лѣтъ страна сія раздираема была внутренними смятеніями; посему, не удивительно, что жители ея, особенно не-Магометанскаго исповѣданія, встрѣчаютъ Рускихъ какъ своихъ избавителей.

Мы не будемъ ничего говорить о прежнемъ управленіи Булгаріи, Молдавіи и Валлахіи, заняты хъ нынѣ войсками нашего Императора. Сіи обширныя страны испытали все тиранство Порты и были доведены до того, что жизнь становилась для нихъ невыносимымъ бременемъ.

Изъ сего краткаго очерка видимъ, что Порта Оттоманская не составляетъ политическаго тѣла, связаннаго единообразнымъ, благодѣтельнымъ правленіемъ, взаимными выгодами и надеждами на будущее. Это странный феноменъ, коего существованіе основывается на фанатизмѣ и на личныхъ вы-

годахъ шарановъ-Пашей. Долговременный деспотизмъ приучилъ подданныхъ Султана переносить бремя рабской жизни, но прочность его государства дряхлѣетъ съ каждымъ днемъ. Доказательства этого очевидны.

Турецкій подданный никогда не можетъ быть увѣренъ въ своей безопасности; онъ, не зная за собою никакой вины, не предполагаетъ, что завтра будетъ носить голову на плечахъ. Призракъ законовъ Турецкихъ существуетъ только для выгодъ исполнителей онаго, ибо Улемы и Кадіи рѣшаютъ дѣла окончательно, не отдавая въ томъ никому отчета. Чтобы пользоваться небольшими выгодами въ жизни, въ Турціи, не такъ какъ у образованныхъ Европейцовъ, гдѣ каждый въ своемъ состояніи можетъ быть доволенъ, въ Турціи надобно приобрѣсть для сего большую силу; она необходима для того, чтобы быть въ нѣкоторой независимости и не страшиться насильственной смерти. Но и люди сильные, то есть богатые и чиновные, всегда находятся подъ мечемъ Пашей. Сіи послѣдніе, имѣя цѣлію также личную безопасность, стараются всѣми средствами собирать богатства и умножать число своихъ приверженцевъ. Но сдѣлавшись сильными властителями, они становятся подозрительны для Султана, который, желая ослабить силу вассаловъ, ссорится съ сосѣдственными Пашами и такимъ образомъ уничтожаетъ свою собственную силу.

Не одно природное варварство, укрѣпляемое воспитаніемъ и обстоятельствами, служитъ для

Турковъ побудительною причиною къ злодѣйствамъ. Ихъ правленіе основано на убійствахъ и насиліяхъ. Каждый Паша обязанъ прислать требуемое отъ него количество золота, хотя-бы то было и несоразмѣрно съ его средствами. Онъ принужденъ для этого взвести на какого нибудь богатаго человѣка небывалое преступленіе, умертвивши его, и, завладѣвъ его имѣніемъ, расплатиться съ Султаномъ. Не то, низверженіе и смерть Паши неизбѣжны. Сія безпрерывная борьба Султана съ Пашами и сихъ послѣднихъ между собою, сопровождаемая тиранствомъ въ отношеніи къ подданнымъ Турецкимъ, есть такимъ образомъ необходимое слѣдствіе образа правленія. Каждый думаетъ только о своей личной безопасности и для сохраненія ея готовъ на всѣ злодѣйства.

Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается главная причина неизбѣжнаго паденія Турецкаго Государства. Волнуемое всѣми возможными неустройствами, оно поддерживается единственно казнями, насиліемъ и фанатизмомъ, соединяющимъ Турковъ въ минуты опасности.

Нынѣшній Султанъ видитъ, что онъ можетъ укрѣпить на нѣкоторое время распадающіяся части своего Государства, если преобразуетъ войско, и, сколько возможно, нравы своихъ подданныхъ. Послѣднее для него недостижимо при Магометанскомъ исповѣданіи, ибо не корсеты и не Французскія платья, въ которыя онъ наряжаетъ своихъ женъ, могутъ усмирить нравы и возвысить духъ народа. Преобразованіе арміи онъ началъ истреб-

леніемъ Янычаровъ. Войско сіе, какъ мы уже замѣтили выше, стѣсняло его власть во многихъ отношеніяхъ, но всего болѣе противилось оно учрежденію регулярныхъ войскъ. Нынѣшняя кампанія показала, каково вновь образованное регулярное войско, которое Туркофилы расхваливали и надъ которымъ благоразумные люди смѣялись и называли его карикатурою Европейскихъ войскъ (*). Рускіе воины гонятъ его вездѣ, гдѣ ни встрѣтятъ. Толпы нерегулярныя, собственно составляющія Турецкую военную силу, не могли выдерживать сраженій съ Русскими войсками еще во времена Румянцева. Взятіе Арзерума и Адріанополя показываетъ, что и нынѣ толпы сіи столько-же страшатся меча Русскаго, какъ страшились его при Кагулѣ.

Флотъ Турецкій, послѣ Наварінской битвы состоитъ едва изъ нѣсколькихъ кораблей. Но если-бы Туркамъ и удалось построить еще нѣкоторое число кораблей, то гдѣ возмутъ они матросовъ послѣ отпаденія отъ нихъ Грецін? Если они не могутъ образовать сухопутнаго войска, то какъ образуютъ моряковъ? Положимъ, что Туркофилы управляютъ ихъ кораблями, но могутъ-ли они поселить въ своихъ подчиненныхъ храбрость, мужество, могутъ-ли сообщить имъ искуство и ловкость, необходимыя въ морскомъ дѣлѣ? Безсмертный подвигъ Казарскаго доказалъ, что первое мѣсто, на которомъ Турецкій флотъ встрѣтится

(*) *Два года въ Константинополѣ и Морѣ.* СПб. 1829. Втораго изданія стран. 136-я.

съ Русскими морскими силами, будетъ для него новымъ Наваріномъ.

Таково политическое состояніе Турецкаго Государства. Раздѣленіе властей, не имѣющихъ постоянныхъ законовъ, деспотизмъ, основанный на взаимной враждѣ управляющихъ областями, варварское, невѣжественное состояніе народа, не имѣющаго никакого покровительства, никакой защиты, вотъ что видимъ мы въ семъ Государствѣ! Туркофилы удивляются *рѣшительности* Султана и прославляютъ неумѣстную строгость его мѣръ. Давно-ли подобные поступки стали находить себѣ хвалителей? Хороша рѣшительность благоразумная; но истребить въ одинъ день сорокъ тысячь своего лучшаго войска, привесть великую сосѣдственную Державу, неисполненіемъ договоровъ и нарушеніемъ правъ народныхъ, въ необходимость получить оружіемъ удовлетвореніе, наконецъ слышать громъ побѣдителей близъ стѣнъ Серальскихъ и не думать о мирѣ — это рѣшительность морскаго разбойника, который провелъ всю жизнь свою въ захватываніи чужаго, и напослѣдокъ, въ безумномъ отчаяніи, окруженный праведными мстителями, невозвратно погибшій для стези законной, бьется до истощенія жизненныхъ силъ.

Не вражда, не непріязненность заставляетъ насъ громко говорить о несчастномъ состояніи Турецкаго Государства, но справедливое негодованіе, возбуждаемое чтеніемъ нынѣшнихъ сочиненій о Турецкихъ дѣлахъ. И Графъ Андреосси, изъ книги котораго мы заимствовали многое въ нашей

картинѣ, идетъ по слѣдамъ продажныхъ писакъ, съ недавняго времени видящихъ въ Султанѣ героя, въ Пашахъ его благоразумныхъ правителей, а въ войскѣ Турецкомъ мужество и храбрость, въ самомъ дѣлѣ проявляющіяся бѣгствомъ отъ нашихъ войскъ и сдачею намъ неприступныхъ крѣпостей. Гр. Андреосси старается представить каждый поступокъ Султана съ геройской стороны; но, не смотря на его усилія, дѣла говорятъ сильнѣе словъ. Читатели могутъ повѣрить наши указанія самою книгою Графа Андреосси и прекрасными сочиненіями, недавно изданными на Русскомъ языкѣ: *Два года въ Константинополѣ и Морѣ* и *Путешествіе Вальша*. Въ свое время, мы хвалили ихъ за безпристрастіе и вѣрное изображеніе занимающаго насъ предмета.

Обозрѣвъ Турецкое Государство въ политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, мы должны теперь представить читателямъ нашимъ физическое или матеріяльное состояніе онаго, ибо статистическій обзоръ Турціи едва-ли возможенъ, по недостатку свѣдѣній о семъ Азіятскомъ Государствѣ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *О пользѣ и необходимости водворенія въ Россіи плодопеременнаго сельскаго хозяйства.* Издано отъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. СПб., 1829., въ т. Ивана Байкова. 101 стр., in 8, и 7 таблицъ.

— *О выкармливаніи шелковичныхъ червей* по способу Графа Дандоло. Сочиненіе Матвея Бонафу. Переведено съ Французскаго и издано тщаніемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. СПб., 1828 (*). Въ т. Академіи Наукъ. VI и 102 стр., in 8, съ рисунками.

Вотъ два новыя сочиненія, изданныя Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ! Почтенное Общество сіе, знаменитое и давностію своего существованія, и неутомимою, полезною дѣятельностію, въ теченіе 63-хъ лѣтъ своего существованія стремится безпрерывно къ своей цѣли и ознаменовываетъ себя каждый годъ многими важными подвигами. Оно заботится о водвореніи въ Россіи плодопеременнаго земледѣлія и въ тоже время вразумляетъ владѣльцевъ земель, что они

(*) Книга сія вышла въ свѣтъ въ 1829-мъ году. Предувѣдомленіе къ оной подписано 18 Мая 1829 года. *Изд.*

должны обращать вниманіе не на одну сію промышленность. «Цѣль земледѣлія состоитъ не въ одномъ произведеніи сколь возможно большаго количества хлѣба; оно должно вездѣ производить то, что или необходимо нужно, или на что можно имѣть выгодный сбытъ. Если выгоднѣе пшеницы сѣять лукъ и горохъ, какъ-то признано въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи, то должно сѣять сіи овощи и оставить пшеницу, и такимъ-же образомъ поступать вездѣ и во всякое время, сообразно съ обстоятельствами.» Такъ говорилъ Г-нъ Щегловъ въ сочиненіи своемъ *О пользѣ соединенія съ земледѣліемъ мануфактурной и заводской промышленности*, читанномъ въ собраніи Общества. Слова Г-на Щеглова показываютъ степень полезности сочиненія о плодопеременномъ земледѣліи. Но далѣе онъ говоритъ, что наши помѣщики должны обращать вниманіе, послѣ земледѣлія, на *винокуреніе*, и на другіе выгоднѣйшіе въ настоящее время и полезнѣйшіе роды промышленности, изъ коихъ онъ указываетъ на слѣдующіе: *Добываніе сахара изъ туземныхъ растеній — добываніе изъ растеній красокъ — добываніе шелка.* Посему Общество весьма кстати издало сочиненіе *О выкармливаніи шелковичныхъ червей.* Оно также приготовило къ печати слѣдующія сочиненія: Земледѣльческую Химію Гумфри Деви, Земледѣліе Джона Синклера, и еще одно сочиненіе о винодѣліи. Мы не беремся судить о достоинствѣ подобныхъ книгъ, но зная выгоды разнообразнаго направленія промышленности въ отношеніи къ По-

литической Экономіи, не можемъ не отдавать справедливой хвалы усиліямъ Общества.

— *Описаніе знаменитаго и неслыханнаго сраженія между Россійскимъ бригомъ Меркуріемъ и двумя Турецкими линейными кораблями, 14 Мая 1829 года.* Съ приложеніемъ осьми рисунковъ, ясно показывающихъ различныя положенія брига и непріятельскихъ кораблей въ продолженіе погони за нимъ и сраженія; также съ объясненіемъ многихъ морскихъ терминовъ. Сочинено съ оффиціяльныхъ бумагъ. М. 1829., въ Унив. тип., 31 стр., in 8.

Кому изъ Рускихъ не извѣстенъ знаменитый подвигъ Меркурія, брига Черноморскаго флота, свершенный подъ начальствомъ Капитанъ-Лейтенанта Казарскаго? Мы увѣрены, что, пересказавъ его здѣсь, не скажемъ ничего новаго нашимъ соотечественникамъ: они знаютъ всѣ подробности сего геройскаго подвига и помнятъ объ истинно-Императорскихъ наградахъ, коими Государь Императоръ благоволилъ отличить заслуги каждаго изъ бывшихъ на бригѣ Меркуріи. Но мы почитаемъ себя счастливыми, что имѣемъ случай внести въ наши листы воспоминаніе о семъ безсмертномъ дѣлѣ, которому подобнаго нѣтъ въ морскихъ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ. Англійскіе журналы, не охотно раздающіе похвалы морякамъ не-Англійскимъ, признаются, что дѣйствительно подвигъ брига Меркурія безпримѣренъ, и что лѣтописи ихъ флота не представляютъ ничего подобнаго. Честь и слава нашимъ храбрымъ соотечественникамъ! . . . Въ книжкѣ, изданной подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ, подробно описано сіе достопамятное собы-

тіе и въ концѣ оной приложено изъясненіе всѣхъ морскихъ терминовъ и выраженій, находящихся въ оффиціяльномъ донесеніи о подвигѣ брига Меркурія. Рисунки, коими обогащена сія книжка, показываютъ различныя положенія брига и непріятельскихъ кораблей во время боя. Сочиненіемъ симъ публика обязана одному почтенному моряку: это мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника. Впрочемъ, и не зная этого, всякій читатель увидитъ, по необыкновенному участію, живости и знанію, съ коими написана сія книжка, что сочинить ее могъ не иной кто, какъ человѣкъ, знакомый и съ грозною стихіею моря и съ непріятельскими ядрами и картечами.

— *Древніе и нынѣшніе Болгаре* въ политическомъ, *народописномъ* (?), историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историко-критическія изысканія, коими опредѣляются, *вопреки общепринятому мнѣнію*, происхожденіе, колыбель и древности сихъ двухъ племенъ въ частности, и Славянъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ вообще, и разрѣшаются многіе важнѣйшіе вопросы изъ Древней Исторіи Россіи, сочиненныя Юріемъ Венелинымъ. Т. I. М., 1829, въ Унив. тип., XVI и 256 стр., in 8.

Есть два рода невѣжества: одно неученое, другое ученое, и второе гораздо смѣшнѣе и несноснѣе перваго. Оно производило Рудбековъ, Тредьяковскихъ, Эминыхъ, и въ наше время произвело книгу Г-на Венелина, истинное чадо твореній Рудбека и его собратій! Мы не говорили-бы такъ сильно,

если-бы не видѣли въ Г-нѣ Венелинѣ упрямства, хвастовства и насмѣшливости, не только неприличныхъ ученому писателю, но и самому разскащику о похожденіяхъ Царя Карпауса Θеодуловича.

Главная мысль Автора, что Булгары были Славяне; но этого мало: онъ почитаетъ Славянами Гунновъ, Аваровъ, Хазаровъ; утверждаетъ, что Аттила былъ Славянинъ, и что Рускіе произошли отъ Роксоланъ, словомъ, не льзя читать книги Г-на Венелина не смѣясь, и смѣяться не досадуя, что въ нашъ вѣкъ еще осмѣливаются выползать на бѣлый свѣтъ литтературныя чудовища такого рода.

Кажется, что подобныя созданія не стоятъ критики. Не понимаемъ только, какъ М. П. Погодинъ могъ одобрить книгу Г-на Венелина, и — даже дать ему средства напечатать ее! Онъ конечно хотѣлъ подшутить надъ нами, но, Богъ знаетъ, сдѣлаетъ-ли подобная шутка честь его собственной литтературной извѣстности.

Н. П.

— *Подробное описаніе Персіи* и государствъ Кабула, Сендстана, Синди, Бальха, Белудшистана, земли Хорассана, также Грузіи и Персидскихъ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи. Съ присовокупленіемъ описанія похода *Персіянъ* противъ Россіи въ 1826, 1827 и 1828 годахъ. М., 1829., въ т. Селивановскаго. 3 части. Въ I-й IV и 164, во II-й 84, въ III-й 128 стр., in 8.

Не смотря на громкія увѣренія Автора, что онъ «тщательно разсматривалъ *всѣ* до сего вре-

мени вышедшія (?) путешествія, Географія, Исторіи, *коими имѣлъ случай пользоваться*,» что онъ *сравнивалъ оныя со всевозможнымъ вниманіемъ*, старался избѣгать ложнаго и выбирать справедливое — книга его есть самая обыкновенная компиляція, и пруда въ ней не видно. Во первыхъ, исчисляя источники, коими онъ пользовался, Авторъ обличаетъ себя, что онъ не знаетъ новѣйшихъ и лучшихъ источниковъ для его предмета, а именно: Путешествія Морьера, Англійскихъ Обозрѣній и изъ нихъ особенно Quarterly Review, гдѣ заключаются почти всѣ новыя географическія свѣдѣнія. Во вторыхъ, касательно древней Персіи, онъ не пользовался изысканіями Геерена, пролившаго ясный свѣтъ на состояніе древнихъ странъ и народовъ, въ своихъ Ideen. Наконецъ, даже изъ нѣхъ источниковъ, коими пользовался Авторъ, можно и должно было составить нѣчто болѣе стройное. Почему, напримѣръ, называетъ Авторъ провинціи, присоединенныя къ Россіи, Персидскими? Къ чему при описаніи Персіи описаніе Кавказскихъ земель? Онѣ далеко ушли отъ Персіи. Почему Авторъ называетъ Кавказскія горы Альпами *Восточной* Азіи? Что-же будетъ *Западъ* Азіи, если это Востокъ? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать не одну сотню, и Авторъ затруднится въ отвѣтѣ на оные. Заключающееся въ третьей части описаніе послѣдней войны Россіи съ Персіею, не заслуживаетъ большаго вниманія, потому что это не Исторія и не сборникъ однѣхъ оффиціяльныхъ бумагъ, а какой-то разсказъ съ реляцій. Его не льзя принять за матеріялъ и не льзя читать съ

удовольствіемъ, какъ Историческое описаніе достопамятной послѣдней войны Россіи съ Персіею. Скажемъ вообще, что главный недостатокъ сей книги состоитъ въ томъ, отъ чего Авторъ почиталъ себя свободнымъ: въ неотчетливости. Разительныхъ ошибокъ въ его сочиненіи мы не замѣтили.

— Katalog der deutschen Leih-Bibliothek, von Ferdinand Oelzner (*Роспись книгамъ Нѣмецкой Библіотеки для чтенія, Фердинанда Эльцнера*). М. 1829., въ т. Селивановскаго. 185 стр., in 8.

Въ столь большомъ городѣ какъ Москва, разумѣется, живетъ, между прочимъ, много Нѣмцевъ. Въ самомъ дѣлѣ достойно замѣчанія, что это какой-то особенный классъ людей, необходимый для Русскихъ городовъ, или по крайней мѣрѣ неразлучный съ ними. Но какъ Нѣмцу быть безъ чтенія? Оно для него также потребно, какъ для Русскаго разгульное житье. Нашъ соотечественникъ отдыхаетъ въ шумной бесѣдѣ, а Нѣмецъ за книгою. И Московскіе Нѣмцы любятъ читать; доказательствомъ этого можетъ служить Библіотека Г-на Эльцнера, увеличивающаяся съ каждымъ годомъ. Нынѣ изданный Каталогъ оной заключаетъ въ себѣ 4520 №, въ числѣ коихъ находится почти все лучшее Нѣмецкой Литтературы. Есть полныя собранія сочиненій Гёте, Геллерта, Виланда, почти всѣ сочиненія Жанъ-Поля, Шиллера, Коцебу, Фанъ-дель-Фельда и многихъ другихъ Нѣмецкихъ авторовъ. Сверхъ сего есть много переводовъ лучшихъ сочиненій иностранныхъ, такъ, что,

платя бездѣлку въ сію Библіотеку, изъ нея можно пользоваться почти всѣмъ богатствомъ литтературнымъ, даже не одной Германіи. Не льзя ожидать чтобы тутъ были какія нибудь дорогія или рѣдкія сочиненія, но *ходячее* найдется почти все. Вѣроятно зная своихъ читателей, Г-нъ Эльцнеръ имѣетъ особенно большой запасъ романовъ и театральныхъ сочиненій.

Надобно прибавить, что кромѣ Библіотеки для чтенія, Г-нъ Эльцнеръ имѣетъ довольно богатую книжную лавку. Въ ней найдете полныя собранія сочиненій почти всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ авторовъ, множество книгъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ наукъ, и много новыхъ, эфемерныхъ сочиненій. Г-нъ Эльцнеръ также принимаетъ на себя обязанность выписывать изъ Германіи *все, по возможности*, книги, и такимъ образомъ Московскіе жители не могутъ жаловаться, чтобы имъ не откуда было взять Нѣмецкихъ книгъ. Еще нѣсколько лѣтъ, еще поболѣе любви къ чтенію, къ ученымъ занятіямъ, и Москва будетъ имѣть своего Грефа.

— *Американскія степи.* Сочиненіе Д. Фенимора Купера. Переводъ съ Французскаго. 3 части. 1829. въ т. Селивановскаго. Въ I-й ч. 272 стр., во II-й 326 стр., въ III-й 323 стр., in 12.

Кажется, до сихъ поръ на Русскомъ языкѣ это второй романъ знаменитаго Американскаго Писателя. Романъ сей имѣетъ большое достоинство, какъ вѣрное изображеніе дикой природы и оригинальныхъ народовъ Сѣверной Америки. Правда, нѣкоторыя *длинноты* не рѣдко кажутся читателю

излишними, но прочитавъ всю начертанную Купером картину, онъ остается доволенъ.—Въ началѣ сей книжки М. Телеграфа напечатано письмо самого Купера, гдѣ онъ весьма основательно показываетъ причины безцвѣтности Сѣверо-Американской Изящной Словесности. Дѣйствительно, романистъ Сѣверо-Американскій непремѣнно долженъ переноситься къ дикимъ, сосѣдственнымъ его отечеству народамъ, чтобы имѣть какой нибудь оригинальный предметъ. Его родное общество столько благоразумно, столько не разнообразно, и такъ хорошо въ политическомъ отношеніи, что съ него нечего списывать, или, списывая должно вести такой журналъ, какой велъ одинъ хорошій, добрый человѣкъ, выражавшій всею жизнію своею слѣдующую фразу: *Всталъ въ 7 часовъ утра, занимался дѣлами по обыкновенію, и легъ спать въ 11 часовъ вечера.* Вотъ причина, заставляющая Купера вводить насъ въ общество дикихъ и подобныхъ имъ необщественныхъ людей. Нужно-ли говорить, какъ мастерски пользуется онъ своими предметами? Куперъ художникъ. Читатели согласятся съ этимъ, прочитавъ его *Степи*, романъ, который переведенъ на Русскій языкъ не совсѣмъ дурно.

— *Описаніе Нижняго Новгорода* и ежегодно бывающей въ немъ ярмарки. М. 1829, въ т. Августа Семена. 127 стр., in 8. Съ планомъ.

Г-нъ Лекоэнтъ де Лаво, извѣстный сочиненіемъ Путеводителя въ Москвѣ, переводомъ на Французскій языкъ Путешествія Г-на Муравьева въ Туркменію и Хиву, и особенно изданіемъ хорошаго

Журнала Bulletin du nord, составилъ сію книгу на Французскомъ языкѣ. Какой-то неизвѣстный перевелъ ее на Русскій языкъ, и весьма неисправно; но книга сама по себѣ хороша. Авторъ обозрѣваетъ Нижній Новгородъ Исторически, топографически и статистически, замѣчаетъ разныя достопамятности онаго и судитъ обо многомъ весьма справедливо. Въ доказательство сего приводимъ его мнѣніе о Нижегородскомъ Гостиномъ дворѣ: «Если-бы ограничились только совѣщаніемъ съ выгодами торговли, то сіе огромное зданіе не представляло-бы ничего, кромѣ обширныхъ лавокъ для поклажи пряностей, хлопчатой бумаги, мѣховъ, винъ и другихъ торговыхъ статей, привозимыхъ въ большомъ количествѣ и составляющихъ истинное богатство ярмарки, а малыя лавки были-бы оставлены для купцовъ, торгующихъ некрупнымъ товаромъ и могущихъ помѣщаться въ небольшомъ пространствѣ; но тогда-бы должно было по большей части нарушить симметрію, которой требуютъ правила Архитектуры, и разсѣявъ зданія, нужныя для ярмарки, на гораздо большемъ пространствѣ, не строить магазиновъ въ мѣстахъ, подверженныхъ ежегодному и правильному разлитію двухъ рѣкъ. Чтобы вездѣ сохранить эту симметрію, Архитекторъ сдѣлалъ всѣ лавки одинакой величины, и это единообразіе, которое непремѣнно должно было сохранить, породило нѣкоторыя неудобства. Отъ сего, напримѣръ, происходитъ, что покой, занимаемый ювелиромъ или часовщикомъ, такой-же величины какъ и лавка, занимаемая торговцемъ мебелей; такимъ образомъ одному слишкомъ просторъ-

на, между тѣмъ какъ другому очень тѣсна; а если купецъ, торгующій мебелями, для удобнѣйшаго помѣщенія своего товара, наймет нѣсколько лавокъ, то онъ будетъ принужденъ платить втрое или вчетверо дороже противъ ювелира, между тѣмъ какъ торговля его гораздо маловажнѣе послѣдняго.»

Въ концѣ сей книги находятся отдѣльныя любопытныя статьи, подъ названіемъ: *Цыганы* и *Прогулка по Нижегородской ярмаркѣ.*

— *Славолюбивый Султанъ*, или рѣдкій примѣръ владычества надъ самимъ собою. Историческое происшествіе. Сочиненіе Николая Данилевскаго. М. 1829. въ т. Селивановскаго. VIII и 65 стр., in 12.

Кто-бы подумалъ, что можно *сочинить Историческое происшествіе?* Однакожь Г-нъ Данилевскій свершилъ сей подвигъ и провозглашаетъ о немъ на заглавномъ листкѣ изданной имъ книжечки. Славолюбивый Султанъ есть не иной кто, какъ Магометъ II-й, покоритель Константинополя. Историческое сочиненіе состоитъ въ томъ, что Магометъ страстно полюбилъ какую-то Ирену (не Ирину-ли?). Для нея онъ сталъ забывать свои обширные замыслы, и когда ему напомнили объ этомъ, онъ собралъ своихъ придворныхъ, показалъ имъ свою красавицу и отсѣкъ ей голову (*кинжаломъ*, какъ говоритъ Авторъ). Содержаніе, не правда-ли, замысловатое? Слогъ этой сказочки достоинъ Бовы Королевича. Вотъ какъ Авторъ изображаетъ Магомета: «Представьте себѣ человѣка лѣтъ двадцати двухъ, *имѣющаго ростъ* сред-

ній и какъ-бы *сжатый (!?)*, лицо смугловатое, глаза черные, взглядъ суровый, брови *на подобіе лука*, носъ орлиный, но *весьма долгой*, чело высокое, ротъ и зубы *весьма красивые.*» Хорошъ молодецъ! Авторъ особенно мастеръ описывать наружную красоту человѣка. Спѣшимъ заглянуть на 14-ю страницу его книжки, гдѣ описана «осьмнадцатилѣтняя дѣвушка, или лучше Греческая красавица, имѣющая столь очаровательныя прелести, столь волшебную миловидность и дивную *нѣжность*, что никакія *выраженія пера* не *въ силахъ*, *въ точности* сдѣлать удовлетворительнаго описанія красоты ея,» и проч. Надобно замѣтить, что это Гречанка *бѣлокурая*. Ошибокъ противъ языка найдется въ этомъ сочиненіи по крайней мѣрѣ вдесятеро противъ числа страницъ; противъ смысла нѣсколько поменьше.

СМѢСЬ.

Прогулка на Чатыръ-дагъ.

5-го *Мая* 1829-го *года*.

Вставъ на зарѣ, пустился я отыскивать по Симферополю товарищей своихъ, съ которыми, за нѣсколько времени еще прежде сего, уговорился ѣхать на разсвѣтѣ назначеннаго дня къ источнику Салгира и на Чатыръ-дагъ. Солнце, не дожидавшееся нашихъ сборовъ, взошло уже высоко, и погода была

прекрасная. Явилась почтовая тройка, и мы полетѣли вдоль Салгира. Виды по долинѣ, гдѣ онъ протекаетъ, освѣщаемые кроткими лучами весенняго солнца, безподобны. Дорогою любовались мы прекраснымъ загороднымъ домомъ Д. В. Нарышкина и дачею Н. И. Перовскаго, гдѣ множество красивыхъ строеній, на прелестномъ возвышеніи расположенныхъ, издали сквозь густую зелень деревьевъ представляютъ нѣчто подобное малому городку. Нѣсколько Татарскихъ деревень и разныхъ домиковъ, разбросанныхъ между садами и рощами по берегамъ излучистаго Салгира, тучныя нивы и зеленѣющіе луга составляютъ прелестную картину, въ отдаленной перспективѣ коей синѣютъ громады южныхъ горъ, а надъ ними цѣль нашего путешествія, огромный Чатыръ-дагъ, величественный шатеръ Тавриды — исчезаетъ въ облакахъ.

Подъѣзжая къ *Эски-Сараю* (старому дворцу), видите раздвинувшіяся горы, которыя образуютъ довольно обширную круглую равнину. Здѣсь было когда-то мѣсто пребыванія Крымскихъ Хановъ, нынѣ-же, одно полуразвалившееся зданіе, похожее на мечеть, и часть стѣны, ограждавшей садъ, уцѣлѣли только отъ разрушенія. *Мурза Меметъ Крымтаевъ*, значительнѣйшій изъ здѣшнихъ Татарскихъ помѣщиковъ, живетъ здѣсь, владѣя обширными, хорошо обработанными полями, тучными пажитями и богатыми лѣсными угодьями. Въ 10-ть часовъ утра остановились мы въ домѣ его, построенномъ въ полу-Азіятскомъ и полу-Европейскомъ вкусѣ, въ 18-ти верстахъ отъ Симферополя, и хотя не застали самого хозяина, однакожь по

распоряженію его нашли готовый завтракъ, составленный по Татарскому обыкновенію изъ свѣжаго масла, смешаны, хлѣба, меду, каймака (*) и Турецкаго кофе. Для пріѣзжихъ отведена особливая комната, довольно чистая, съ мягкими диванами, а прислуживавшіе намъ Татары всѣ почти говорятъ по-Русски довольно хорошо. Здѣсь отпустили мы обратно почтовую повозку, взяли верховыхъ лошадей, и черезъ часъ пріѣхали въ Татарскую деревню *Аянъ*, находящуюся близъ источника Салгира, къ коему и отправились немедленно. Вскорѣ увидѣли мы съ горы большой круглый оврагъ, какъ будто изъ одного камня изсѣченный въ видѣ воронки, прорѣзанной съ одного бока, куда стремится ручей, вытекающій изъ самаго углубленія. Надобно было слѣзть съ лошадей и пѣшкомъ спускаться внизъ къ самому источнику, коего шумъ слышенъ съ верху. Потокъ выходитъ изъ земли съ большимъ стремленіемъ, подъ навѣсомъ скалъ, въ видѣ довольно правильнаго свода. Вода, выше и ниже бьющаго ключа, составляетъ два бассейна, изъ коихъ верхній долженъ быть весьма глубокъ, ибо не смотря на прозрачность, чистой какъ хрусталь, воды, дна не только не видно, но, говорятъ, и достать не можно.

Возвратясь отсюда опять въ *Аянъ*, перемѣнили мы лошадей и взяли проводника, при чемъ бывшій съ нами Татаринъ отъ Мурзы Мемета, зная по-

---

(*) *Каймакъ* есть родъ густыхъ, особеннымъ образомъ приготовленныхъ сливокъ съ пѣнками.

Русски, очень для насъ пригодился. Когда мы приблизились къ горамъ, Салгиръ остался у насъ вправо. Вскорѣ начали мы подыматься сквозь лѣсъ, на первую высоту къ Чатыръ-дагу. Чѣмъ выше, тѣмъ круче и каменистѣе становилась дорога, а наконецъ, превратилась въ едва замѣтную, проложенную стадами тропинку, по голымъ камнямъ, сыпавшимся подъ ногами лошадей, которыя съ удивительнымъ терпѣніемъ взбирались на крутизну разными излучинами. Поднявшись такимъ образомъ вверхъ болѣе двухъ сотъ саженъ, достигли мы ровнаго мѣста, гдѣ частію растетъ трава, но болѣе торчатъ острые каменья, по которымъ даже и здѣшнимъ, привычнымъ къ такой дорогѣ лошадямъ, очень трудно ступать. Я полагалъ, что мы уже находились около самой вершины; но вышло, что мы были еще далеко отъ нея, ибо еще два раза должны были подниматься на такія-же высоты, прежде нежели достигли большой, на нѣсколько верстъ простирающейся площади или равнины, по срединѣ которой возвышается та огромная скала, которая собственно называется *Чатыръдагомъ* или *шатромъ-горою*, по причинѣ сходства ея съ раскинутымъ шатромъ; но ея намъ почти не видно было за облаками.

На высотѣ, гдѣ мы тогда находились, воздухъ несравненно холоднѣе, нежели въ долинѣ. Густой туманъ окружалъ насъ и препятствовалъ смотрѣть вдаль, а изъ тучь, висѣвшихъ низко надъ нами, вдругъ полился сильный дождь; по временамъ слышанъ былъ громъ, и молнія огненною лентою опоя-

сывала вершину Чатырь-дага. Зрѣлище великолѣпное и единственное въ своемъ родѣ.

Буря усилилась, и мы принуждены были искать убѣжища. Къ счастію случился, по близости, пустой пастушескій шалашъ, сложенный изъ камней и покрытый дерномъ. Укрывшись въ немъ отъ ненастья, развели мы огонь, и принялись за дорожный запасъ водки, хлѣба, сыру и вина. Уставшимъ отъ трудной ѣзды по горамъ и сильно проголодавшимся, скудный обѣдъ показался несравненно вкуснѣе всѣхъ пышныхъ барскихъ обѣдовъ. Татары, провожавшіе насъ, отъ водки не отказывались, но винà пить не хотѣли, изъ опасенія нарушить законъ свой. Странная и смѣшная разборчивость! Они разсказывали намъ, что неприступныя мѣста сіи наполнены были прежде разбойниками, которые теперь уже совершенно перевелись. Изъ словъ ихъ можно было замѣтить, что и сами они если не принадлежали къ числу такихъ головорѣзовъ, то, вѣроятно, имѣли съ ними близкое знакомство.

Наконецъ дождь пересталъ, солнце начало мѣстами показываться, и мы, отдохнувъ, подкрѣпивъ себя пищею и обогрѣвшись у огня, съ новыми силами пустились далѣе. Вскорѣ подъѣхали мы къ послѣднему возвышенію, или подошвѣ скалы, составляющей вершину необъятной громады Крымскихъ горъ. Здѣсь, оставя лошадей въ тѣни ольховой и буковой рощи, подъ надзоромъ одного изъ Татаръ, мы пошли съ другимъ Татариномъ на самый верхъ горы. Перемѣна климата здѣсь весьма ощутитель-

на. Весенніе цвѣты, которые въ долинахъ давно уже отцвѣли, на сихъ высотахъ только еще начинали распускаться. Трава здѣсь хотя и не высока, но очень густа и питательна для скотины, а потому лѣтомъ, всѣ пастухи окрестныхъ деревень пригоняютъ сюда стада свои, съ которыми и остаются до осени.

Поднявшись еще выше, мы находили уже одинъ только можжевельникъ, низко по камнямъ разстилавшійся, а на самой вершинѣ голые камни, между которыми во многихъ мѣстахъ снѣгъ еще не растаялъ; въ нѣкоторыхъ ущельяхъ онъ и никогда не таетъ, такъ, что въ самые большіе жары можно доставать ледъ изъ сихъ природныхъ погребовъ.

Кто не былъ на такой высотѣ, тотъ не можетъ себѣ представить, какое непонятное, сладостное чувство волнуетъ грудь путешественника, стоящаго надъ облаками! Все земное кажется ничтожнымъ тому, для кого небо отверсто.

Проходя сквозь тучи, мы непримѣтно были окроплены влажностію. На вершинѣ горы, сначала густой туманъ окружалъ насъ и ничего не было видно; облака̀ подъ ногами нашими волновались со всѣхъ сторонъ, какъ мрачное море. Долго лежалъ я на скалѣ, завернувшись въ косматую бурку, составляющую въ здѣшнихъ мѣстахъ необходимую принадлежность путешественника, ибо ничто такъ не защищаетъ отъ влажности и пронзительныхъ горныхъ вѣтровъ. Густыя облака̀, клубясь подобно дыму, неслись мимо насъ отъ юга къ сѣ-

веру; но подувшій оттуда вѣтеръ изъ степи проводилъ ихъ обратно къ морю. Солнце начало пробиваться сквозь тучи, и онѣ, раздвигаясь какъ театральныя кулисы, позволяли намъ видѣть въ промежуткахъ неизмѣримую отдаленность.

Въ ясную погоду можно видѣть отсюда почти весь Крымъ. Съ одной стороны блистаетъ необъятное пространство моря, съ другой стелется гладкая степь до самаго Перекопа, а волнообразныя горы отвсюду смиренно упадаютъ къ стопамъ своего владыки; всѣ онѣ отсюда кажутся малыми пригорками, тогда какъ изъ долины представляются ужасными гиганшами. Не имѣя при себѣ хорошей зрительной трубы, не могли мы разсмотрѣть Перекопа, Козлова, Керчи и другихъ городовъ; но Симферополь былъ намъ видѣнъ, какъ на ладони; Салгиръ-же означался едва примѣтною блестящею чертою, и вся долина, гдѣ онъ протекаетъ, казалась небольшимъ углубленіемъ или рытвиной. На южномъ берегу Алушта и многія другія селенія казались у насъ подъ ногами, какъ пестрыя раковины близъ моря. Густые лѣса, въ изобиліи растущіе между горъ, мрачною своею зеленью составляли разительную противоположность съ голыми скалами, насъ окружавшими.

Но красоту сего единственнаго зрѣлища можно только видѣть и восхищаться онымъ, описывать-же его было-бы напрасно: никакое перо не изобразитъ его величія, никакой языкъ не выразитъ его пріятности. Заходящее солнце напомнило намъ, что ночь могла застать насъ въ непри-

ступныхъ сихъ мѣстахъ, и мы поспѣшили возвратиться. Точно такимъ-же образомъ спустившись въ долину, только съ бо́льшимъ затрудненіемъ, нежели при въѣздѣ на горы, благополучно доѣхали мы на усталыхъ лошадяхъ до селенія *Часковъ* на большой дорогѣ, гдѣ на станціи взявъ почтовую повозку, поздно ввечеру возвратились въ Симферополь.

Александръ Левашовъ.

Русскій Театръ.

Недоросль, комедія въ пяти дѣйствіяхъ (по возобновленіи первое представленіе, 16-го Августа).

Кто что ни говори, а Классицизмъ, противъ коего нынѣ всѣ возопіяли, было дѣло весьма удобное. Съ правилами и постановленіями преслову-тыхъ Піитикъ, можно было справляться какъ съ календаремъ. Появилось новое произведеніе — естественнымъ образомъ раждается вопросъ: хорошо оно или дурно? Должно-ли оно нравиться или не должно? Съ помощью Классицизма, не нужно было ломать голову. Стоило раскрыть кодексъ Литературы, и посмотрѣть, противъ какого артикула грѣшитъ новое сочиненіе, а посмотрѣвши условія Изящнаго, легко было повѣрить, соблюдены-ли оныя въ точности, нѣтъ-ли какихъ отступленій, и проч.? Критики этого блаженнаго времени были до такой степени облегчены, что каждый изъ умѣющихъ

держать перо въ рукахъ, могъ быть непогрѣшительнымъ судьею въ Литературѣ, что и доказать не мудрено. Положимъ, что вышло въ свѣтъ новое Драматическое сочиненіе. Рецензентъ, по прочтеніи онаго, pro primo смотритъ, соблюдены-ли три единства? Не соблюдены? слѣдовательно твореніе подвергается хулѣ, и на семъ первомъ пунктѣ основывалась уже критика осуждающая. Не отступлено отъ правила трехъ единствъ? Это обѣщаетъ нѣчто хорошее. Pro secundo — разбирались стихи. Гладки-ли они? Найдутся-ли между оными *сентенціи*, des vers à retenir? Не противны-ли выраженія *утонченному* вкусу (пословица говоритъ: гдѣ тонко, тамъ и рвется)? Удобно-ли актеру выкрикивать ихъ напыщеннымъ голосомъ на распѣвъ? Оказалось все въ исправности, слѣдовательно и пьеса хороша. Но хвалить безусловно, не годится; надобно приправить критику замѣчаніями и совѣтами. Это легче всего! стоитъ только намекнуть о *растянутостяхъ* (les longueurs), о нѣкоторыхъ замедленіяхъ дѣйствія и т. п. А впрочемъ, все обстоитъ благополучно и новаго ничего нѣтъ. Симъ заключались всѣ Классическія критики въ пользу автора. Но ежели авторъ, недовольный тѣсными предѣлами схоластики, дерзнулъ расширить кругъ своего дѣйствія? Если онъ расторгнулъ оковы школьныхъ правилъ и всѣми предписанными условіями пожертвовалъ живости дѣйствія, вѣрности изображеній и рѣзкимъ чертамъ, опредѣляющимъ характеры лицъ? О! въ такомъ случаѣ рецензенту есть надъ чѣмъ потѣшиться! Начнемъ съ того, что самыя отступле-

ція, суть преступленія, ergo цѣлая пьеса есть не иное что какъ нарушеніе священнѣйшихъ законовъ Литтературнаго міра. А красоты ее оправдывающія? Мы ихъ не видимъ! гдѣ онѣ? Да что-же худаго въ пьесѣ, спроситъ кто нибудь? Мало-ли что? Тутъ неправдоподобіе (NB. неизбѣжное во всѣхъ твореніяхъ Классическихъ и Романтическихъ, безъ изъятія), тамъ сцены, противныя вышеписанному утонченному вкусу; здѣсь выраженія, оскорбляющія слухъ *любознательный и скромную любопытательность* Гг. педантовъ. Ну, словомъ, все не хорошо, и да будетъ стыдно тому, кто восхищается подобными нелѣпостями. Блаженное время Классицизма! На все были средства! Кто хотѣлъ, тотъ былъ судьею и даже мудрецомъ! Нынѣ, плохія времена настали!... Школьныя правила и древнія Піитики получили чистую отставку. Теперь требуютъ, чтобы Критика руководствовалась въ разборахъ своихъ чѣмъ-нибудь прочнымъ, не условнымъ, а поясняющимъ сущность дѣла всѣмъ и каждому, не основываясь на правилахъ принятыхъ и ограниченныхъ, а изыскивая настоящіе признаки Изящнаго, во всемъ его разнообразіи и многоразличныхъ проявленіяхъ. Требованія сіи простерлись до того, что Гг. критики, разбирая чьелибо произведеніе, обязаны давать подробнѣйшіе отчеты о средствахъ и даже образѣ жизни творившаго, о духѣ и наклонности его времени, должны угадывать, какія причины заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе, принуждены открывать малѣйшіе его замыслы и показывать всѣ препятствія, встрѣчавшіяся ему на пути, всѣ пред-

мены, оставленные имъ безъ вниманія, всѣ неудобства, сопряженныя съ его работою. Дѣло не только трудное, но и многотрудное! По симъ причинамъ наши современники сдѣлались чрезвычайно прихотливы на счетъ критикъ. Для удовлетворенія симъ требованіямъ, умнѣйшіе люди просвѣщенной Европы стараются опредѣлить самое Изящное, и хотя сей трудъ вѣроятно увѣнчается не большимъ успѣхомъ, какъ и отыскиваніе квадратуры круга, но тѣмъ не менѣе сіи усилія разума были не безплодны, и новѣйшая Критика, не взирая на излишнюю взыскательность, сдѣлалась несравненно прочнѣе и удовлетворительнѣе старинныхъ пустословій, приправленныхъ несносными ссылками на давно умершаго Аристотеля. — Не принадлежа къ числу тѣхъ людей, которые за все берутся, ничего не зная основательно, я не рѣшаюсь судить о безсмертномъ твореніи фонъ Визина, сообразно съ требованіями нашихъ современниковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ, критикъ долженъ быть едва-ли не такой-же геній, каковъ былъ самъ творецъ Недоросля. Ограничусь разсмотрѣніемъ характеровъ сей пьесы, въ отношеніи къ сценическому искусству исключительно.

Вольтеръ, котораго не взирая на безпрестанныя измѣненія *моды* въ ученомъ свѣтѣ, не льзя не признать однимъ изъ умнѣйшихъ писателей, сознается, что смѣшное гораздо разительнѣе въ противоположности полупросвѣщенія съ истинною образованностью, нежели въ странностяхъ общества, почитающаго себя вполнѣ просвѣщеннымъ. И дѣйствительно, Альцестъ и Чацкій смѣшатъ

своею брюзгливостью и неумѣстными выходками, но тѣмъ не менѣе они внушаютъ къ себѣ какое-то уваженіе, и многіе изъ зрителей скорѣе раздѣлятъ ихъ досаду, нежели смѣхъ надъ оною людей, совершенно покорившихся приличіямъ. Напротивъ того убѣдительные доводы Мѣщанина во дворянствѣ, въ разговорахъ съ благоразумною женою и доброю служанкою, невольно возбуждаютъ смѣхъ, не взирая на то, что Журденъ стремится къ цѣли благородной и сдѣлался поборникомъ просвѣщенія. Онъ *не во время* принялся за это, и на сей запоздалости безсмертный Комикъ основалъ характеръ забавнаго лица своей комедіи. Фонъ Визинъ, *во время* взялся за изображеніе смѣшной и даже карикатурной противоположности невѣжества съ просвѣщеніемъ, уже начинавшимъ распространяться въ сословіи, къ коему принадлежалъ его Митрофанушка. Въ тѣ годы, заря наукъ только что начинала разливать свой благотворный свѣтъ. Великій Петръ, при всей своей дѣятельности, при всемъ своемъ геніи, могъ образовать только своихъ приближенныхъ и проложить тропу къ достиженію высокой цѣли преобразованія отечества. Преемники его слѣдовали мудрому указанію безсмертнаго Монарха; число особъ, окружающихъ престолъ, увеличивалось по мѣрѣ распространенія свѣта. Петербургъ и Дворъ содѣлались фокусами образованности. На эту голову Россіи устремлены были взоры цѣлой Имперіи. Дворянское сословіе, высшее въ нашемъ отечествѣ (и вездѣ), первое почувствовало необходимость сообразоваться съ потребностями вѣка. Награды, почести и быстрыя повышенія дворянъ,

близкихъ къ Монархамъ, естественнымъ образомъ разлакомили и другихъ. Мало по малу начали приниматься за ученіе, въ чаяніи великихъ милостей. Но закоренѣлые предразсудки не были истреблены, потому что люди, устарѣвшіе для просвѣщенія, не намѣрены были пускаться вдаль и доживали свой вѣкъ, предоставляя потомкамъ посвящаться въ таинства образованности и учености. Фонъ Визинъ *поймалъ на ходу* эту минуту и подарилъ Россію вѣрнымъ изображеніемъ сей эпохи.

Постараемся разгадать искусство Комика, относительно къ выбору мѣста дѣйствія, лицъ и обстоятельствъ. Онъ отыскалъ своего Недоросля не въ столицѣ и не въ большомъ городѣ. Онъ умѣлъ удалить его отъ мѣстъ, болѣе или менѣе согрѣваемыхъ благотворными лучами просвѣщенія; онъ уединилъ его отъ сверстниковъ, болѣе или менѣе образованныхъ, съ коими сообщество могло-бы хотя нѣсколько угладить грубое невѣжество Митрофанушки. Фонъ Визинъ помѣстилъ его въ деревнѣ, гдѣ родители его, по званію дворянъ и помѣщиковъ, были первыми и самовластными особами. Кто-же таковы эти родители? Мать, природная дворянка, не знающая грамотѣ, злая, властолюбивая и до безумія любящая единственнаго сына; отецъ, добрый, но слабоумный дворянинъ, во всемъ послушный своей женѣ. Замѣтимъ въ семъ случаѣ, какъ хорошо зналъ Авторъ сердце человѣческое и какъ искусно онъ воспользовался симъ знаніемъ. Если-бы Простаковъ былъ представленъ человѣкомъ, хотя необразованнымъ, но по крайней мѣрѣ твердымъ, рѣшительнымъ, умѣющимъ держать въ рукахъ свою

супругу то, Митрофанушка никогда не былъ-бы тѣмъ Митрофанушкою, котораго мы видимъ въ комедіи. Отцы балуютъ дочерей, матери портятъ сыновей. Это всѣми дознано. Симъ способомъ и Митрофанушка лишенъ благодѣтельной власти надъ собою и хорошихъ примѣровъ. Какія лица окружаютъ этого бѣднаго дворянчика? Дядя, нѣчто среднее между человѣкомъ и четвероногими животными, составляющими обыкновенную его бесѣду; старая мамка, безсильная, несчастная раба, и наконецъ, вмѣсто наставника, необразованный Нѣмецъ, бывшій нѣкогда кучеромъ и, по собственному признанію, изъ всесильной нужды принявшійся за ремесло учителя. Послѣ этого, легко угадать, каково должно быть воспитаніе Митрофанушки. Но каковъ онъ самъ? Въ изображеніи его характера является во всемъ блескѣ талантъ Автора. Его Недоросль представленъ не слабоумнымъ, не вялымъ, не однимъ изъ тѣхъ существъ, которые, будучи какъ будто обижены природою, лишены всѣхъ тѣлесныхъ и умственныхъ способностей и болѣе жалки нежели смѣшны. Напротивъ: его Митрофанушка здоровъ, добръ, силенъ, не глупъ и даже *горазд на выдумки*. Если Митрофанушка лишенъ сообщества съ городскими сверстниками, отъ которыхъ могъ-бы онъ набраться нѣсколько ума, за то онъ непричастенъ порочнымъ наклонностямъ, не рѣдко и даже часто заимствуемымъ отъ товарищей опаснаго перехода изъ дѣтскихъ лѣтъ къ возмужалости. Правда, Митрофанушка неучь и баловень, но онъ еще похожъ на сына природы, сохранившаго свою грубую простоту и непричаст-

наго порчѣ утонченностей. Митрофанушка утверждаетъ, что онъ почти не ужиналъ, съѣвши три ломтя солонины и полдюжины подовыхъ пироговъ; но за то Митрофанушка не ознакомился съ бутылочками, наполненными нектаромъ береговъ Марны или Гаронны, изнуряющими карманы и здоровье столичныхъ юношей. Митрофанушка весьма простодушно признается, что его *забираетъ охота жениться,* однако Митрофанушка чуждъ преждевременнаго распутства, которое не чуждо тѣмъже вышеупомянушымъ, столичнымъ юношамъ. Митрофанушка не знаетъ складовъ и даже не умѣетъ трехъ перечесть, по увѣренію его учителей; въ замѣнъ того Митрофанушка не утомленъ насильнымъ ученіемъ прежде совершеннаго прозябенія умственныхъ способностей; онъ не представляетъ себою одного изъ тѣхъ жалкихъ скороспѣлокъмудрецовъ, которымъ натолковано что ученость есть достояніе каждаго возраста, и которые преждевременно состарѣлись тѣлесно, отъ безпрерывнаго напряженія не развившихся умственныхъ силъ. Словомъ, фонъ Визинъ, изобразивши всю гнусность тогдашняго деревенскаго воспитанія, какъ будто хотѣлъ утѣшить зрителей на счетъ будущей судьбы его Недоросля, такъ что извѣстная и справедливая поговорка: *поживетъ въ большомъ свѣтѣ — выправится!* въ полномъ смыслѣ относится къ Митрофану Простакову. И подлинно! Его недостатки принадлежатъ не столько его особѣ, взятой отдѣльно, сколько его вѣку, воспитанію, дурнымъ примѣрамъ и безумной любви матери, которая даже покушается на преступленіе для устройства

участи своего дѣтища. Кстати, о семъ преступленіи. Многіе критики находили сцену похищенія Софіи отвратительною и болѣе приличною ужасной мелодрамѣ нежели веселой комедіи; но мнѣ кажется, что эти господа не имѣли права обвинять Автора. Гнусный поступокъ, имъ изображенный, есть послѣдняя черта, довершающая описаніе слѣпой и безразсудной материнской любви, коей не чужда была сама фурія—Простакова, любви, за которую чрезъ нѣсколько минутъ злобная женщина вполнѣ наказывается скотскимъ равнодушіемъ избалованнаго сына. И въ этомъ случаѣ Митрофанушку можно извинить. Онъ такъ привыкъ къ неумѣстнымъ ласкамъ своей машушки, что ея нѣжность ему надоѣла; онъ никогда не видѣлъ ея благоразумной строгости, слѣдовательно не можетъ имѣть къ ней должнаго почтенія, всегда и вездѣ внушаемаго страхомъ. Митрофанушка не образованъ, однако понимаетъ, что взятое въ опеку имѣніе родителей дѣлаетъ для него весьма затруднительною эпоху вступленія въ свѣтъ и порѵ̀ жить своимъ умомъ. Въ досадѣ своей онъ не можетъ скрыть равнодушія къ глупой матери; выведенные на сцену, благомыслящіе люди, осыпаютъ его укоризнами, которыхъ онъ не понимаетъ, а слова Стародума, заключающія цѣлую комедію, совершенно характеризуютъ мысль Автора и цѣль его пьесы.

Изъ сего краткаго изложенія видно, что Митрофанушка фонъ Визина, бойкій, деревенскій парень, избалованный непросвѣщенными родителями и между нѣмъ подающій нѣкоторую надежду на исправленіе, не принадлежитъ нашему

вѣку. Мы видимъ другихъ недорослей, и если-бы онъ Визинъ *въ наше время* задумалъ описать нѣчто похожее на Митрофанушку, то уже не въ деревнѣ, а въ столицѣ выбралъ-бы онъ своего героя. Вѣроятно онъ представилъ-бы намъ одного изъ тѣхъ молодчиковъ, которыхъ и мы видали: какого нибудь матушкина сынка, взлелѣяннаго на ушонченныхъ прилпчіяхъ большаго свѣта, выученнаго танцовать, болтать по-Французски, одѣваться по послѣдней модѣ, надоѣдать столичнымъ дамамъ неумѣстнымъ и несноснымъ любезничаньемъ, быть странствующимъ рыцаремъ театральныхъ коррпдоровъ, исправнымъ посѣтителемъ ресторацій и домашнихъ баловъ, щеголемъ на гуляньяхъ, и проч. и проч. и проч. Онъ назвалъ-бы его не Митрофаномъ, и въ уменьшительномъ не употребилъ-бы грубаго окончанія на *ушка*, а далъ-бы ему нѣмечко понѣжнѣе, на пр. *Лёлинька, Колинька, Сержинька*, и тому подобныя. Этого..... иньку, Онъ Визинъ одѣлъ-бы въ новомодный фракъ, не Тришкиной работы; приставилъ-бы къ нему, не Еремѣевну, получающую *по пяти рублей на годъ и по пяти пощечинъ на день*, а гувернера, исправно взимающаго пять тысячъ въ годъ и пекущагося о своемъ воспитанникѣ также усердно, какъ и Вральманъ. Безсмертный Комикъ, можетъ быть, представилъ-бы и сцену ученія, съ тою разницею, что предметами онаго были-бы не *азъ есмь червь*, и не дѣленіе найденныхъ трехъ сотъ рублей, а кое что поважнѣе, напримѣръ, Счетоводство, Юрисируденція или другія науки, необходимыя для полученія аттестата. Тутъ явились-бы не Ку-

шейкинъ, и не Цифиркинъ, а люди ученые, которые, углубившись въ мудрость, не забыли современнаго мірозданію правила, что *надобно всякому человѣку жить на свѣтѣ, во что-бы ни стало.* Въ слѣдствіе сей аксіомы наставники новаго Недоросля, вмѣсто домашней лекціи, распили-бы съ нимъ на сценѣ по бутылочкѣ Шампанскаго, и получивши по бѣленькой ассигнаціи за визитъ, рѣшительно-бы сказали, что ихъ ученикъ *можетъ выдержать* экзаменъ, надобно-де только еще дать нѣсколько подобныхъ уроковъ. Родители новаго Недоросля были-бы также *Простаковы*, но не старинные, а болѣе сообразные съ нынѣшнимъ просвѣщеніемъ. Такъ, напримѣръ, *батюшка* принадлежалъ-бы къ числу тѣхъ добрыхъ, трудолюбивыхъ и не богатыхъ дворянъ, которые долговременною и дѣятельною службою пріобрѣтаютъ чины и довѣренность начальства, не пріобрѣтши ни умѣнья жить въ свѣтѣ, ни благоразумія, потребнаго въ домашнемъ быту; *матушка* была-бы избрана изъ многаго множества свѣтскихъ дамъ, принесшихъ за собою въ приданое болѣе знанія приличій и утонченностей общества, нежели денегъ. Само собою разумѣется, что таковая женщина, воспитанная по модѣ, должна быть настоящею филантропкою въ отношеніи къ домашнимъ, а особливо — къ мужу, съ коимъ никогда не употребляетъ другихъ средствъ, кромѣ истерики и спазмовъ. Эта дама, положимъ *Превосходительная*, печется о поддержаніи великолѣпія своего дома и о соблюденіи приличій; она такъ благоразумна, что не намѣрена слушать всенижайшихъ рапортовъ мужа о чрезмѣрности издержекъ

и о трудности удовлетворять онымъ. *Превосходительная* должна жить превосходно. Это неоспоримо!... А единственный, дражайшій сынокъ? Онъ вѣрно будетъ предметомъ нѣжнѣйшихъ попеченій родительницы? Разумѣется! *Превосходительная* любитъ до безумія свое дѣтище, старается образовать его... для гостиныхъ; старается вывести его... въ Камеръ-Юнкеры; прощаетъ ему всѣ слабости, шалости, ошибки, свойственныя юному возрасту; платитъ его долги, вымучивая деньги отъ добраго супруга. Рѣзвѣ это не мать чадолюбивая? Какая любовь къ сыну!... примѣрная!... Вотъ настоящее семейство Недоросля — современнаго. Развязка подобной комедіи была-бы самая естественная. Въ вѣдѣніи новаго Простакова состоитъ казенная сумма, изъ коей онъ, ради вышерѣченныхъ причинъ, принужденъ былъ кое что почерпнуть запмообразно. Начальство узнало о семъ поступкѣ; Простаковъ лишенъ мѣста; жена плачетъ и падаетъ въ истерику, а сынъ, выпивши съ горя бутылочку Шампанскаго, начинаетъ упрекать своихъ родителей за то, что они не оставляютъ ему никакого имѣнія!... Ручаюсь, что такая сцена была-бы очень разительна, а что всего важнѣе..... *очень правдоподобна*.....

Попросимъ извиненія у читателей въ семъ длинномъ отступленіи отъ нашего предмета, и постараемся дать отчетъ о новѣйшемъ представленіи комедіи, которая, какъ уже выше сказано, *не принадлежитъ нашему вѣку и есть памятникъ нравовъ и обычаевъ давноминувшихъ*. Начнемъ съ наружной обстановки оной, или, просто, съ костюмовъ.

Митрофанушка явился на сценѣ въ распудренномъ парикѣ!... Не только можно, но и должно знать, что въ представляемую эпоху молодые люди возраста Митрофанушки, пудрились очень рядно, а дома, и въ особенности въ деревнѣ, носили волосы приглаженные, и на затылкѣ связанные ленточою. — Тришка, вѣроятно, былъ очень искусный поршной и солгалъ объявивши своей госпожѣ, что онъ *учился самоучкою.* Кафтанъ его работы, который мы видѣли на Недорослѣ, былъ съ такими вычурами, что любо дорого посмотрѣть. Но это еще цвѣточки, а вотъ и ягодки! Какъ думаютъ читатели, въ какомъ костюмѣ показался на сцену Скотининъ, дворянинъ, служившій во дни оны не болѣе какъ капраломъ и проводящій всю жизнь на скотныхъ дворахъ? Вѣроятно, въ какомъ нибудь чекменѣ, подпоясанный ремнемъ или кушакомъ, а можетъ быть для дня сговора въ простомъ кафтанѣ, стариннаго покроя? Нѣтъ! Скотининъ былъ одѣтъ въ мундиръ съ галуномъ!!! Многіе изъ читателей могутъ мнѣ не повѣрить, а я признаюсь, что самъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Провинціяльный дворянинъ, не заслужившій почетнаго права ношенія мундира, *Тарасъ Скотининъ,* въ костюмѣ ветерана! Это уже черезъ чуръ! но еще не все! У Тараса Скотинина торчала изъ подъ шляпы длинная коса, какъ у стариннаго Прусскаго солдата! Гдѣ перенялъ онъ эту моду? Ужь не служилъ-ли онъ во время семилѣтней кампаніи, подъ начальствомъ Салтыкова или Фермора? Въ такомъ случаѣ честь и слава Тарасу Скотинину: онъ по крайней мѣрѣ былъ обстрѣлянъ и ознакомился съ порохомъ. Только изъ

разговоровъ его не видно, чтобы онъ когда либо принадлежалъ къ числу нашихъ богатырей, и упоминаемые имъ громкіе отвѣты *на съѣзжей переклички* не выказываютъ воина, сражавшагося подъ знаменами нашихъ полководцевъ. Скотининъ выходилъ на сцену въ шляпѣ! Вотъ уже подлинно Скотининъ! На святой Руси и мужикъ не входитъ въ избу съ накрытою головою. Довольно-ли несообразностей? Кажется, слишкомъ довольно: но это еще не все. — Нѣмецъ Вральманъ, учитель въ дворянскомъ домѣ, былъ обутъ въ огромные ботфорты!.... Ей, ей не лгу!... Госпожа Простакова была одѣта въ шелковое платье, со шлейфомъ; волосы ея были убраны по модѣ *послѣднихъ* годовъ протекшаго столѣтія, а чепецъ ея свидѣтельствовалъ о короткомъ знакомствѣ съ искусницами Кузнецкаго моста. Повторимъ еще разъ: не только можно, но и *должно* знать, что провинціяльныя или деревенскія барыни того времени носили простыя ситцевыя платья, имѣя голову обвязанную платкомъ. Этотъ обычай сохранился до перваго десятилѣтія XIX-го вѣка. Г-жа Рахманова, занимавшая на Петербургскомъ театрѣ, роль Простаковой, всегда являлась въ подобномъ костюмѣ. Наружный видъ мамы Еремѣевны, вѣроятно, заставилъ многихъ позавидовать ея житью бытью. Она была такъ пучна, такъ дородна! такъ.... и проч.

Вотъ въ какомъ видѣ была представлена безсмертная комедія Фонъ Визина, эта картина давно минувшихъ обычаевъ нашего отечества. Не такъ поступаютъ въ другихъ странахъ Европы

съ изящными произведеніями своихъ единоземцовъ! Но оставимъ сравненія и посмотримъ, не выкупили ли искуство актеровъ несообразностей костюмовъ? Умѣли-ли наши артисты постигнуть духъ того времени и передать намъ вѣрное понятіе о лицахъ, изображенныхъ мастерскою кистью нашего Комика? Къ сожалѣнію мы должны сказать, что характеры были представлены въ томъ-же искаженномъ видѣ, въ какомъ и костюмы. Не будемъ разбирать игры всѣхъ актеровъ и ограничимся главнымъ лицомъ Недоросля. Выше сего сказано, что идеалъ Фонъ Визина не обиженъ природою на счетъ физическихъ и умственныхъ способностей; что онъ только избалованъ и необразованъ. Слѣдовательно Митрофанушка есть не иное что, какъ живое доказательство необходимости въ хорошемъ воспитаніи. Ссылаюсь на всѣхъ здравомыслящихъ людей, въ томъ, что естественными признаками избалованнаго юноши бываютъ упрямство и сильная досада, не только въ то время, когда что нибудь дѣлается не по немъ, но даже когда все идетъ ему въ угоду и онъ самъ не знаетъ чего ему желать? Эти рѣзкія черты сего характера изображены Фонъ Визинымъ въ его комедіи, и изображены съ искуствомъ, свойственнымъ великому писателю. Но Г. Живокини, представлявшій Митрофанушку, не понялъ мысли Автора, и вмѣсто несноснаго баловня являлся невиннымъ и рѣзвымъ мальчикомъ, который занимается хлопушками, бумажными змѣями, безпрестанно попрыгиваетъ и улыбается. Это совсѣмъ не то! Безпечная веселость бываетъ свойственна дѣтскимъ лѣтамъ и отрокъ, какъ-бы

ни былъ онъ избалованъ, имѣетъ столько пріятностей, принадлежащихъ его нѣжному возрасту, что недостатками своими онъ возбуждаетъ искреннее состраданіе, а не негодованіе. Правда, избалованный отрокъ, занимающійся однѣми игрушками, также бываетъ упрямъ и золъ; но сіи дурныя наклонности оказываются въ его слезахъ, упорномъ молчаніи и прочихъ подобныхъ уловкахъ существа безсильнаго. У фонъ Визина, баловень поступаетъ иначе; онъ не бѣжитъ съ крикомъ отъ разсерженнаго дяди, онъ не жалуется на него матери своей, съ пролитіемъ обильныхъ слезъ. Нѣтъ! Митрофанушка ругаетъ дядю въ глаза, а матери грозитъ покушеніемъ на жизнь свою. Это уже не дитя! Такой молодецъ не будетъ безпрестанно прыгать и заниматься игрушечками. Самыя забавы его должны носить отпечатокъ упрямства, досады и привычки, все покорять своей волѣ. Кого нибудь подразнить, толкнуть, свалить съ ногъ, а въ случаѣ нужды выдумать что либо обидное для другаго. Вотъ забавы Недоросля. Рѣшительно скажемъ, что хлопушки, пищалки и скачки Г-на Живокини были совсѣмъ не у мѣста. Въ дополненіе сей несообразности, голосъ и лицо актера изображали нѣчто устарѣвшее прежде времени. Въ этомъ не виноватъ Г. Живокини, но тѣмъ не менѣе это служитъ доказательствомъ, что роль Недоросля для него негодится (*). Митрофанушка

(*) Она была-бы прилична несравненному Рязанцеву!.... Но такова уже судьба нашей старушки Москвы, что она все уступаетъ щеголю Петербур-

живетъ въ нѣдрахъ самой природы: отъ него отдалено все, могущее препятствовать развитію тѣлесныхъ способностей; онъ, вѣроятно, встаетъ очень рано, по деревенскому обычаю; не бываетъ ничѣмъ озабоченъ, гуляетъ въ волю, употребляетъ пищу здоровую и сытную; такой *парень*, всегда бываетъ здоровъ, свѣжъ, бодръ и силенъ, даже не по лѣтамъ. Г. Живокини имѣетъ рѣшительный таланшъ для ролей каррикатурныхъ стариковъ и слабоумныхъ молодыхъ людей (les niais). Онъ могъ-бы быть нашимъ Поше.... если-бы захотѣлъ. Роли Инквартуса (въ ком. Пустодомы), Фамусова (въ оп. Лучшій день въ жизни), Кокильяра (въ вод. Невинный въ винѣ) и нѣсколько другихъ, свидѣтельствуютъ о его способностяхъ. Роль Митрофанушки рѣшительно не по немъ.

О вновь принятой актрисѣ, занимавшей роль Г-жи Простаковой, не скажемъ ни слова, по той причинѣ, что это былъ ея первый дебютъ, а мнѣніе наше о дебютахъ театральныхъ артистовъ таково: дебютантъ имъ замѣняетъ потерю для публики извѣстнаго актера или состязается съ нимъ въ его амплуа. Въ томъ и другомъ случаѣ, назначается для дебюта пьеса извѣстная и часто играемая, для того, чтобъ зрители могли судить и сравнивать основываясь не на преданіяхъ, а на свѣ-

---

гу! Онъ переманилъ къ себѣ Рязанцева, а мы должны довольствоваться.... увы!... *Г. В. Степановымъ*. Бѣдная Московская публика!....

жихъ воспоминаніяхъ, и какъ будто выводя на очную ставку предшественника съ преемникомъ. Роли для дебютовъ выбираются самыя характерныя и главныя въ пьесѣ. Комедія Недоросль, и по давности непоявленія на сценѣ и по разнообразности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, на сей разъ не годилась для дебюта актрисы.

Въ вышеупомянутое представленіе, болѣе всѣхъ доставилъ удовольствія актеръ, занимавшій роль Скотинина, не смотря на его безобразный костюмъ. Игра его была проста и естественна. Многимъ показалось смѣшно, что этотъ самый актеръ перешагнулъ на роль отставнаго капрала-любителя свиней, изъ трагическихъ героевъ!.. Но это дѣло постороннее! Лишь-бы только хорошо игралъ, а до превращеній какая нужда!..

В. У.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

Пакетъ писемъ изъ подмосковной деревни въ Москву.

Лѣтъ нѣсколько тому, поднялъ я, на одной изъ большихъ улицъ въ Москвѣ, пакетъ, съ надписью: *Антипу Ѳедорову, въ Москвѣ.* Въ немъ было нѣсколько писемъ и записка. Надобно полагать, что этотъ пакетъ изъ ближней подмосковной деревни посланъ былъ помѣщикомъ, въ Москву, къ служителю, управляющему его домомъ. Вотъ записка:

«Антипъ Ѳедоровъ!

«По полученіи сего исполни немедленно слѣдующее:

1-е. Сходи къ мадамъ Клемансъ и Фало и возьми реденготъ и шляпку Аксиньи Ѳедосѣевны; отъ Готье возьми мои книги: Le Solitaire, Le Renégat, Ipsiboé, par M. le Vicomte d'Arlincourt, и четыре новые романа В. Скотта; да спроси: нѣтъ-ли у него Прадтова послѣдняго сочиненія.

2-е. Отдай Барону Вассертринку письмо, здѣсь приложенное.

3-е. Отдай С. П. Вострокогтину другое письмо.

4-е. Записку барыни передай по адресу.

5-е. Найми на будущій бенефисъ ложу въ бельэтажѣ, непремѣнно; это на твоемъ отчетѣ.

6-е. Скажи подрядчику Бѣднякову, что деньги за отдѣлку паркета въ залѣ, я отдамъ ему зимою. Если опять возьмешь ты отъ него письмо ко мнѣ, то въ награду получишь оплеуху.

7-е. Если Ленгольдъ согласенъ взять съ меня вексель, то рояль у него возьми, и пришли сюда, взявъ подводу у Фильки подрядчика. Кстати, скажи ему, что пріятель его Сидорка обманулъ меня лошадью, и что я съ Фильки возьму все, что понесу убытка, продавая эту клячу.

8-е. Если Катюшка выздоровѣла, то пришли ее сюда; да напиши, правда-ли, что Акулька при допросѣ показала, будто она бѣжала отъ нестерпимыхъ побоевъ барыни, и что сказалъ объ этомъ Яковъ Филипповичъ? Ты сущій болванъ: ни о чемъ нужномъ не увѣдомляешь, а пишешь о глупостяхъ Не смѣй никогда упоминать мнѣ о приходѣ изъ деревень бѣдныхъ погорѣлыхъ. Я не могу кормить этихъ скотовъ, когда отъ меня учреждено единожды, какъ ихъ кормить, обстроивать и давать имъ подъ пару коровъ и лошадей. »

P. S. Сходи къ Графу Пустозвонову и спроси о здоровьѣ. »

При этомъ приложены были запечатанныя письма, одно съ надписью: a Monsieur, Monsieur le Baron de Wassertrink, другое съ надписью: *Его Благородію,*

Милостивому Государю моему, Сидору Пафнутьевичу Востроногтину. Оба сіи письма писаны, первое на Французскомъ языкѣ, прекрасно и чисто, другое на Русскомъ, дурно и съ ошибками, но, какъ можно судить по почерку, одною особою. Тушъ-же вложена была записка, на какомъ-то Французско-Русскомъ діалектѣ, женскою рукою написанная, съ адресомъ: *Княжнѣ Евдоксіи Котильоновой.* Первое въ переводѣ, второе въ исправленномъ видѣ, третье какъ есть, представляю читателямъ.

1-е. Ты безсовѣстенъ, милый Баронъ, если думаешь, что я забылъ тебя. Скорѣе ты забудешь свою Фаншетту, нежели я тебя, моего демона, Дамона или Пиѳеаса, моего Кастора и Поллукса. Но, хлопоты и глупости людскія помѣшали мнѣ прискакать въ Москву на вашъ пикникъ. За то я въ тотъ день выпилъ лишнюю бутылку за тебя, и — кстати, того самаго вина, которое мы достали вмѣстѣ у Перре. Если-бы у меня были теперь деньги, надобно-бы еще захватить его. Нѣтъ-ли у тебя? Впрочемъ, что̀ спрашивать о несуществованіи у тебя денегъ, такъ-же какъ о существованіи твоей любезности и дружбы ко мнѣ. Мнѣ здѣсь скучно до смерти: глупые сосѣди, жена со спазмами и мигренемъ, дѣти съ крикомъ и Русскіе крестьяне, съ своею бѣдностью, пьянствомъ и поклонами, бѣсятъ меня. Ухожу въ садъ, катаюсь по рѣкѣ, мечтаю о... тебѣ — потому, что мечта о *ней* сливается съ тобою. Могъ-ли я думать, что начну романизировать и ботанизировать? Что дѣлать! хорошо тебѣ, холодное сердце, а не намъ. Вчера, за вистомъ, досталось мнѣ за мою разсѣянность.

Что̀ у васъ въ Москвѣ? Что̀ Пустозвоновъ? Скоро-ли онъ свалится и освободитъ-ли нашего Юлія? Думаю, что бѣднякъ зачахнетъ отъ зѣвоты у его кровати, если этотъ старичишка еще прокашляетъ недѣли двѣ. Впрочемъ, для 1000 душъ можно позѣвать и мѣсяцъ. — Если увидишь нашего пухлаго Князька Ѳедюшу, скажи ему, что такъ честные люди не дѣлаютъ; вообрази, что проигрыша своего, помнишь у Князя Петра, онъ еще не отдалъ мнѣ. Подумай, мой милый: вѣдь это не по векселю, а карточный долгъ, святой, священный, и много-ли всего? 560 рублей! Замѣть, Баронъ, какъ развращаются нравы: прежде горѣли отъ стыда, если вставали изъ-за картъ не заплативъ проигрыша, теперь — и не думаютъ! Но я заговорился съ тобою! Въ Четвергъ буду въ Москву и обниму тебя. Твой

Théodore.

2-е. Меня изумляетъ письмо ваше, Милостивый Государь мой, Сидоръ Пафнушьевичъ! которымъ угодно было вамъ почтить меня. Писать о подачѣ ко взысканію моихъ обязательствъ, никто не отнимаетъ у васъ воли; но прибавлять къ нимъ *нѣкоторыя* выраженія, я не позволю не только вамъ, но и никому. Впрочемъ, я радъ забыть вашу неучтивую досаду, и еще болѣе — радъ согласиться на предлагаемое вами условіе; но вспомните совѣсть, вспомните, что весь долгъ мой вамъ состоялъ собственно изъ 17.000 рублей, всѣ-же остальныя скопились временемъ, которое считать вы большой мастеръ. Чистограбино сшóитъ, по

крайней мѣрѣ, 150 т. рублей, и хотя правда, что оно не въ хозяйственномъ видѣ, но черезъ него соединятся ваши чрезполосныя земли. Словомъ: если вы придадите къ иску вашему 30,000 рублей — деревня ваша, но вещами я ничего не возьму, и кромѣ наличныхъ денегъ ни въ какіе разсчеты не пойду. Думаю, что начавъ тяжбу, вы ничего не выиграете, и я готовъ скорѣе согласишься на учрежденіе надо мною опеки, нежели на ваши условія. Прошу васъ переговорить впрочемъ съ Яковомъ Филипповичемъ Двуязыченкомъ: ему извѣстны мои послѣднія условія. Поздравляю васъ съ умноженіемъ вашего семейства: я слышалъ, что у васъ родился сынокъ. Съ истиннымъ, и проч.

Князь Ѳедоръ Безпутовъ.

3-е. Il y a des siècles, que je ne reçois pas de tes lettres, ma chère Eudoxie, и не знаю *што* думать *о твоемъ* здоровье — Ecrivez donc quelques lignes и обрадуи меня *што* у васъ новаго въ *Маскве* и *што* твой кузенъ Поль, скоро онъ поѣдетъ *въ Паришь*, ou bien il ne partira jamais — я не могу думать какъ *о тебе*, а ты забываишь *мене* въ деревне скушной, съ дѣтми и долгоносымъ учителемъ, которой бьетъ мухъ и дремлитъ за уроками — безъ этого учителя я соскучилася бы. Еще ты забыла о канвѣ, а я тебѣ просила, adieu ma chère Eudoxie! Je t'embrasse mille fois, ta *Хенie.*

Литтературныя предпріятія.

— Г-нъ Трандафель рѣшительно хочетъ приняться за историческую критику, и доказать, что Судебникъ Царя Іоанна Васильевича составленъ при Царѣ Іоаннѣ Алексіевичѣ.

— Гнъ Мотыльковъ, извѣстный нашъ поэтъ, рѣшился перевесть вполнѣ мѣлкія стихотворенія Лафара, и издать ихъ на велепевой бумагѣ, въ 32-ю долю листа. Уже перевелъ онъ семь пьесъ. Подкрѣпи его Аполлонъ!

— Говорятъ, что Г-нъ Баккалавръ Закатаевъ рѣшается печатать свои извлеченія изъ Лагарпа, Баттё, Мармонтеля, Блера, Эшенбурга, Сульцера и Мейнерса, подъ титуломъ: *Полный Курсъ древней и новой Словесности.* Если-бы Гг-да Трандафель и Плоскодумовъ рѣшились также напечатать, первый свои выписки изъ Шрекка, а второй извлеченія изъ Баумейстера, то мы имѣли-бы, такъ-же какъ Французы, три превосходные современные курса *Словесности, Исторіи* и *Философіи*, поставили-бы ихъ рядомъ съ Кузенемъ, Гизо и Вильменемъ, и не завидовали Франціи.

— Открыта важная новая рукопись извѣстнымъ Археологомъ Дискордовымъ: *Дѣло Гришки Иванова съ Сидоркою Михайловымъ, о покражѣ у него трехъ алтынъ съ поль-четвертомъ.* Вся рукопись XVI-го вѣка и писана скорописью на 928 столбцахъ. Эта важная находка не можетъ не порадовать Историковъ отечественныхъ, ибо пахнетъ гнилью весьма сильно, и на половину истлѣла.

Отрывокъ изъ поэмы.

(С. К. Конфетинъ, юный поэтъ, извѣстный многими стихотвореніями, помѣщенными въ Журналахъ и альманахахъ, сообщилъ намъ неконченную свою поэму: *Зюлейка.* Онъ хочетъ издать ее вполнѣ, но прежде намѣренъ напечатать изъ нея *пятнадцать* отрывковъ въ альманахахъ; вся поэма составитъ до 600 стиховъ. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ отрывокъ, изъ котораго читатели могутъ судить объ оригинальности, силѣ чувства и вкусѣ поэта).

. . . Нѣтъ, нѣтъ! подъ небомъ Хоразана
Такъ пышно роза не цвѣтетъ,
И твой, о Пери Шамахана,
Не столько сладостенъ полетъ,
Какъ пышно грудь младой Хариты
Цвѣла подъ дымкой кисеи,
И черныхъ локоновъ струи
На грудь вились и на ланиты!
Она горитъ огнемъ любви
Отъ поцѣлуя молодаго,
И жаръ кипитъ въ ея крови
Страстей и чувства не-земнаго!
Съ привѣтной ласкою рѣчей
Сливался огнь ея очей.
И ярко лучъ луны свѣтился
Въ потокѣ тихомъ и въ рѣкѣ,
Гдѣ рыбарь въ легкомъ челнокѣ
Съ унылой пѣснію катился,
Скользя по влагѣ голубой,
Подернутой ночною мглой.

Онъ о бываломъ, миломъ счастьѣ
Тихонько пѣсню напѣвалъ,
И память — сердца сладострастье —
Словами грусти волновалъ:

Пѣсня рыбака.

Какъ газели легконогой
Мчался бѣгъ среди полей;
Какъ средь рощицы далекой
Пѣлъ мгновенный соловей;
Какъ ему внимали розы
Чуть колышемымъ листомъ;
Какъ невѣрной дѣвы слёзы
Осушались при другомъ:
Такъ и ты мнѣ измѣнила,
Дѣва нѣги и любви:
Все забыла, все забыла,
И восторгъ, и жаръ въ крови!
О бываломъ, о мечтаньѣ
Ты-ль не вспомнишь никогда,
Дѣва, Гурій красота?
Самъ хочу я, самъ люблю я
Дѣву рая забывать,
И о счастіи тоскуя,
О тебѣ не тосковать. . .

И онъ умолкъ въ тиши далекой,
И снова тихо; лишь порой,
Какъ надъ луною одинокой
И надъ заснувшею волной
Тихонько облачко мелькаетъ,
Все звуки есть издалека. . .
Такъ звукъ на лирѣ умолкаетъ,

Когда Туманскаго рука
Ее игрой не оживляетъ,
А звукъ привычный все звучитъ,
И душу грустью тяготитъ. . .

Письмо Егора Кривоперова, Коллежскаго Регистратора, къ Предсѣдателю Уголовной Палаты.

Ваше Высокородіе!

Милостивѣйшій Государь!

Отецъ дѣтей своихъ всегда пріемлетъ съ кротостію; они къ нему приступаютъ безбоязненно. Все подчиненное Вашему Высокородію проповѣдуетъ, что Ваше Высокородіе отецъ его, а посему каждый вашъ подчиненный, а кольми паче невинный, къ Вашему Высокородію можетъ приступить безъ опасенія, яко къ отцу и благодѣтелю, съ воззваніемъ сердца прискорбнаго, поелику отверженныхъ приступленіе такое неожиданною радостію преисполняетъ.

Извѣстно Вашему Высокородію, что обучавшись въ здѣшней Семинаріи, и неокончательно довершивъ курсъ наукъ, порываемый ревностію на службу, вступилъ я въ то присутственное мѣсто, кое благодѣтельнымъ присутствіемъ Вашимъ освѣщаясь, радуется и трудится ко исполненію закона, и былъ въ прошломъ 1799-мъ году удостоенъ произведенія въ настоящій чинъ; но съ сего времени не удостоивался получать никакой награды, и угнетенный горестію прискорбія, видя свер-

сниковъ своихъ въ слѣдующихъ чинахъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему Высокородію, яко отцу, находимый въ теченіе многолѣтней должности чистъ и исправенъ, но ничего не удостоенъ.

Воззрите милостивымъ, начальническимъ окомъ на мое страдательное состояніе, будучи обойденъ слѣдующимъ чиномъ, и заставьте къ числу облагодѣтельствованныхъ вами сопричислить и себя, и тѣмъ побудить на новые подвиги.

Съ наиглубочайшимъ высокопочитаніемъ и истинною, совершеннѣйшею высокопреданностію, имѣю счастіе именоваться, вашъ

Ваше Высокородіе!
Милостивѣйшій Государь!
всепокорнѣйшій слуга
Егоръ Кривоперовъ.

Письмо къ Живописцу.

Милостивый Государь! высокопочтенный господинъ Живописецъ!

Заблагоразсудилось вамъ, государю моему, послѣдовать примѣру вашего дѣдушки (вѣчная ему память!), и подобно обветшалому и нынѣ, за давностью лѣтъ, мало чтимому и читаемому остроумнику семидесятыхъ годовъ, забавлять и научать поколѣніе къ XIX столѣтію принадлежащее; о каковомъ намѣреніи вашемъ, весьма краснымъ и четкимъ шрифтомъ на 104-й стр. 13-й книжки Московскаго Телеграфа, за подписью ва-

шею: *Живописецъ*, и подъ виньеткою, хромоногаго бѣса изображающею, напечатано, свѣдѣнія ради всей читающей публики и, вѣроятно, съ намѣреніемъ устрашить насѣкомыхъ и пресмыкающихся, ими-же преизобилуетъ міръ нравственный, едва-ли не болѣе физическаго. — Сицевое ваше, государь мой Живописецъ, предпріятіе, не токмо великія хвалы достойно, но и благодарность вамъ заслуживаетъ отъ современниковъ, ибо дознано, что искусная и мѣткая сатира, иглами своими уязвляетъ тѣ чувствительныя мѣста пороковъ, предразсудковъ и злоупотребленій, кои отъ самыхъ перуновъ громовержцевъ и отъ меча правосудія, съ помощію гибкости своей, укрываются. Но успѣшно-ли будетъ сіе ваше намѣреніе? И дѣйствительно-ли вы достаточное искуство имѣете для изощренія новаго оружія, вами избраннаго? Сіе подлежитъ сомнѣнію и тщательному разсмотрѣнію.

Все сіе некраткое вступленіе къ рѣчи моей, слогомъ нѣсколько устарѣвшимъ писанное, да не устрашитъ васъ, и паче да возбудитъ вашу аттенцію, нижеписанныхъ ради причинъ. Я былъ во дни оны, превесьма въ большой дружбѣ съ покойнымъ дѣдушкою вашимъ Живописцемъ, коего произведенія, въ типографіи Г. Новикова, тисненію преданы были. По толикой пріязни съ достославнымъ вашимъ предшественникомъ, имѣлъ я вѣрнѣйшую окказію узнать весь секретъ его наблюденій. Но не мало вы подивитесь, когда узнаете, что оный состоялъ въ Россійской поговоркѣ: *дѣло мастера боится!* Вѣдомо намъ старожиламъ, что повсемѣстно распространяющееся просвѣщеніе влечетъ за собою та-

кую увѣренность, что люди, кои въ наше время съ указкою сиживали и, за неумѣнье чтенія, по пальцамъ безщадно биты бывали — нынѣ мнятъ быть зѣло свѣдущими и даромъ наблюденія преисполнены. Не включая васъ въ такое число превозносящихся, дерзаю вопросить васъ, государь мой, господинъ Живописецъ! въ полномъ-ли смыслѣ одарены вы тѣмъ *остроуміемъ*, которое управляло перомъ незабвеннаго и хвалы достойнаго вашего дѣда? И не слишкомъ-ли великому риску вы подвергаетесь, полагая, что вышеписанная способность приобрѣтается посредствомъ чтенія или тщательнаго изученія чужихъ сочиненій? Признаете-ли вы ту, оспориванію не подлежащую, истину, что остроуміе даръ природы есть, подобный лѣпотѣ нашего бреннаго тѣла и ни въ какихъ прикрасахъ ниже малѣйшія нужды не имѣетъ?

Не безъизвѣстно мнѣ, что нѣкто, превесьма ученый мужъ настоящаго времени, задумалъ составлять сословы или синонимы языка Россійскаго, и въ образецъ таковыхъ посильныхъ трудовъ и изысканій своихъ, представилъ на судъ публикѣ слова: *острота* и *остроуміе*. И слѣпотствующій можетъ узрѣть, что *острота*, какъ физическое свойство тѣлъ, не можетъ быть сословомъ или синонимомъ съ *остроуміемъ*. Будучи-же принятою въ отношеніи къ уму, являетъ въ себѣ не синонимъ, а токмо корень другаго мнимаго сослова, ибо *остроуміе* есть сокращенное выраженіе: острота ума. Ergo, синонимами сіи два рѣченія именоваться не могутъ. — Взирая на сицевыя мудрствованія, столь неудачныя и смѣху достойныя, дозволительно мнѣ,

яко свидѣтелю истиннаго остроумія, имъ-же преобладалъ хвалы достойный дѣдъ вашъ, усомниться въ вашихъ способностяхъ, и, прежде нежели вы къ многотрудному подвигу приступите, услужить вамъ нѣкіими уроками и наставленіями, сопровождаемыми ревностнѣйшимъ желаніемъ, да послужатъ оные вамъ въ пользу.

Сѣдина есть мудрость, гласитъ пословица, а я провозглашу: старина есть источникъ мудрости. Сколь многіе примѣры видимъ мы тому, что убогія достоянія, стяжанныя трудами предковъ, были ключами къ богатству ихъ потомковъ. Правда, нынѣ сіе подлежитъ измѣненію, и богатства предковъ бываютъ причиною раззоренія и нищеты потомковъ; но не о семъ рѣчь идетъ. Новомодные кощуны не рѣдко издѣваются надъ обычаями отцевъ своихъ и думаютъ, что вся опытность, сими пріобрѣтенная, не годится для новѣйшаго поколѣнія. О заблужденіе! . . . Но вѣроятно вы, господинъ Живописецъ, къ числу таковыхъ не принадлежите и вѣдаете, что опытность старшихъ уподобляется иждивенію или капиталу, въ потѣ лица пріобрѣтенному и могущему принести обильную лихву умѣющему онымъ воспользоваться. Сего ради предлагаю вамъ небольшую частицу капитала моихъ наблюденій на счетъ остроумія, мною отъ достопочтеннаго дѣда вашего заимствованнаго.

Зѣло ошибаются тѣ, кои мнятъ, что все остроумное должно быть изыскано и изобрѣтено. Не рѣдко случается, что сатиры, Ювеналовыхъ жесточайшія, и эпиграммы, всѣхъ Парижскихъ остроумниковъ злѣйшія, раждаются безъ всякаго усилія

ума. Сему единый примѣръ могу вамъ, господинъ Живописецъ, представить. Въ старые годы Россійскій Ѳеатръ имѣлъ не менѣе любителей, какъ и нынѣ, а можетъ быть и болѣе. Единый изъ такихъ самозванцевъ-знатоковъ возмнилъ быть непогрѣшительнымъ судьею сценическаго искусства и не мало досаждалъ лицедѣямъ своими выходками неосновательными и неразумными, за что и былъ уподчиванъ Эпиграммою единаго изъ нихъ:

Любитель Русскаго Ѳеатра не знатокъ,
Немного въ немъ ума, хоть ростомъ и высокъ,
и проч.

Надлежитъ вѣдать, что упомянутый самозванецъ-знатокъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кои, по пословицѣ, *велики выросли, да мало вынесли.* Сей-то самый Ѳеатра любитель, печатая свои велемудрыя сужденія въ еженедѣльномъ того вѣка изданіи, навлекъ на себя негодованіе другаго посѣтителя храма Таліи, и былъ имъ угощенъ зѣло жестокимъ возраженіемъ. О! какое бѣсованіе воспослѣдовало! Самозванецъ-знатокъ не замедлилъ отвѣтомъ, столико-же тяжелымъ какъ и собственная его, тучная корпуленція. — Лицедѣи, знать желая, какіе плоды принесетъ сія новая выходка ихъ грознаго судьи, собрались у единаго изъ своихъ собратовъ и, во ожиданіи книжицы, по старинному обычаю занялись поставленною на закуску, домашней работы, ветчиною. И вотъ появилась книжица! и хозяинъ долгомъ себѣ поставилъ, поподчивать гостей чтеніемъ пресловутой статьи, и всѣ внима-

тельно слушали его, за исключеніемъ одного, кой большую аттенцію обратилъ на завтракъ. По прочтеніи, хозяинъ вопросилъ сидящаго и исправно кушающаго: Что? какова? — Хороша, отвѣчалъ сей, мня, что дѣло идетъ не о сшатьѣ, а о ветчинѣ. Только мало въ ней соли и отзывается свининою!»

Въ Исторической вѣрности сего анекдота, вамъ, государь мой, достопочтенный Живописецъ, ручаюсь. А изъ сего моего описанія можете вы заключить, что остроуміе безъ приготовленія, не рѣдко удачнѣе бываетъ самыхъ обдуманныхъ выходокъ. — И желая вамъ симъ первымъ урокомъ воспользоваться, готовъ продолжать мою объ остроуміи практацію, всегда Историческими фактами подкрѣпляемую. Да послужитъ оная въ назиданіе вамъ и потомству. — А я пребыть честь имѣю, вашъ,

Господинъ Живописецъ!

всепокорнѣйшій слуга,

Тимоѳеичъ.

Письмо къ Издателю Телеграфа.

М. Г.!

Въ 10мъ нумерѣ Телеграфа, на стр. 264й, въ статьѣ о новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ, вы изволили сдѣлать строгое сужденіе обо мнѣ, касательно трехъ романсовъ: 1й, *Что ты громкій соловей*, 2й *Порхай узорный мотылекъ*, и 3й *Гдѣ ты души моей отрада*, изъ коихъ два первые не мои, а взяты изъ *Золотаго Рожка*. Впрочемъ, замѣчаніе ваше, можетъ статься, сдѣлано на счетъ только третьяго моего романса: *Гдѣ ты души моей отрада*, и проч., но оный есть опытъ моей юной Музы, и не можетъ подлежать столь строгому отзыву, ибо я не выставляю себя поэтомъ, а просто занимаюсь стихами для собственнаго удовольствія и усовершенствованія. Надѣюсь, что вы помѣстите сіе письмо въ слѣдующемъ нумерѣ Телеграфа, и оправдаете меня предъ публикою въ несправедливомъ вашемъ отзывѣ.

Николай Девитте.

Отвѣтъ.

Писавшій статью о музыкальныхъ произведеніяхъ проситъ у Гна Девитте извиненія въ томъ, что онъ почелъ его авторомъ двухъ плохихъ романсовъ. Причина этой ошибки понятна: *Золотой Рожекъ* остался въ Россіи нечитаннымъ, а Г. Девитте не означилъ автора словъ двухъ упомянутыхъ романсовъ. Можно-ли знать наизустъ всѣ стишки, которые выдуваютъ на золотыхъ и подобныхъ имъ рожкахъ?

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Chaque jour la mode des capotes à l'anglaise augmente, surtout la mode des capotes doublées en rouge-cerise.

Quelques élégantes qui aiment la forme des capotes à l'anglaise, mais qui ne veulent pas porter de paille, en font faire de crêpe-crêpé, rose, bleu ou blanc. A ces capotes tient un voile froncé au bas de la forme, relevé sur la passe, et pendant à droite et à gauche.

La *crinoline* est une étoffe de crin dont la finesse donne l'idée de linon: pour la campagne, l'on en fait des capotes grises, ou de la nuance jaune des toiles écrues.

Plusieurs jeunes femmes, et même des demoiselles portent en *postiche* (faux cheveux) les tire-bouchons qu'on nomme des *anglaises*, et qui descendent jusqu'au bas des oreilles: l'humidité des soirées en a fait connaître l'avantage, et ils ne se défrisent pas comme des cheveux non bouillis.

En demi-toilette, les chapeaux de paille d'Italie ont la passe étroite, très-évasée, et la doublée de gros de Naples ou de moire.

Beaucoup de chapeaux d'étoffe de soie à forme basse ont pour garniture deux bouquets de roses-nymphes ou de marguerites. Un de ces bouquets est fixé au bas de la forme à droite; l'autre est placé sur la passe, à gauche.

(*) До 30 Августа (н. ст.) 1829.

La garniture des bonnets parés est si large, qu'on met, pour la soutenir, trois brins de laiton. Une guirlande de fleurs cache le laiton. Derrière ces bonnets de blonde est une rosette en ruban de gaze, qui attache de longues barbes.

L'étoffe de soie à la mode pour les robes et les redingotes habillées, est le gros des Indes : ses couleurs sont changeantes ; la trame, par exemple, étant bleue, la chaine est verte, et, à chaque mouvement, l'étoffe parait de l'une ou de l'autre de ces couleurs.

Les robes les plus nouvelles, pour les promenades du matin, sont de jaconnat fond rouge d'Andrinople, ou vert, avec semis de fleurs blanches à queue noire, et bordées d'un filet noir, qui en marque les contours. On porte ces robes avec un canezou blanc.

Les dames qui portent des robes d'étoffe de soie, ont, au lieu de bas de coton, des bas de soie blancs, ou couleur de chair, à jour, et brodés blanc sur blanc, ou couleur de chair sur couleur de chair. Jamais de broderies de couleurs tranchantes. Quelquefois les coins seuls sont brodés.

Avec un canezou blanc à manches flottantes et à corsage collant, quelques élégantes portent une jupe très courte, en perkale fond rouge et à dessins de foulard imprimés en noir. Une petite ruche à deux têtes, cousue par le milieu, en forme la garniture. Cette ruche est fixée à la hauteur des genoux.

Une guirlande de feuilles de chêne en velours, placée à la hauteur des genoux, est la garniture la plus nouvelle des robes de bal.

Les boutons des redingotes sont petits et rapprochés. Les redingotes à la mode ne descendent pas plus bas que les jarrets. — Les nouvelles cravates noires sont de taffetas satiné. — Le bord des chapeaux est plat et étroit : la forme ne doit pas avoir plus de six pouces de hauteur.

Головные уборы. Англійскія шляпки-капоты входятъ въ моду съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, особенно подбитыя матеріею вишневаго цвѣта.

Нѣкоторымъ щеголихамъ нравится форма Англійскихъ шляпокъ-капотовъ, но не нравится вещество, изъ котораго онѣ дѣлаются, то есть солома; для этого онѣ велятъ дѣлать ихъ изъ крепъ-крепе, розоваго, голубаго или бѣлаго. На сихъ шляпкахъ-капотахъ бываетъ вуаль, собранный внизу тульи, откинутый на поля шляпки и висящій на право и на лѣво.

Кренолинъ, модная матерія, дѣлается изъ конскихъ волосовъ и тонкостію своею даетъ понятіе о линонѣ, или тонкомъ полотнѣ. Для деревни, изъ кренолина дѣлаютъ шляпки-капоты, сѣрыя или желтаго оттѣнка не бѣленыхъ тканей.

Многія молодыя дамы, и даже дѣвушки, носятъ изъ накладныхъ или искуственныхъ волосовъ les tire-bouchons, называемые *Англійскими*, и спускающіеся до нижней части ушей. Вечерняя сырость показала выгоду сихъ буклей : онѣ не развиваются, какъ обыкновенные волосы.

Не въ большой нарядъ надѣваютъ соломенныя Итальянскія шляпки, съ узкими, открытыми полями и съ подбоемъ изъ гроденапля или волнистой ткани.

Многія шляпки изъ шелковыхъ матерій, съ низкою тульею, украшаются двумя букетами розъ не распустившихся или маргаритокъ. Одинъ изъ сихъ букетовъ утверждается внизу тульи, на правой сторонѣ, другой на поляхъ, съ лѣвой стороны.

Уборка нарядныхъ чепчиковъ такъ огромна, что ее укрѣпляютъ на трехъ латунныхъ проволокахъ. Латунь закрывается цвѣточною гирландою. Назади сихъ блондовыхъ чепчиковъ, розетка изъ газовой ленты, придерживающая длинныя полости чепчика.

Платья и разныя моды. Для нарядныхъ платьевъ и редингготовъ, шелковая модная матерія Индійскій гро. Цвѣта его съ отливомъ: напримѣръ, если ушóкъ голубой, то основа зеленая, и отъ этого матерія при каждомъ движеніи кажется то того, то другаго цвѣта.

Самыя новыя платья, для утреннихъ прогулокъ, дѣлаются изъ жаконна, цвѣта зеленаго, или краснаго *Адріанопольскаго* (какъ кстати: Русскіе герои только что заняли знаменитый Адріанополь! Французы угадали наше блестящее завоеваніе); по этому полю бѣлые цвѣты, съ черными стебельками. Платье обшивается чернымъ филе, по округлостямъ. Такіе платья носятъ съ бѣлымъ каньзу.

При шелковыхъ платьяхъ надѣваютъ не бумажные, а шелковые чулки, бѣлые или тѣлеснаго цвѣта, ажуръ; шитье на нихъ одного цвѣта съ цвѣтомъ чулковъ. Шитье яркими цвѣтами вовсе не употребляется. Иногда бываютъ вышиты одинъ стрѣлки.

Съ бѣлымъ каньзу, котораго рукава вѣющіеся и корсажъ гладкій, нѣкоторыя щеголихи носятъ весьма короткую юбку, перкалевую, по красному полю съ узо-

рами фулара или Индійской тафты, вытисненными черною краскою. Небольшой двойной рюшъ, пришитый срединою своею, составляетъ при этомъ уборку и находится напротивъ колѣнъ.

Гирланда дубовыхъ листьевъ, бархатная, прикрѣпляемая на высотѣ колѣнъ: вотъ самая новая уборка для бальныхъ платьевъ.

Мужскія моды. Пуговицы у сюртуковъ маленькія и близко одна отъ другой. Длина сюртуковъ только до колѣнъ. Новые черные галстухи изъ атласистой тафты. Поля у шляпъ плоскія и узкія; тулья въ шесть дюймовъ, не выше.

На приложенныхъ картинкахъ:

Дама. Креповая шляпка. Платье изъ органди, убранное разрѣзнымъ косякомъ. Рукава открытые.

Мужчина. Фракъ казимировый, съ широкими фалтами. Гургурановый жилетъ. Нанковые панталоны. Гебеновая трость.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Августа 28 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVIII-й ЧАСТИ.

Исторія Римскаго Права въ Среднія времена (извлеченіе изъ книги Савиньи: Geschichte des roemischen Rechts in Mittelalter)..... 3, 133

Отрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія: *Введеніе во Географію и Исторію* (соч. Доктора Ястребцова)..... 267

Взглядъ на состояніе Литтературы и просвѣщенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (соч. Фенимора Купера)..... 387

Киргизъ-Кайсакъ (*первая и вторая главы романа*)..... 35, 165

Бѣдный Дикъ, или неконченная рукопись (повѣсть, соч. Ломбара де Лангра)..... 283, 427

Стихотворенія:

Стонъ Цереры (изъ Шиллера.—Пер... Колачевскій)..... 57

Голосъ матери съ того свѣта (М. Н. Лихонина)..... 62

Къ XII-му году (Ѳ. Н. Глинки)..... 64

Въ Альбомъ (Н..... Колачевскаго)..... 163

Звѣзда / Зависть } Соч. Ѳ. Н. Глинки..... 164

Отрывокъ изъ новаго перевода трагедіи *Макбетъ* (А. Г. Ротчева)..... 417

КРИТИКА.

Сочиненія Ѳ. Булгарина. 10 частей. Спб. 1827 и 1828 гг.—*Иванъ Выжигинъ.* Соч. Ѳ. Булгарина, 4 ч., СПб. 1829 г..... 65

Сельскій Субботній вечеръ въ Шотландіи. Вольное подражаніе Р. Борнсу, И. Козлова. СПб. 1829 г..... 195

Черная немочь, повѣсть М. Погодина. М. 1829 г..... 312

Constantinople et le Bosphore de Thrace, pendant les années 1812, 1813 et 1814, et pendant l'année 1826 (Константинополь и Босфоръ Оракійскій въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, и въ 1826 году). Соч. Графа Андреосси. Парижъ. 1828. Itinéraire de Tiflis à Constantinople; par le Colonel Rottiers (Описаніе пути отъ Тифлиса до Константинополя; сочиненіе Полковника Роттье). Бриссель. 1829 г..... 465

АНТИКРИТИКА.

Замѣчанія на статью о *Стихотвореніяхъ Барона Дельвига*, помѣщенную въ No 11-мъ Телеграфа..... 185

Современная Русская Литтература 1829 года. 80, 211, 328 и 482

СМѢСЬ.

Новый Живописецъ общества и Литтературы. 104, 252, 373 и 518

Литтературныя извѣстія..... 199 и 380

Русскій Театръ..... 116, 233, 357 и 500

Г-ну Раичу - Амфитеатрову..... 127 и 230

Письма съ береговъ Лены..... 226 и 352

Поправка..... 250

Прогулка на Чатырь-дагъ (Г. Левашова)..... 493

Письмо къ Издателю Телеграфа..... 533

Отвѣтъ на оное..... ——

Парижскія моды..... 129, 261, 381 и 534

При сей Части находится *шесть* картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ модъ. Въ Прибавленіи къ Телеграфу *четыре* изображенія мебелей и проч.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 16. *Августъ* 1829.

О ВЗАИМНОМЪ ДѢЙСТВІИ

МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ОКИСЛОВЪ.

(Продолженіе).

Стекла Сен-гобинскія.

Бѣлый песокъ.	100 части.
Гашеная на воздухѣ известь. . . .	12
Пережженая со́довая соль, содержащая въ себѣ 11 частей на сто кислоты щелочной соли (*)	45 и 48
Стеклянный порошокъ или дребезги стеклянныя, такого-же свойства какъ и самое стекло.	100

Если въ веществахъ останутся угольныя частицы и дадутъ стеклу блѣдный цвѣтъ, от-

(*) Соль, содержащая въ себѣ много со́довой щелочной соли.

зывающійся желтизной, тогда должно прибавить 0,25 марганцоваго окисла (*).

Стекло, изъ котораго дѣлаютъ столовую бѣлую стеклянную посуду на многихъ стеклянныхъ заводахъ.

Бѣлый песокъ.	100 част.
Коммерческій поташъ, по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе или менѣе содержитъ щелочной поташной соли. . .	отъ 50 до 65
Гашеная на воздухѣ известь въ порошкѣ.	отъ 6 до 12
Стеклянные обломки.	отъ 10 до 100

Если стекло блѣдно отъ недоспаточно пережженныхъ веществъ, тогда прибавляютъ марганцоваго окисла 0, отъ 2 до 0,4.

Обыкновенныя стекла, годныя для электрическихъ машинъ, каретныхъ оконъ, для полу-бѣлой столовой посуды, и проч.

Песокъ.	100 час.
Невыдѣланная Аликантская сода, перваго сорта, растертая въ порошокъ. . . .	100

(*) Намъ кажется также, что марганцовый окисль истребляетъ зеленоватый цвѣтъ, сообщаемый желѣзнымъ окисломъ, отъ котораго употребляемыя въ дѣло вещества не всегда свободны. Въ самомъ дѣлѣ,

Стеклянныя дребезги или обломки. . . . 100
Марганцовый окислъ. . . . . 0, отъ 5 до 1

Песокъ и сода, тщательно смѣшанные вмѣстѣ, потомъ должны быть пересѣяны.

Стекло для бутылокъ, дѣлаемое съ Варенской содой.

Песокъ. . . . . 100 част.
Невыдѣланная варенская сода. . . . 200
Новая зола. 50
Обломки бутылокъ, по желанію, а обыкновенно. . . . . 100.

Бутылочное стекло, въ составъ коего входятъ назолки или земли, происходящія отъ выщелачиванія соды или обыкновенной золы, простой глины или глины кирпичной.

Обыкновенный песокъ бѣлый или желтый. 100 час.
Варенская сода. . . . . отъ 30 до 40
Назолки. . . . . отъ 160 до 170
Новыя золы. . . . . отъ 30 до 40
Желтая или кирпичная глина. . отъ 80 до 100
Обломки бутылокъ, по волѣ, обыкновенно. . 100

фіолетово-красный цвѣтъ, происходящій отъ марганцоваго окисла, составляетъ, смѣшиваясь съ предъидущимъ, цвѣтъ грязно-бѣлый лишь-бы ни одинъ изъ окисловъ не господствовалъ надъ другимъ.

Бутылочное стекло получаетъ свой зеленый цвѣтъ отъ желѣзнаго окисла, содержащагося во многихъ составныхъ частяхъ онаго.

Стекло хрустальное или флинтглазъ.

Бѣлый песокъ.	100 час.
Красный свинцовый окислъ. . .	отъ 80 до 85
Пересженный и немного *выбѣтренный* поташъ.	отъ 35 до 40
Селитра первой варки.	отъ 2 до 3
Марганцовый окислъ.	0,06

Вѣсъ сего стекла 3, 2, такой-же точно, какъ и хрусталя или бѣлаго Англійскаго стекла.

Изъ этаго стекла дѣлаютъ хрустальную столовую посуду, люстры, шандалы, и проч.

Въ продолженіе многаго времени Англія исключительно доставляла намъ весь флинтглазъ, для выдѣлыванія большихъ предметныхъ стеколъ. Г. Даршигъ первый во Франціи сдѣлалъ флинтглазъ со всѣми желаемыми качествами для предметныхъ стеколъ въ 4 вершка въ діаметрѣ: онъ былъ прозраченъ, однослоенъ, безъ струй, и соразмѣрной величины; очки, выдѣланныя изъ сего флинтглаза Г. Консуа, однимъ изъ нашихъ искуснѣйшихъ оптиковъ, оказались столь же хорошими, какъ и лучшія очки изъ мастерскихъ Доллонда. Потомъ, Г. Гинанъ, въ окрестностяхъ Нёшателя, пошелъ еще гораздо далѣе: онъ дѣлаетъ по заказу стекло для предметныхъ

стеколъ въ 4, 5, 6, 7, 8 вершковъ; Г. Гинанъ достигалъ даже до 11 вершковъ: стекло прекрасно. Теперь ГГ. Леребуръ и Консуа употребляютъ оное предпочтительно предъ всякимъ другимъ.

Легко отдать себѣ отчетъ во всемъ, что происходитъ, когда пережигаютъ предыдущія смѣси. Песокъ или кремнистая земля, служащая основой для сихъ производствъ, тѣсно соединяются съ поташемъ, содой, известью и вообще со всѣми окислами. Угольная кислота щелочныхъ солей здѣсь употребляемая, освобождается; тоже можно сказать о селитренной кислотѣ селитры, или о ея началахъ; сурикъ приведенъ въ состояніе закисла, а перекислъ марганца въ состояніе недокисла: слѣдовательно, стекло есть настоящій *кремень*, иногда съ поташнымъ или содовымъ основаніемъ, иногда съ основаніемъ одной изъ сихъ щелочей и свинцоваго или известковаго закисла: квасцы встрѣчаются рѣдко. Окислы марганца и желѣза должны почитаться случайными.

Если есть возможность стекловать различныя смѣси, нами упомянутыя, нагрѣвая ихъ достаточно, то можно также посредствомъ жара и разостекленіе происходящія отъ того стекла. Это разостекленіе, замѣченное въ первой разъ Реомюромъ, съ особеннымъ тщаніемъ было изслѣдовано Г. Даршигомъ: оно состоитъ въ на-

стоящей кристаллизаціи стекловатаго кремня. Чтобы совершить эту кристаллизацію, надо только весьма медленно проспудить растопленное стекло. Изъ всѣхъ стеколъ, подвергающихся сему дѣйствію, самое удобное есть стекло бутылочное. Когда продержимъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ размягченное тѣсто сего стекла, оно превращается тогда въ вещество непрозрачное, сѣро-бѣлое, на видъ похожее на гончарную глину. Самыя трудныя стекла для разостеклованія тѣ, которыя не содержатъ ни извести, ни квасцовъ: кажется даже, что несодержащія вовсѣ ни квасцовъ, ни извести, разостекляются съ величайшимъ трудомъ. Во всякомъ случаѣ, стекло, послѣ разостеклованія, чтобы растопиться, требуетъ огня несравненно сильнѣйшаго нежели прежде. (Смотри записку Г. Дартига, Journal de Phys. на 1804 годъ).

Цвѣтное стекло.

Цвѣтныя стекла не иное что, какъ простыя стекла, къ которымъ, когда ихъ дѣлаютъ, прибавляютъ извѣстное количество красильнаго окисла. Эти стекла употребляются для оконъ; они часто встрѣчаются въ старинныхъ храмахъ. Ихъ употребляютъ также для подражанія драгоцѣннымъ камнямъ, и искусство въ этомъ отношеніи такъ совершенно, что нельзя часто отличить искусственныхъ камней отъ естественныхъ; одна

разница между ними та, что послѣдніе вверже первыхъ.

Въ красный цвѣтъ красятъ стекла алымъ низвергомъ кассія (1074), всего чаще смѣшаннымъ съ марганцовымъ окисломъ;

Въ голубой, окисломъ кобальта;

Въ зеленый: 1е окисломъ хромія; 2е смѣсью кобальтоваго окисла съ хлоромъ серебра или сурьмяннаго стекла; 3е окислами желѣза и мѣди, употребляемыми по одиначкѣ или съ окислами сурьмы и кобальта;

Въ фіолетовый, марганцовымъ окисломъ.

Во всякомъ случаѣ, для полученія даже весьма густаго цвѣта, потребно малое количество красильныхъ веществъ.

Лазурь.

Лазурь есть стекло непрозрачное въ порошокъ и окрашенное въ голубую краску окисломъ кобальта. Этотъ продуктъ приготовляется слѣдующимъ образомъ: въ Шнеебергѣ, въ Саксоніи; въ Плауненѣ и въ Іоахимсталѣ, въ Богеміи; въ Глокницѣ, въ Австріи. Отобравши руду кобальта, ее разбиваютъ, истираютъ, просѣваютъ сквозь рѣшето или моютъ на столахъ (*); потомъ,

---

(*) Эта руда составлена изъ кобальта, мышьяка, желѣза, сѣры, и иногда никкеля бисмута, мѣди: отбирать ее, значитъ отдѣлять ее отъ постороннихъ веществъ, въ ней содержащихся.

выжариваютъ ее въ отбивной печи, и такимъ образомъ превращаютъ ея составныя части, какъ то: сѣру въ сѣрный газъ, освобождающійся; мышьякъ въ недокись, которая сублимируется и сгущается въ трубѣ, довершающей печь; а кобальтъ и желѣзо претворяются въ окислы, остающіеся на полу печи. Когда руда выжарена, ее снова просѣиваютъ сквозь рѣшето, истираютъ въ порошокъ, смѣшиваютъ съ кремнистымъ чистымъ пескомъ, вѣсомъ вдвое или впрое тяжелѣ вѣса руды и почти съ такимъ-же количествомъ поташа; эту смѣсь кладутъ въ плавильникъ и подвергаютъ дѣйствію возвышенной температуры; отъ сего происходитъ чрезъ нѣсколько времени стекло, цвѣтомъ голубое, называемое *смальтомъ*, которое, когда оно еще горячо, бросаютъ въ воду. Сіе-то стекло, истертое между двухъ жерновъ и превращенное въ порошки, болѣе или менѣе мелкіе, составляетъ лазурь. Это послѣднее дѣйствіе происходитъ, когда истертый смальтъ кладутъ въ бочки, наполненныя водою, и когда сей растворъ попеременно взбалтываютъ и сцѣживаютъ воду. Чѣмъ болѣе протекаетъ времени между взбалтываніемъ и сцѣживаніемъ, тѣмъ лазурь мелче; она бываетъ тѣмъ голубѣе, чѣмъ болѣе содержитъ кобальта, менѣе желѣзнаго окисла, и проч.

Эмали.

Есть два рода эмалей: эмали прозрачныя и эмали непрозрачныя. Первыя суть стекла обыкновенно съ свинцовымъ основаніемъ, разцвѣченныя однимъ какимъ-либо изъ упомянутыхъ нами выше окисловъ. Непрозрачныя цѣмъ только разнятся отъ первыхъ, что, кромѣ того, онѣ содержатъ въ себѣ еще и оловянный окислъ; онѣ иногда бѣлы, иногда цвѣтны.

Чтобы получить бѣлую эмаль, должно по словамъ Клуепа, пережечь 100 частей свинца съ 15, 20, 30 и даже 40 частями олова, пока все совершенно не окислится, что обыкновенно и случается; послѣ, надо взять 100 частей окисла или *выжиги*, такимъ образомъ составленной: 25 или 30 частей морской соли, и 100 частей песка, содержащаго четверть своего тальковаго вѣса; изъ сихъ различныхъ веществъ составляется смѣсь, которая топится въ печи для фаянсовой посуды. Слѣдствіе сего плавленія есть бѣлая эмаль; эмаль цѣмъ болѣе способна распапливаться, чѣмъ болѣе въ нее подложатъ свинцоваго окисла.

Эмали посредствомъ распапливанія наводятся на металлы, обосженныя глины и проч. Эмаль можно наводить только на золото, серебро и мѣдь; лакъ, покрывающій фаянсы, есть бѣлая эмаль. (Смотри для бо́льшихъ подробностей, сочиненія Пери и Кумпеля; *l'Art de l'Emailleur*,

М. А Броньяра, Annales de Chimie, томъ IX; и Mémoire Клуета, Annales de Chimie, томъ XXXIV.)

Стразъ.

Стразъ есть бѣлое стекло, составленное изъ кремнистой земли, поташа, буріевой кислоты свинцоваго окисла, и иногда мышьяковаго окисла. Это-то стекло, будучи огранено, походитъ на алмазъ. По словамъ Г. Дуо-Виланда, получаются прекрасные стразы при слѣдующихъ пропорціяхъ: 6 унцій горнаго хрусталя, 9 унцій 2 грановъ сурика, 3 унцій 3 драхмъ поташа, 3 драхмъ буріевой кислоты и 6 грановъ мышьяковаго окисла.

Горный хрусталь долженъ быть истертъ въ порошокъ и просѣянъ сквозь сито. Прозрачный песокъ можетъ до нѣкоторой степени замѣнить горный хрусталь, когда песокъ сей предварительно будетъ подвергнутъ гидро-хлорической кислотѣ; но кремень, производящій всегда массу желтоватую, можетъ быть употребляемъ съ успѣхомъ только для стразовъ небольшихъ или среднихъ. Желтый оттѣнокъ исчезнетъ отъ грани или придастъ еще много лучей и огня.

Поташъ должно избирать осторожно; предпочитается обыкновенно лучшій перлассъ, такой, въ которомъ нѣтъ желѣза и марганца. Г. Дуо совѣтуетъ употреблять ѣдкій поташъ, очищенный алкоголемъ. Я полагаю, что щелочная по-

шашная соль, происходящая отъ смѣшенія одной части селитры съ двумя частями углекислаго поташа, разложенныхъ огнемъ въ глиняномъ или фарфоровомъ плавильникѣ, удовлетворила-бы всѣмъ условіямъ.

Буріева кислота, извлеченная изъ искуственной буры, казалась лучше кислоты самородной буры, безъ сомнѣнія потому, что она тогда освобождена отъ жирнаго вещества, заключеннаго въ сей послѣдней, и которое, въ дѣйствіи, обугливаясь, сообщаетъ продукту желтоватый цвѣтъ; но поелику искуственная бура походитъ теперь на самородную, то должно очищать кислоту: до сего можно достигнуть распапливая ее, сливая, разводя ее въ горячей водѣ и простужая растворъ.

Свинцовый окислъ долженъ быть совершенно чистъ; въ немъ не должно быть ни олова, ни мѣди. Самое малое количество олова сдѣлаетъ его молочнаго цвѣта; крошка мѣди окраситъ его въ зеленую краску.

Мышьяковый окислъ долженъ быть также весьма чистъ; въ строгомъ смыслѣ, его можно даже исключить изъ состава.

Выборъ плавильниковъ весьма важенъ; ни одна частица не должна отъ нихъ отставать и окрашивать собою содержащагося въ нихъ вещества: фарфоровые плавильники въ этомъ отношеніи не оставляютъ ничего желать; но они слишкомъ

проницаемы. Надо употреблять хорошіе Гессенскіе плавильники.

Обыкновенно вещество плавится въ печахъ, служащихъ для обжиганія горшковъ или фарфора. Оно должно оставаться на огнѣ около двадцати четырехъ часовъ. Чѣмъ плавка продолжительнѣе и тише тѣмъ болѣе стразъ пріобрѣтаетъ твердости и красоты.

Искусственные цвѣтные камни.

Сіи камни имѣютъ основаніемъ стразъ; всѣ происходятъ отъ сего стекла, разцвѣченнаго разными металлическими окислами.

Топазъ. Этотъ камень во время своего образованія представляетъ весьма любопытныя измѣненія цвѣта: онъ переходитъ отъ бѣлаго страза въ желтый, сѣрный, въ фіолешовой, въ красный пурпуровый, смотря по разнымъ степенямъ температуры и по продолженію огня. Пропорціи, употребленныя Г. Дуо для составленія прекраснаго топаза, слѣдующія: 1 унція 6 драхмъ страза, 43 грана сурьмянаго стекла, и 1 гранъ пурпура Кассіева; иногда вещество, происходящее отъ сего смѣшенія, остается темнымъ и прозрачно только на краяхъ: тогда употребляютъ его для выдѣлки рубина.

Рубинъ. — 1 часть темнаго топазнаго вещества съ 8 частями страза произвело прекрасный желтоватый кристаллъ, который, будучи под-

вергнутъ дѣйствію паяльной трубки, превратился въ превосходный рубинъ.

Можно также выдѣлывать рубины, впрочемъ, не столь высокой доброты и съ другими оттѣнками, употребляя 5 унцій страза и 1 драхму марганцоваго окисла.

Изумрудъ. — Вещества и пропорціи, коихъ соединеніе самымъ лучшимъ образомъ подражаетъ изумруду, слѣдующія: 8 унцій страза, 42 грана мѣднаго окисла, и 2 окисла хромія.

Сапфиръ. — Чтобы произвести прекрасный голубой восточный цвѣтъ, надо взять 8 унцій самаго бѣлаго страза и самаго чистаго кобальтоваго окисла 68 грановъ.

Аметистъ.—Опытнѣйшіе фабриканты искусственныкъ камней не согласны въ опредѣленіи пропорцій самыхъ удобныхъ: впрочемъ, обозначаемыя нами здѣсь, и которыми мы одолжены Г. Лансону, кажется, предпочтительнѣе другихъ; вотъ онѣ: 1 фунтъ страза, отъ 15 до 24 грановъ марганцоваго окисла, 1 гранъ окисла кобальтоваго.

Аква-марина. — Этотъ камень, не весьма уважаемый, даже когда онъ и не искусственный, есть блѣдный изумрудъ, болѣе голубоватый, нежели зеленый, и цвѣтомъ похожій на цвѣтъ морской воды, отъ чего онъ и получилъ свое названіе. Онъ добывается отъ смѣшенія 6 унцій

страза съ 24 гранами сурьмянаго стекла и 1 грана съ $\frac{1}{2}$ кобальтоваго окисла.

Сирійской гранатъ. — Этотъ камень, называемый древними *карбункуломъ*, цвѣта краснаго, яркаго, очень пріятнаго: его составляютъ слѣдующимъ образомъ: берутъ

Страза.	7 8
Сурьмяного стекла.	$3\frac{1}{2}$ 4
Кассіева пурпура.	2
Марганцоваго окисла.	2

Вообще, для выдѣлки хорошихъ искусственныхъ камней, надо, не только соблюдать пропорціи, но и вмѣстѣ быть весьма осторожнымъ. Одна изъ важныхъ предосторожностей состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно мелче истирать въ порошокъ и порфиризировать вещества; каждый составъ долженъ быть протертъ сквозь особенное сито; огонь долженъ быть постепенный и ровный въ высшемъ градусѣ своей температуры; наконецъ, надо вещества подвергать дѣйствію огня въ продолженіе 24 или 30 часовъ, и простужать плавильники весьма медленно. (Для бо̀льшихъ подробностей можно прочесть Bulletins de la Société d'Encouragement et Annales de Chimie et de Physique, Томъ XIV, стран. 57.)

(*Окончаніе въ слѣд.* N°)

Къ сему N° Прибавленія приложено *изображеніе письменнаго стола.*